

1
2010

РОССИЯ XXI

1.2010 январь-февраль

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Судьба развития в современной России
(окончание) _____ **4**

Геоглобалистика

Ольга Четверикова

Католицизм в наступлении: идеология
и политика Ватикана в условиях перехода
к глобализированному мировому порядку __ **34**

Татьяна Симонова

Российская военная эмиграция и фашизм:
политика и геополитика _____ **60**

Ярлыки и мифы

Дискуссия: проблемы российской культурологии

От редакции _____ **88**

Игорь Кондаков

Серебряный век как «притча во языцах» __ **89**

Владимир Булдаков

Миф на вузовской кафедре: истматовская судьба
«Серебряного века» _____ **106**

Андрей Ранчин

О культурологии, «Серебряном веке»
и статье Ютты Шерер _____ **118**

Страницы истории

*Анастасия Готовцева
Оксана Киянская*

Семейная история К.Ф.Рылеева
в историко-литературном контексте
конца XVIII—начала XIX века _ **132**

Редакционная почта

Андрей Юрганов

Историческая феноменология:
«Не объяснять, а понимать» _ **176**

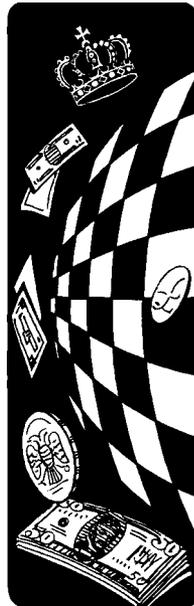
РОССИЯ XXI

Contents in English look at the page 196

Только функционируя в качестве действия конкретного, иначе – живого, которое один человек предпринимает по отношению к другому, слова обретают свою реальность. Поскольку люди, обменивающиеся словами, – это человеческие жизни, а всякая человеческая жизнь в любой миг находится в определенной ситуации, или обстоятельствах, то вполне очевидно, что такая реальность, как «слово», неотделима от самого говорящего, от того, кому говорится, и в равной мере – о той ситуации, в которой оно произносится. Любой иной подход заведомо превращает слово в абстракцию, ампутирует его смысл, в результате чего от него остается какой-то бездушный обрубок.

**Речь состоит не только из того,
что она сама собой говорит,
но из осознания смысла всей
ситуации.**

Хосе Ортега-и-Гассет

Сергей Кургинян

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

СУДЬБА РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

УДК
304.9

Fate of development in Russia and the world is the political issue. In itself it requires unconventional solutions, rejection of traditional intellectual patterns and obsolete methods. Appraising role of operational and conspiracy approaches to the political analysis the author focuses on logical analytics. A political analyst has to rely on any recorded open statements. Any word said in public is a micro fact. Henceforth the direct statements on development are to be the subject matter and the foundation of thematic and objective analysis. The aggregation of all logos is the primary material. Logical analytics of the 21st century is striving to confront the dehumanizing reality. A study has to base on non-literal understanding of various political logos and their context to which a word is connected. A word always is a circumlocution fraught with potential for a rational reading.

Ключевые слова: развитие в России и мире; конспирологический псевдометод; логоаналитика; фактология; общественное сознание.

E-mail: ecc@ecc.ru

---

¹Отрывок из новой книги Сергея Кургиняна «Исав и Иаков. Судьба развития в России и мире». Т.1. М., 2009. Методологическое введение. Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2009. №6. С.4.

Судьба развития в России и мире – это политический вопрос. По крайней мере, я собираюсь обсуждать эту самую судьбу именно в таком качестве. Как я уже говорил в двух своих предыдущих книгах («Качели» и «Слабость силы»), исследование нетранспарентных или не полностью транспарентных политических вопросов (а полностью транспарентные политические вопросы у нас на глазах приобретают чудовищно фальшивый характер) может быть либо оперативным, либо конспирологическим, либо... Либо логоаналитическим.

Оперативное исследование базируется на материале, добытом с помощью прямых проникновений в сферу нетранспарентного. Я поясню. Как только вы делаете заявку на исследование (и именно исследование) судьбы чего бы то ни было (развития в том числе), вы признаете наличие у этого, вами исследуемого процесса – судьбы. Говорите ли вы о судьбе России, судьбе мира, судьбе развития или же о судьбе каких-то иных объектов, явлений или тенденций (судьбе Европы, судьбе США, судьбе капитализма и так далее), вы, взявшись исследовать не абы что, а судьбу, превращаете свое исследование в исследование по преимуществу политическое.

Даже если вы древний грек, свято верующий в мойр и ткущиеся этими мойрами нити судьбы... Вы ведь, как древний грек, не только в мойр веруете, но и в Прометей, не чуждого этим мойрам? А что он, Прометей этот, в итоге сотворил за вычетом разного рода «мелких» деяний, посвященных развитию какого-то там человечества? Он Зевса предупредил об опасности! Не сразу, но предупредил. Узнав у мойр, что этого самого Зевса ждет (диалог с мойрами и есть исследование судьбы), Прометей объяснил владыке Олимпа, как избежать неблагоприятной для его правления судьбы. Избегание судьбы... Согласитесь, что это (как, кстати, и почти все, чем занимались в античной Греции) является по сути своей политикой и только политикой...

Итак, даже если вы древний грек (не принадлежащий к совсем уж специфическому фаталистическому сообществу), то вы веруете и в мойр, и в Прометей. То есть в разруливание всех и всяческих судеб, включая судьбу высочайшего божества. Что такое тогда для вас исследование судьбы? Это постижение тайн кем-то (теми же мойрами, например, или кем-то еще) запускаемых процессов плюс возможность исправить ход процессов за счет познания их структуры, характера и генезиса.

Но вы же не древний грек, а человек XXI века, будь он неладен. Вы худо-бедно понимаете, что судьба – это столкновение сил, то есть политика.

А у этих сталкивающихся сил есть источники (они же субъекты). Это могут быть разного рода сообщества. По Марксу – классы. По Питириму Сорокину – элиты. По Гэлбрейту – техноструктуры... И так далее. Короче, эти субъекты суть мойры XXI века. Субъекты имеют как суррогатные цели, вытекающие из их интересов (в этом случае субъекты часто называют «группами по интересам»), так и цели подлинные, вытекающие из наличия идеалов (религиозных, парарелигиозных, светских).

Идет ли речь о соотношении развития (российского, общемирового или иного) с определенными масштабными интересами, со столь же масштабными идеализациями (крайний случай – идеологиями) или же сразу и с тем, и с другим – у разных субъектов (а их в современном мире отнюдь не мало) есть свои виды, так сказать, на развитие. Быть ему или не быть... Каким ему быть... От этого, как минимум, зависят многие триллионы долларов. А на самом деле, нечто несравнимо большее – власть и смысл. Соответственно, субъекты борются за то, чтобы их замыслы касательно развития (или чего угодно еще) были реализованы, а планы их конкурентов – нет.

Что значит эту (политическую по определению) борьбу исследовать? Это значит обнаруживать нетранспарентное. В самом деле, тот, чья цель остановить развитие, никогда не отрекомендуется противником развития как такового. Создаваемые им (или ими, если противников развития несколько) структуры, являющиеся средствами обеспечения неразвития, должны это неразвитие расхваливать. Но такое расхваливание (война с прогрессом это в просторечии называется) является функцией инструментов, используемых субъектами, а не субъектов как таковых. Субъекты же неразвития (крайний вариант – контрразвития) будут или молчать, или вяло и неумно обсуждать правильное (например, устойчивое) развитие и осуждать развитие неправильное.

Что такое, с этой точки зрения, оперативное исследование судеб развития? То есть – как мы уже установили выше – оперативное исследование политических стратегий развития и неразвития и задействующих эти стратегии субъектов? Исследуя напрямую, без опосредования чем бы то ни было (то есть оперативно) судьбу развития, автор оперативно-исследования рассуждает так: «Если есть судьба, то есть осуществляющие (в борьбе друг с другом или по единому плану) эту самую

судьбу социальные сущности. Я доберусь до мест, где они судьбоносничают. Я приставлю своих наблюдателей к каждому из судьбоносников. И с достоверностью, равной 100%, узнаю, что именно они замысливают».

Если автору оперативного исследования удастся осуществить свой план и в его распоряжении окажутся достаточно полные данные о судьбоносниках и судьбоносности...

Если этот автор опубликует свои данные, причем доказав, что речь идет о настоящих данных, а не о фальшивках...

Если он предоставит читателю калибровку своих данных, убедив его в том, что фигурирующие в этих данных лица и структуры и впрямь являются вершителями судеб, а не самозванцами и баронами мюнхгаузенами...

Если автору удастся объяснить, как действие вершителей исследуемых им судеб развития соотносится с никому не подконтрольными объективными процессами...

Если все это будет реализовано автором, то... То останется два недоумения, которые все равно будут довлеть над оперативным исследованием, опубликованным в открытой печати.

Первое недоумение будет касаться того, как же это вершители мировых судеб не помешали не входящему в их круг автору раскрыть их, вершителей, тщательно скрываемые замыслы.

Второе недоумение будет касаться странного поведения автора. При том, что все описанные мною условия, которые автор должен выполнить, да и само авторское намерение оперативно прощупать всех судьбоносцев, явно адресуют к очень и очень коллективному авторству. Зачем такому автору открывать свои спецфайлы вместо того, чтобы пользоваться ими в соответствии с их спецификой? Ведь, осуществив такое открытие, автор нарушает правила игры, ставит под удар тех, кто предоставлял ему информацию, и так далее. Поскольку автор, сумевший осуществить столь амбициозное оперативное начинание, не может быть не только одиночкой, но и романтиком, то никто не сможет освободить опубликованное оперативное исследование от подозрения в том, что его коллективный автор соучаствует в той или иной игре разоблачаемых им вершителей судеб. Например, организует супермистификацию по поручению этих самых вершителей. Или обеспечивает своими публикациями войну одних вершителей с другими.

Но обеспечение такой супермистификации или войны по определению не имеет ничего общего с исследованием. Мистификатор уж никак

не имеет права быть объективным. А воюющий... Тут ведь тоже действует принцип «на войне как на войне», с объективностью не имеющий ничего общего.

Впрочем, у меня лично нет никаких сомнений в том, что еще до той поры, когда начнут возникать вышеназванные подозрения фундаментального характера, произойдет тот или иной сбой в алгоритме оперативного исследования. Данные автора окажутся неполными... Достоверность данных окажется крайне проблематичной... Весомость лиц и структур, данные о планах которых будут предъявлены автором, окажется совсем иной, нежели та, которую автор этим лицам и структурам присвоит... Увлеченность действиями судьбоносцев вытеснит из сознания автора все, что связано с объективным (собственно историческим) началом и его влиянием на те же судьбы развития. А также на какие бы то ни было другие судьбы, буде их захотят исследовать оперативным путем.

Высказанные мною соображения никоим образом не могут и не должны дискредитировать оперативный метод исследования вообще и оперативный метод исследования судеб развития в России и мире в частности. Просто всему свое место. Разведанным – спецпапкам, спецфайлам, спецартефактам и пр. – место в сейфах соответствующих ведомств. Или в сейфах частных архивов.

Данное утверждение не имеет ничего общего с отрицанием косвенного использования оперативных фактур. Каждый, кто занимается исследованием каких-либо судеб, отдавая должное (должное, но не более того) влиянию на эти судьбы разного рода интересантов, пользуется оперативными сведениями. Но – как по соображениям, изложенным мною выше, так и в силу других причин – очень дозированно, осторожно и опосредованно. Никто не будет строить открытое, предназначенное для публикации исследование, опираясь на оперативные данные не абы как, а именно как на фактологию. Но и без фактологии – и это, я надеюсь, понятно – исследование в принципе невозможно.

Поэтому отдадим должное тем, кто добывает, упорядочивает, проверяет и хранит оперативные данные. И на этом подведем черту под (как мы убедились, крайне проблематичной) попыткой написания того, что можно назвать «спецкнигой». То есть книгой, предназначенной широкой публике и одновременно обсуждающей вопрос о судьбе развития в России и мире с опорой исключительно на оперативные данные.

Второй метод исследования все тех же судеб развития, казалось бы, крайне близкий к оперативному, на самом деле невероятно далек и от

своего кажущегося соседа, и от подлинной исследовательской работы как таковой. Я имею в виду пресловутую конспирологию, или теорию заговора.

Создатели конспирологических сочинений, необоснованно претендующих на статус исследования, чураются того, без чего исследование в принципе невозможно. А именно – внятной фактологизации как начального и обязательного этапа исследования. Применительно к рассматриваемому мною предмету одни конспирологи будут разоблачать «заговор развития», другие – «заговор неразвития», третьи – войну двух групп заговорщиков. Но никто из этих конспирологов не удосужится привести факты, на основе которых говорится о наличии заговора (заговоров). Никто никогда не станет заниматься калибровкой (определением реальной влиятельности) центров сил, чья война якобы определяет судьбу развития. И, уж тем более, никто из этих псевдоисследователей не будет обсуждать ту историческую объективность, без которой любое моделирование игр, осуществляемых субъектами того или иного ранга, гроша ломаного не стоит.

Если конспирологический метод и можно (с оговорками и натяжками) назвать методом, то только потому, что люди, все более отчетливо понимающие степень волонтаристичности политики XXI века, а также степень нетранспарентности этой политики, начинают признавать заговоры единственной политической достоверностью современности. Ну, что достовернее 11 сентября 2001 года? И кто может сказать, что удар по башням в этот день не был заговором? Другое дело, чьим заговором, но ведь заговором.

Если с заговором как достоверностью XXI века не будут работать всерьез – оперативно или иначе, – то востребуются и суррогатные обсуждения заговоров. Тем более, что для сил, участвующих в реальной большой игре, конспирология не только безопасна, но и полезна. И потому, что она позволяет сколь угодно долго вести по ложному следу пытливые, но неразборчивые умы, уводя все еще активное меньшинство от реальной борьбы против реального отчуждения... И потому, что ее, конспирологию эту, в любой момент можно вывести на чистую воду. Причем так, что гомерический хохот надолго отобьет у тех, кто всерьез хочет заниматься нетранспарентностью, охоту что-либо обсуждать открыто в части этой самой нетранспарентности. Такие этюды с высмеиванием разного рода фиктивных конспирологических построений очень успешно выполнялись в XIX веке, но и не только.

В 1992 году все активное меньшинство, взбудораженное распадом СССР как явно нетранспарентным процессом, обсуждало публикуемую в патриотической газете конспирологию. В этой конспирологии трагический и беспрецедентный по своим глобальным последствиям распад СССР и коммунистической системы в целом, распад, воистину загадочнейший и совершенно, повторяю, нетранспарентный, был интерпретирован как война тайных Орденов, длящаяся столетиями и даже тысячелетиями. Орденов было названо два. Как полагается, светлый и темный. Были названы также советские силовые структуры, ядром одной из которых был светлый Орден, а ядром другой – Орден темный. И, наконец, были названы гроссмейстеры темного и светлого Орденов. По случайности, я хорошо знал обоих. Знал также – вовсе не понаслышке, – в какой шок привело этих людей (вполне приличных и умных, но беспредельно далеких от любой сопричастности орденскому началу) их причисление к тайному руководству миром и его судьбами.

Знал я и о реакции двух силовых структур на это причисление их системообразующих элит к конкурирующим парарелигиозным орденским центрам. Время было нелегкое. Силовиков поносили почем зря, причем и тех и других. Описание, которое я рассматриваю, оказалось популярным, ибо в процессе, повторяю, и впрямь было нечто загадочное. И потому любое его разъяснение через раскрытие загадок оказывалось востребованным. Одни силовики пожимали плечами, другие начинали подозревать в чем-то свое начальство (тем более что оно давало к этому основания), третьи – легитимировать межведомственную склоку своей причастностью к светлому орденскому началу. У всех, включая военные вузы, которые должны готовить высший командный состав, на это конспирологическое варево обильно выделилась слюна... Немалая и без того дезориентация существенно увеличилась...

Прошли годы. Автор той конспирологической модели сначала обнаружил в темном Ордене светлую часть. Потом в светлом Ордене – темную часть. Лица, названные гроссмейстерами Орденов, поволновались и успокоились. Структуры, выйдя из состояния абсолютной униженности, занялись разного рода прагматическими делами в новорусском стиле. Автор конспирологической модели, напечатав серию статей и издав книгу (кое для кого и до сих пор чуть ли не культовую), стал в дальнейшем и вносить поправки в модель, и дистанцироваться от оной. Одновременно автор стал респектабилизоваться и, как мне почему-то кажется, в своем нынешнем состоянии к той своей конспирологии (а уж

тем более к названным им наобум «гроссмейстерским» именам) относиться, мягко говоря, более чем иронически.

Но ведь загадка распада СССР осталась! И сколько политической энергии, необходимой донельзя, оказалось растрчено попусту! Неразборчивые (в этом их минус) и небезразличные (в этом их плюс) молодые люди того времени, глубоко переживавшие распад СССР и стремившиеся выработать какую-то идеологию Сопротивления (сопротивления – чему?!), сначала ломанулись по ложному следу, потом, устав, потеряли интерес к разгадыванию наиважнейшей загадки XX века – загадки распада красной супердержавы. Вот вам и конспирологический псевдометод. Кстати, на языке реальных закрытых социальных структур (а их, как все понимают, отнюдь не мало) подобное задание ложной конспирологической псевдоисследовательской траектории называется «закрытием с помощью лжеоткрытия».

Разобравшись следом за оперативным методом и с методом конспирологическим (который является псевдометодом), я, наконец, могу перейти к тому, чему должен был бы посвятить большую часть своего методологического введения. То есть к методу, с помощью которого в данном сочинении будет исследоваться судьба развития в России и мире.

Я называю этот метод логоаналитикой. Признаюсь, введение новых слов для названия новых методов мне малосимпатично. И я с радостью назвал бы этот метод герменевтикой высказываний или даже просто политической филологией. Но, во-первых, уже есть великий психолог XX века Франкл, который назвал свою психотерапию логотерапией (терапией, основанной на содействии поиску потерянного пациентом смысла). Во-вторых, филолог занимается определенными (написанными или, в случае фольклора, записанными) высказываниями, чаще всего имеющими хоть какое-то отношение к художественному творчеству. Я же собираюсь опираться как на факты на любые зарегистрированные открытые высказывания – телевизионные и радиовыступления, речи, интервью, случайные реплики и так далее.

Микрофактом, на который я, как исследователь, опираюсь (а исследование – повторяю в который раз – В ПРИНЦИПЕ невозможно без опоры на фактологию), является любое авторизованное публичное слово. Сказано ведь, что «слово не воробей, вылетит – не поймаешь». Если я могу доказать, что такое-то слово произнесено таким-то лицом там-то и там-то по такому-то поводу, то это слово (хоть целая книга, хоть случайная реплика, хоть подтекст, хоть интонация... а хоть бы и

просто невербальная, но убедительная жестикация, сопровождающая высказывание) является для меня микрофактом. Постольку, конечно, поскольку «это» имеет отношение к исследуемому мною предмету. Соответственно, в данном сочинении фактами, то есть опорой предметности, являются те или иные публичные слова о развитии.

Совокупность этих слов – логосов – для меня является фактологическим первичным материалом. Подчеркну еще раз, что я не считаю нужным пренебрегать и невербальной публичностью. Что для меня важны субвербальные компоненты (интонация, жестикация, сопровождающие высказывание, и так далее). Лишь бы все это было публично. Лишь бы было зарегистрировано – что, где, когда, кем, почему и так далее. Такой фактологический первичный материал, состоящий из структурированной совокупности микрологосов, я называю фактологическим первичным массивом непроверяемых данных. К этой совокупности (конечно, уже структурированной с помощью известных приемов, не заслуживающих отдельного описания во введении и уже обсужденных мною в других книгах) я отношусь как к Тексту (паратексту, диффузному тексту и так далее). Этот Текст анализируется мною с помощью набора аналитических инструментов, которые я уже неоднократно описывал в своих книгах.

Поскольку используются аналитические (и именно аналитические) инструменты, то метод мой есть аналитика *par excellence*. В конце концов, существует и аналитика Бытия, не правда ли?

Поскольку инструменты используются для понимания фактологического массива (Текста), состоящего из высказываний, то есть логосов, то речь идет о логоаналитике.

В конце концов, дело не в названии метода, а в его сути. Я анализирую систему высказываний, как физик – систему экспериментальных данных. Для меня каждое высказывание о развитии – это определенным образом калибруемый факт. Совокупность фактов-высказываний – это фактология предмета. Изучение этой фактологии с помощью разных аналитических инструментов представляет собой исследовательскую процедуру, надстраиваемую над определенным образом понимаемой фактологической базой.

Были ли мои знакомые гроссмейстерами борющихся Орденов – поди докажи. Меньше всего об этом знает тот конспиролог, который приписывает им данный, более чем сомнительный, элитный ролевой статус.

А вот кто, что, где и когда сказал о развитии, доказать не стоит никакого труда.

Соответственно, суждения о сомнительном орденском статусе моих знакомых не могут быть фактологической базой исследования. А раз нет фактологической базы, то нет исследования.

А массив, состоящий из авторизованных датированных высказываний о развитии, является надежнейшей фактологической базой, не так ли?

В этом отличие логоаналитики от конспирологии.

В чем отличие логоаналитики от оперативного метода, объяснять, надеюсь, не надо.

Все тот же нетерпеливо-требовательный читатель, с которым я все время веду мысленный диалог, может мне возразить: «Да, ваша база данных является фактологией. Но это более чем скудная фактология. Что из нее при такой ее скудности можно выжать?» Отвечаю.

Во-первых, все зависит от качества аналитических инструментов и профессионализма тех, кто их использует.

Во-вторых, отсутствие опоры на оперативную фактологию не означает, повторяю в который раз, отсутствие дозированного использования этой самой оперативной фактологии. Использования сугубо опосредованного, точечного. Чаще всего проверочного (нет ли расхождения построений с имеющимися неафишируемыми данными). Но иногда и герменевтического.

В-третьих, о скудности или нескудности результатов можно судить лишь по прочтении исследования, в котором некие результаты получаются с использованием логоаналитики. Ее и только ее.

В-четвертых, рассматривая систему высказываний как Текст, логоаналитик относится к Реальности, так или иначе соотносящейся с этим Текстом, как к контексту. Поэтому обвинения логоаналитики в абсолютизировании зачастую не лучших по своему качеству логосов ложны. Логоаналитик – это вовсе не «текстоман».

Еще одно вопрошание требовательно-нетерпеливого читателя, на которое я должен ответить уже во введении, связано с ретро, как бы вытекающим из – мною всячески подчеркиваемой – филологичности метода. Классическая филология, как и классический жанр беседы, – это и впрямь стопроцентное старогуманистическое ретро. Но где же это я сказал, любезный сердцу моему нетерпеливый читатель, о КЛАССИЧЕСКОМ характере предлагаемой мною логоаналитической политической филологии?

Является ли сказанное политиком слово воробьем, вылетевшим из его рта, не знаю. Но то, что это слово (оно же – политический микроло-

гос), вылетев, начинает жить совершенно отдельной жизнью, обретает плоть, действует, наплевав на волю того, кто этому слову дал вылететь, влияет на очень и очень многое способом, абсолютно не предполагавшимся тем, кто слово произнес, а повлияв на это очень и очень многое, начинает влиять и на самого автора... Это я знаю точно. Может ли являться КЛАССИЧЕСКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ логоаналитическая методология, в которой есть место для таких неклассических процедур, как словесная ворожба, магия слов, заклятие словом?

Так что же, я хочу использовать иррациональную методологию?

Во-первых, кто сказал, что, исследуя судьбу чего бы то ни было, а уж тем более судьбу развития в России и мире, надо быть абсолютным ревнителем строжайшей рациональности? К примеру, монахи, занимавшиеся экзорцизмом, то бишь изгнанием бесов, были чистейшей воды исследователями. У них был и предмет, и метод, и инструментальность (в каком-то смысле даже технологичность). Но можно ли и нужно ли при их предметно-методологической направленности требовать абсолютной и строжайшей рациональности применяемого ими метода?

Во-вторых, что такое рациональность в XXI столетии? Когда Джордж Сорос написал книгу «Алхимия финансов» – что он, по большому счету, имел в виду? Что слова о деньгах становятся важнее самих денег. Рационален ли мир, в котором слово о чем-то (например, о деньгах) становится важнее того, с чем соотносится слово? Для рационального мира слово отражает, а не взрывает реальность. Так где он, этот мир? Нет его! Мировой финансовый кризис, предсказанный Соросом с позиций его алхимии и вытекающего из нее примата слов над реальностью... Разве он не говорит о том, что магия слов, ворожба слов, заклятие словом – это абсолютно конкретные (и абсолютно несовместимые с классической филологичностью, в рамках которой, повторяю, слова отражают, выражают, но не взрывают почти одновременно реальность) реалии XXI века? Каков век, таков и метод, исследующий его, не так ли? Адепты «постдействительности», проектанты «многоэтажности», вы ждете от нас капитуляции и в вопросе о методе? Ждете, что мы будем применять классический метод к неклассическому объекту? НЕ ДОЖДЕТЕСЬ!

Сказавший о ворожбе слов, о заклятии словом, о магии слова получает – о, ужас! – ярлык иррационалиста и врага рациональной научности? А тот, кто говорит... ну, хотя бы просто об общественном сознании... Он кто? Где сознание, там и подсознание, сверхсознание. Ах,

есть, оказывается, не общественное сознание, а общественное мнение. Во-первых, это не так. А во-вторых, пусть даже это так, и что? С позиций того, что мы сейчас обсуждаем, никакой разницы между общественным сознанием и общественным мнением нет. Я не говорю, что разницы вообще нет. Я всего лишь говорю, что разницы этой нет с позиций того, что мы сейчас обсуждаем.

В конце XX века стало ясно, что общественное (оно же народное) мнение, а также общественное сознание (а значит, повторяю, и под- и сверхсознание) управляемы, моделируемы в весьма существенной степени. Вместе с методами этого управления и даже моделирования (они же – гуманитарные технологии) в мир вернулось все избыточное и иррациональное – магия, ворожба, колдовство, заклятья. Возникает наикомичнейшая ситуация («было бы смешно, когда бы не было так грустно»), в рамках которой сказать, что общество можно заморозить, заколдовать, заклясть и очаровать, – это значит расписаться в приверженности маргинальному антинаучному оккультизму. А сказать, что общественное сознание (или мнение) программируемо так-то и так-то, объяснить, чем нейролингвистические программы отличаются от нейросемантических или нейросемиотических, – это значит находиться на переднем крае современной научной рациональности. Но речь-то идет об одном и том же!

Чем нейролингвистическое или нейросемантическое программирование отличается от магии, заклятий, ворожбы? Технологичностью? Так магия во все времена была технологична! А если вдобавок поднапрячься и доказать, что все нейросемиотические, нейросемантические методы под кальку списаны с разного рода заклятий (буддистских мантр, заклятий вуду и так далее), то, согласитесь, станет очень смешно. И очень грустно одновременно.

Сколько ни ходи вокруг да около, придется рано или поздно признать, что так называемое психо-нейро-социопрограммирование, как, впрочем, и все гуманитарные технологии вообще, вернули в мир магию, колдовство, ворожбу словом. Все то, что, может быть, мир никогда и не покидало по-настоящему, но теперь укоренилось в нем на новых основаниях. И не надо наивничать, дражайший мой нетерпеливый читатель, убеждая себя и других в том, что программинг, восстановив в своих правах ПРИНЦИПЫ магии и колдовства, не восстановит в своих правах рано или поздно и РИТУАЛЫ. Возможно, усовершенствовав их до крайности, но в любом случае восстановив во всей своей полноте то

отношение к человеку, которое было отменено в связи с признанием одного венцом Творения.

Восстановление этого антигуманистического отношения к человеку уже идет. Всматриваясь в новые культы, включая культ потребления, мы понимаем, что новое – это хорошо забытое старое. Гуманитарные технологи, манипулирующие сознанием и подсознанием расчеловечиваемых ими антропоскотов, расшаркиваются перед магами. А те, чуть что, обращаются за самолегитимацией к технологам. Вопрос на засыпку: может ли все это так раскручиваться по принципу «технология – магия – технология-штрих – магия-штрих» (смотри у Маркса: «товар – деньги – товар-штрих»), не трансформируя при этом всей структуры общества, всей системы социально-политических и культурных отношений?

Советская перестройка конца 80-х годов XX века – случайно ли вывела на большую политическую арену магов, парапсихологов, экстрасенсов? Не эти ли, выведенные из частных квартир и специнституты к стомиллионным телеаудиториям, кашпировские поволокли за собой в большую политику разного рода технологов, нейролингвистов, нейросемантиков и так далее? Техногуманизация идет рука об руку с дегуманизацией через архаизацию. Неужели остались сегодня слепцы, не ведающие того, как именно одно связано с другим? Неужели остались еще в нашем (да и всемирном) антропозаповеднике (краю непуганых идиотов) особи, не понимающие, чем завтра или послезавтра обернется это самое «рука об руку»?

В общественно-политических дискуссиях очень часто приходится сталкиваться с ситуацией двойных стандартов. Например, когда обрушивающийся на тебя, как противника, шквал нецензурщины всячески поощряется и именуется, если дискуссия носит интеллектуальный характер, «использованием современного постмодернистского языка». А если дискуссия носит характер более упрощенный, то «гласом народа» или «здоровой реакцией критически настроенной части общества». Если же в ответ ты используешь адекватные средства коммуникации, то это именуется «возмутительным нарушением форм коммуникаций, принятых в цивилизованном сообществе». Мы имеем дело с разнообразными способами ведения военных действий, которые нападающая сторона применяет, забывая на момент применения о нормах объективной дискуссии. Но когда против этой стороны применяются военные же методы полемики, то она возмущенно указывает на нарушение применяемыми норм объективной дискуссии. Да и объективности вообще.

Впервые я изумился по данному поводу лет двадцать назад, когда еще верил в объективность этой самой нападающей стороны, почему-то называвшей себя «прогрессивно мыслящей интеллигенцией». Речь тогда шла о «войне на уничтожение», объявленной одному крупному функционеру ЦК КПСС, отнюдь не принадлежавшему к реакционному крылу данной партии. Война на уничтожение предполагала не только расправу с взглядами данного лица, но и крайне уничижительное, мягко говоря, обсуждение его внешности. Лицо при этом обладало вполне пристойной внешностью, конечно же, весьма далекой от идеалов греческой античности или «норм мачо», задаваемых голливудскими боевиками. Но почему в политической дискуссии надо было называть данное лицо не иначе как «боровом», а то и более жестко, я понять не мог. И наивно указал на то, что оппонент данного лица из антикоммунистического лагеря, прославляемый той же самой «прогрессивно мыслящей интеллигенцией», обладает внешностью, гораздо более уязвимой, нежели его оппонент из лагеря КПСС.

«Мне непонятно, почему вообще надо апеллировать к внешности, – сказал я. – Но если уж использовать непристойные оценки типа "боров", то антикоммунистический оппонент, согласитесь, под них еще больше подходит». На это мне было отвечено, что партийный функционер – это натуральный боров, отвратительный донельзя. «А его оппонент?» – спросил я. Прогрессивный интеллигент подумал секунды три и ответил: «Это милейший, очаровательнейший пингвинчик».

Почему-то именно с этого момента мне все стало окончательно ясно. И в плане общественно-политической полемики, и в плане гораздо более важных (и опасных для противников) видов интеллектуальной деятельности, к которой, например, относится написание книг, подобных данной. И я не удивляюсь тому, что программинг, призванный разрушать (диссоциировать, декомпозировать, деструктурировать и так далее) идеальное, – это высоконаучный метод использования технологий, связанных со словом и образом. Я не удивляюсь также тому, что технологии, задействованные в рамках этого варварски дегуманизирующего программинга, именуются ГУМАНИТАРНЫМИ (как и «гуманитарные акции»).

Я понимаю, что в этом есть глубочайшая издевка, и отдаю дань сарказму тех, кто так издевается, а также их способности спрятать свой сарказм от все еще крайне наивной российской и мировой публики, которую нужным образом «упаковывают» с далеко идущими и очень дисконформными для данной публики целями.

Я понимаю также, что применение обратных технологий, призванных восстанавливать разрушенный гештальт, технологий, связанных с рефлексией на диссоциативный программинг, и уж тем более со встречной (по отношению к применяемой десимволизации) ультрасимволизацией, будут называть ненаучными, архаическими и так далее.

Я просто призываю (а) осознать асимметрию используемых критериев, (б) понять, что эти критерии использует не сторонник объективной дискуссии, а воюющий против нас противник, и (в), даже осознав это, не зарываться, сдерживаться, не уподобляться противнику. Да, не уподобляться, но и не использовать средства борьбы, отдающие ретро и потому крайне удобные для противника. А главное – я призываю к тому, чтобы расстаться, как минимум, на ближайшие 20–25 лет с фундаментальной иллюзией, согласно которой возможно интеллектуальное «мирное сосуществование» гуманистов и антигуманистов, то есть сторонников абсолютно разных и именно антагонистических проектов мироустройства.

Нет уж, на войне как на войне. В интеллектуальном плане, кстати, эта война давно является не «холодной», а «горячей». Я бы даже сказал «перегретой». Остудить эту войну, конечно, хотелось бы. Но не за счет односторонней сдачи позиций теми, кто еще сохраняет веру в пусть и трансформированный существенным образом, но именно гуманистический идеал.

Логоаналитика XXI века, стремясь противостоять дегуманизирующей все на свете реальности, не может быть классической старогуманистической филологией. Она должна быть вооружена адекватным своему времени пониманием роли политического слова и степени его воздействия на реальность. Для логоаналитика слово, ставшее плотью, не метафора. И не патент на нечто гуманистическое. Это та реальность, которую враги гуманизма уже взяли на вооружение. Уподобляться врагам, повторяю, нельзя – аморально и контрпродуктивно. Но игнорировать то, чем реальность уже начинена до предела... Это значит – повторяю в который раз и буду повторять постоянно в связи с особой важностью данного положения, – ЭТО ЗНАЧИТ РЕТРОКАПИТУЛИРОВАТЬ.

Ну, а теперь я на конкретном примере (без которых все всегда остается несколько смутным) попытаюсь пояснить, что значит – в рамках используемого мной логоаналитического подхода – автономизация слова и высказывания от субъекта, исторгнувшего из себя подобные микрологосы.

Пример, поскольку речь идет о политическом слове, должен быть общеизвестным и на тысячу процентов политическим. Для меня – и, думаю, не только меня – ярчайшим из подобных примеров является одно особо показательное камлание, осуществленное Ельциным, в принципе далеко не чуждым всему, что связано с политически регрессивной магией слова.

В 1999 году президент США Билл Клинтон принял отвратительное и абсолютно внеправовое решение о бомбардировках Югославии. Тогда же президент России Борис Ельцин прорычал, что Клинтон, принимая данное специфическое решение, забыл, каков ядерный потенциал России и чем чревато для США и мира задействование этого потенциала в ответ на поступки, подобные тем, которые совершил под влиянием приступа амнезии плейбой, мальчишка, президент каких-то там, понимаешь ли, США.

Сказано это было Ельциным во время визита в КНР. Рассмотрим данное высказывание в отрыве от всего: лица, его произнесшего, ситуации и так далее. Какова тогда содержательность высказывания? Ну, например, с позиций той же теории информации. С этих позиций содержательность (информативность) высказывания строго равна нулю или же констатации того, что Волга впадает в Каспийское море.

А какова содержательность данного высказывания с позиций логоаналитики? Она отнюдь не равна нулю. Почему? Начну с рассмотрения тона (интонации) ельцинского высказывания. Тон этот был более чем впечатляющий. Особенно с учетом того, что ранее (еще один элемент логоаналитического подхода – это самое «ранее») Ельцин называл Клинтона не иначе, как «друг Билл». Может быть, Ельцин и в рамках этого «ранее» Клинтона ненавидел и презирал. Но называл он его именно так.

Почему же произошел такой семантический и интонационный скачок? Был ли Ельцин одновременно возмущен выходкой этого самого «друга Билла»? Накопилось ли в его донельзя сложной душе нечто за годы унижительных реверансов в адрес всеблагого и всевеликого «дяди Сэма» (чего стоит его знаменитое высказывание о том, что, пролетев мимо американской статуи Свободы во время первого визита в США, он стал свободным человеком)? Одномоментный импульс? Импульс, порожденный накоплением чего-то? Не знаю.

Но знаю точно, что вырвавшееся тогда из уст российского президента суждение по поводу зарвавшегося американского хулигана представляло собой нечто, способное к отдельной от говорящего долгой и пол-

ноценной политической жизни. Эта способность определенных политических слов жить полноценной жизнью, становится отдельными от произнесших эти слова политиков «сущностями» – одна из важнейших аксиом моего логоаналитического метода.

Визуализация – это вполне корректный аналитический прием, чья роль возрастает в условиях массированного применения визуализаций компьютерных, да и много чего еще. Как говорил когда-то Станиславский, «научить этому нельзя, научиться – можно». Слушая тогда Ельцина, я почему-то применил этот прием визуализации и буквально увидел на экране своего внутреннего зрения, как это нечто, обычно именуемое «криком души», а в данном смысле вполне тянущее на статус камлания или «нида» (древнеирландский вариант заклятия), отделилось от своего политического шамана и стало флюидной плотью, субъектом трансформации чего-то...

Чего? Тонкого информационного поля? Неявных, но чрезвычайно важных слагаемых того самого общественного сознания (или мнения), которое при всей его респектабельности ничуть не менее таинственно, чем всякие там лишённые научной респектабельности «поля» – как информационные, так и другие? В связи с неочевидностью тезиса о невозможности существования общественного сознания в отрыве от общественного под- и сверхсознания, я этот тезис тоже вынужден настойчиво повторять. И столь же настойчиво спрашивать, почему некорректно считать данное камлание Ельцина адресацией к определенным архетипам, но не личного, а именно общественного подсознания? Потому что общественное подсознание менее изучено, чем индивидуальное подсознательное вообще и жизнь в этом индивидуальном подсознании так называемого коллективного бессознательного? А я, например, убежден, что общественное подсознание не требует интериоризации и существует как реальность.

Куда уходит сказанное политиками? Как оно, сказанное, от политиков отчуждается? Вот в чем предмет интереса логоанализа. Где это отчужденное поселяется? Если отчужденное продолжает жить, то оно живет где-то... Где? Совершенно понятно, где – в некоем мире, который проще всего назвать просто миром отчужденных политических слов. Поселившись в этом мире, как новое отчужденное слово (в данном случае – ельцинское) соседствует с другими словами? Если совокупность подобных слов – это логоценоз (по аналогии с биоценозом), то новое отчужденное слово может либо атаковать сложившийся логоценоз, либо быть поглощенным этим логоценозом, став его элементом, пусть даже

новым, но не меняющим качества целого. Если данное слово атаквало и трансформировало логоценоз, то как именно?

Но ведь логоценоз, странный мир отчужденных от авторов политических слов, не существует сам по себе. Являясь фактором общественного сознания, он на это сознание влияет, превращаясь в трансцендентное, но существенное дополнение к оному. А сознание влияет на реальность. Ну, так как же преобразованный своим новым обитателем странный мир особых, отчужденных политических слов повлиял на реальность?

Уже тогда, в далеком от нас 1999 году, я увидел, как, крича, рожала нечто – отдельное от самое себя и несомненно сущностное – больная ельцинская душа, способная на очень и очень многое. Сколько же разных, в том числе и взаимоисключающих, обертонов было в том рычании Ельцина о на минуточку зарвавшемся американском жалком мальчишке! В крике грешной, истерзанной, мятущейся ельцинской души было всё:

– и трусливая ярость («на кого еще ты так наедешь, козел?») ущемленного провинциального деспота,

– и стыд кандидата в члены Политбюро, унизившегося до соучастия в распаде СССР,

– и инфантилизм обманутого ребенка («а говорили – град на холме... ревнители права и справедливости...»),

– и сосредоточенная ненависть к «стране Желтого Дьявола», навеки поселенная в сердце секретаря партийного комитета области, столицу которой – Свердловск – всегда называли «Танкоградом»,

– и особая безудержно-безжалостная памятьливость жестокого, дряхлеющего и политически талантливого (а значит, способного долго и умно мечь взлелеивать) человека.

Выкрикивавший политические заклинания старик, очень точно выбравший место для своего камлания (Пекин), не был в данном случае пьян. Он не грозил и не сублимировал. Он именно совершал магический обряд. И не просто магический, а социально-магический. Ельцин тонко чувствовал флюиды, исходящие от – растоптанного им и связанного с ним круговой порукой распада СССР – постсоветского общества. И он извергал в этот, мучающийся ожиданием чего-то нового флюид свое «логосемя», осуществляя зачатие некоего, еще не персонифицированного на момент магического обряда флюидного тела, имя которому – «преемник».

Кто-то, наверное, не обратил должного внимания на те ельцинские слова.

Кто-то, не понимая, над какой пропастью в те дни и впрямь завис мир, считал, что Ельцин валяет дурака. Что ж, он и дурака валял тоже. Но и не только. Это потом все обернулось прищтинской позорно амбициозной хохмой. А перед этим... Перед этим был очень короткий временной интервал, когда действия на средиземноморском ТВД могли стать реальной завязью всемирного апокалипсиса. Был, был он, этот момент. Поверьте на слово человеку, не худшим образом информированному о тогдашних нетранспарентных политсюжетах.

Но, как ни важны были затеянные (и тут же чудом остановленные) апокалиптические дела, их логокомпенсаторная магия, вылившаяся в описанное мною камлание Ельцина, была в каком-то смысле еще важнее. Старый и больной человек вышел за рамки им тщательно контролируемого политического «эго» и, камлая, сам себя переделал (или же отчасти восстановил себя прежнего). Это уже немало. Но еще важнее было то, как слова трансформировали умонастроение элиты, элитный ментал, элитный (между прочим, тесно сопряженный с общенациональным) флюид. Словно бы Ельцин кинул щепотку логокатализатора в огромный политический котел, в котором нечто, вскипев, забулькало. Словно бы зачала под конец нечто, излившись в химерическую протосубстанцию элитного и общенационального унижения, больная ельцинская душа.

Душа эта – а не один холодный расчет укрывающегося от наказания политического преступника – участвовала, заклив перед этим самое себя, в назначении Путина премьер-министром РФ... А потом, за счет игры с досрочным уходом с поста президента РФ, в сотворении из премьер-министра Путина – и.о. президента РФ Путина. Еще один игровой ход – и и.о. становится президентом. И все же раньше игровых ходов, позволивших сделать пешку ферзем, ходов не только ельцинских и не таких банальных, как принято полагать, было, убежден, это самое логозаклятие. Была алхимия слов. Если есть алхимия финансов, то почему бы не быть алхимии слов, не правда ли? Самым главным логореагентом в рамках этой алхимии было ельцинское бессодержательное выкрикивание проклятий в адрес забывшегося на минутку мерзавца Клинтона.

Это заклятие, как и иные политические слова, разве перестало жить своей, отдельной от Ельцина жизнью после превращения Ельцина в пенсионера? Или после его ухода из жизни? НИКОИМ ОБРАЗОМ!

Ельцина нет, а слова живут. И осуществляют свой неявный длительный программинг, он же ворожба, заклятие и так далее.

Тогдашние слова Ельцина сотворили некий невнятный и очень разнокачественный логоклубок, состоящий из сплетенных со словами в единое целое умонастроений, опасений, обид, комплексов, эмоций в диапазоне от трусости до ярости etc. Никто уже не помнит, наверно, как надрывно-патриотически стал Чубайс (не понимая даже, что с нимстряслось) подвывать Ельцину. Следом за вожаком стала подвывать стая. Логоклубок, состоящий из воя и подвываний, стал уплотняться и набухать. Состоялся своеобразный элитный логогенез, в чем-то подобный космогенезу, при котором из туманностей возникает планетарная система. Вот и тут – из туманности настроений и чувствований, осеменной словом-логосом, сотворилось нечто. Это нечто сделало не дозволенное ранее возможным и должным. И наоборот. Логоклубок превращался в логотело, логоструктуру, логосистему.

Идеология, читатель, – это не выдвижение программных документов и не поддержка этих документов массами. Это таинство, в котором освобождаются от благой предзаданности метафоры самого разного рода. И метафора о Слове, ставшем плотью (о чем уже говорилось), и метафора о сеятеле и семенах. Только и плоть, в которую облекается слово, может быть разнокачественной, и семя может дать не только благие, но и очень разные по своему качеству всходы.

Ты не удовлетворен отсылкой к религиозным метафорам, требовательный читатель? Тогда вспомни вполне на первый взгляд светское, но далеко при этом не простое и отнюдь не лишнее своей загадочности описание таких-то и таких-то политиков как «рупоров» классовых интересов. Как, объясни мне, читатель, класс (или иная социальная общность) вкладывает свое смутное представление о нужном и должном в уста какого-то рупора? За счет чего некто, говорящий что-то, становится этим самым – пусть даже очень незатейливым – рупором? (И впрямь, зачем незатейливому классу затейливый рупор?)

И не надо, пожимая плечами, отмахиваться от странного, сводя его к тем или иным очевидностям, дочеловеческим в том числе. Да, есть феномен вожака стаи, передающего суггестивным путем некую информацию руководимому им зоосообществу. Да, в каком-то смысле любое человеческое сообщество, в том числе и класс, сохраняет связь со своей дочеловеческой подосновой. Да, класс – это тоже стая, способная «завестись» от мессиджей вожака. Я уже рассмотрел феномен подвывания Чубайса как представителя стаи вожаку – Ельцину. Я уверен, что речь

идет именно о стайном рефлексе. Иначе почему бы человек, влюбленный в США, гордящийся своими связями с людьми типа Саммерса или Уолкера, вдруг завыл в унисон бывшему члену Политбюро в связи с тем, что США решили показать «кузькину мать» сербским националистам? Перефразировав Гамлета, можно сказать об этом, неведь откуда взявшемся, патриотизме Чубайса: «Что он Гекубе, что ему Гекуба», – а ведь он воет. Актер, которому удивляется Гамлет, – это по преимуществу эмоциональное существо. И тут хоть что-то понятно. Но ведь Чубайс – существо антиэмоциональное и этим гордящееся.

Так, значит, стайный рефлекс, просыпающийся внутри социальной общности? Но такой рефлекс изучен лишь постольку, поскольку речь идет об очень определенных общностях! О толпах, о больших массах взбудораженных чем-то людей, высвобождающих свое стайное, дочеловеческое начало в момент коллективной возбужденности, когда возбужденные особи находятся в прямом, плотном, телесном соприкосновении. Это обсуждено Лебоном и его многочисленными последователями. И прекрасно используется дирижерами сегодняшних массовых политических действий.

Но я-то рассматриваю нечто совсем другое, в гораздо меньшей степени изученное. Живет себе класс... Или не класс, а другая социально связанная общность. Связанная-то она связанная, но не слишком. К солидарности отдельные представители этой общности не тяготеют. Прямая коммуникация – по типу той, которая возникает во взбудораженной толпе, – явным образом отсутствует. Но общность тем не менее чем-то общим руководствуется. Чем?

Назвать «это» идеологией – язык не поворачивается. Скорее, надо говорить о флюиде из очень незатейливых и невнятных представлений, касающихся того, что правильно, что неправильно. Это не этика и даже не воровские понятия. Это какой-то нематериальный клей, как-то склеивающий особей, входящих в рассматриваемую общность. Тут многого не надо. Достаточно согласия, например, в том, что «совок – это пакость неимоверная, а америкосы – ребята правильные, не ломанувшиеся, в отличие от нас, дураков, в долбаный «совок». Вот вам и весь клей. Какое-то время он сохраняет способность эту самую общность склеивать. А потом он такую способность теряет. Общность, казалось, должна бы была распасться по причине потери клеем склеивающей способности. Но она не распадается или не распадается до конца. Почему? Потому что уже клубится, соприкасаясь с отдельными социальными атомами (они же особи, формирующие общность), какой-

то новый протофлюид, будущий социальный клей. И особи как-то чувствуют, что это новое пока не склеивает, но вот-вот начнет склеивать. Чуют – и трутся друг о друга, не разбегаясь.

«Что-то носилось в воздухе», – говорят о подобном все свидетели обсуждаемых мною переходных состояний. Носится это «что-то», носится. Толкает, бережит обеспокоенные атомы, не понимающие, разбегаться им или чего-то ждать. А потом уже и не очень-то авторитетный вожак бросает в протосубстанцию, способную стать клеем будущего, свою логосперму. И возникает новый клей, атомы сплетаются в новую логоткань, логоткань проходит фазы логогенеза, логогаз превращается в логослизь, логослизь – в логоклубок, логоклубок – в логотело... Я же не говорю, что это новое логотело совершенно, как Адам Кадмон. Оно ничуть не менее уродливо, чем предыдущее. Но оно реально и потому интересно. Вы хотите менять реальность? Нельзя это делать, не поняв оную. И ничего нельзя понять, если... Если неинтересно.

Итак, новые тела-логосы населяют тонкий мир классовых (или иных макросоциальных) интенций. Этот мир как-то соединяется с реальностью. Как? Конечно же, убого, а как иначе? Соединяется он убого, не до конца... Между тем уродливо-примитивным новым, которое поселилось в тонком интенциональном мире, и реальностью сохраняются огромные люфты. Интенциональный мир – это, знаете ли, капризы. А реальность... В ней вроде бы места капризам нет. Но это только вроде бы. Герой «Записок из подполья» Достоевского не зря сказал, выдвигая определенное кредо: «Стою же я за свой каприз». Представители класса, который я анализирую, – люди гораздо более земные, чем герой «Записок из подполья». Но... Россия – это Россия... И потому каприз в каком-то смысле и до какого-то времени малозначим, а в каком-то смысле и в какое-то время может перевесить существеннейшие рациональные интересы.

У класса (или иного сообщества), вроде бы настроенного не на то, чтобы капризничать, а на то, чтобы очень хищно и примитивно действовать, возникает новая, почти необъяснимая согласованность. Обнаруживается, например, что вчерашние незатейливые любители «дяди Сэма» начинают искренне говорить, что «америкосы – козлы» и что они «достали». У заговоривших по-новому может быть вид на жительство в США и... и мало ли что еще... бизнес, родственники... Но вот они уже говорят не то, что говорили прежде («америкосы – парни продвинутые»), а это самое «козлы» и «достали». Почему «достали»? Чем «достали»? Вы начнете это рациональным образом разбирать – и ничего не

поймете. Повторяю: не Югославия же задела Чубайса, и не Ирак, и не какие-то конкретные интерполовские неприятности задели других людей. Спрашивайте вы класс о том, что с ним стряслось, сколько угодно, устраивайте фокус-группы, зондируйте, тестируйте – не поможет. Пытайтесь устанавливать корреляции между бытием и сознанием – тоже не поможет. А вот если вы заглянете в тонкий интенциональный мир, где появились новые логообитатели (да назовите их хоть глюками и тараканами, хоть капризами, хоть как еще – какая разница?), то вы что-то поймете.

Мир высказываний – это относительно самостоятельный промежуточный мир. Под ним – дольный мир реальных дел, поступков, конфликтов, процессов *et cetera*. Над ним – горный мир теорий, концептов, доктрин, реальных полномасштабных идеологий. Оказавшись в промежуточном мире, вы встречаетесь со всего лишь высказываниями. Но с высказываниями политическими и потому превращающимися в автономные логосгустки, логотела, логосущности. Не брезгуйте их изучением! Изучайте эти тела и сгустки – так, как физик изучает реальные объекты и поля, эти сущности – как психолог изучает пациента и собеседника. Замерьте интенсивность логополей, взвесьте логотела, поговорите с логосущностями как с тонкими структурами, способными к автономному поведению. Так Одиссей разговаривал с тенями в Аиде, стремясь найти путь в свою родную Итаку. Найти путь в Развитие – ничуть не более просто.

Логосгустки, логотела и, уж тем более, логосущности не откроют вам свои тайны, если вы не поступите как Одиссей, совершивший, как мы помним, жертвоприношение. Для того, чтобы вам открылись тайны промежуточного мира высказываний, вам, став жрецом оного, придется совершить нечто подобное. То есть оказать нужное давление на элементы мира, которые вы хотите раскрыть. Побудить эти элементы к раскрытию с помощью адекватного их сути воздействия. И это при том, что в принципе подобным элементам откровенность несвойственна.

Побудить их к оной вы можете, во-первых, связывая элементы друг с другом.

Во-вторых, связывая мир промежуточный с миром дольным.

В-третьих, связывая мир промежуточный с миром горным.

В-четвертых, осуществляя все экстра- и интрамиральные связи одновременно. И не только одновременно, но и целостно, апеллируя к полноте этих связей и их взаимной обусловленности. Тогда тени (поля, тела и сущности) начнут повествовать о своем сокровенном смысле.

Требовательный нетерпеливый читатель, скажи мне, положи руку на сердце, имеет ли вкратце описанный мною подход какое-то отношение к филологической классике? К этому любимому детищу сдавшего свои позиции «добротного старотого» гуманизма? Ведь совершенно ясно, что речь идет о другом. О чем именно?

Полноценный ответ на этот вопрос может дать только вдумчивое прочтение всего предлагаемого твоему вниманию исследования. А иначе зачем его твоему вниманию предлагать? Но для того, чтобы ты, странствуя, как Одиссей, располагал уже в начале пути и маршрутом, и средством передвижения, я позволю себе еще ненадолго занять твое внимание своими методологическими сентенциями. И завершить рассмотрение примера с рыком Ельцина по поводу забывшегося на минутку американского наглеца.

Сотворил Ельцин в 1999 году этим своим рыком нечто, начавшее далее действовать автономно от зарывавшего старика? Безусловно. Логотетище ельцинского рыка, переструктурировав весь тонкий мир классовых интенций, оказавшихся невероятно чувствительными к этому рыку, породило... нет, не реального Путина, а сначала феномен Путина. Именно феномен – почти бесплотный и бестелесный. А потом уже этот феномен породил реального Путина. Чем плотнее становился феномен Путина, чем активнее (и противоречивее) действовал уплотнившийся до консистенции реального мира Путин, тем более активно (и абсолютно независимо от ушедшего сначала из политики, а потом и из жизни Ельцина) дробились, сцеплялись, пухли, совокуплялись, укреплялись и ворожили, подчиняя себе реальность, все логосгустки, логотела и логосущности – совокупные детища рыка Ельцина. Дробясь, сцепляясь, вспухая, совокупляясь, укрепляясь и ворожа, эти сущности меняли весь ландшафт реальности, всю структуру классовых про и contra.

Так возникло новое политическое время, в котором мы прожили восемь лет. И неужели, требовательный и нетерпеливый читатель, ты посмеешь сказать, что восемь лет – это мало? Через восемь лет после победы в Великой Отечественной войне умер Сталин. Восемь лет – это уже невыводимый из истории, да и из жизни нашей, временной интервал. Надо всем этим временным интервалом в каком-то смысле довлел и продолжает довлеть тот старческий рык с его производными. Тот старческий рык, чья информативность, измеряемая узко понимаемой содержательностью, строго равна нулю.

Так правомочен ли, о требовательный и нетерпеливый читатель, подход к политическому слову с позиций узко понимаемой содержа-

тельности? Рычащий Ельцин открыл нам нечто содержательно-новое своим рыком? Ничего банальнее прямого содержания этого рыка, повторяю, нет и не может быть.

Так, значит, потенциал политического слова измеряется не узко понимаемой содержательностью? Или, по крайней мере, не только ею? Если бы ельцинский рык обернулся мировой катастрофой, а значит, и реальным горем для тех, кто тебе дорог (а так, поверь мне, могло быть), ты все равно, читатель, продолжал бы рассуждать о буквальной (абсолютно очевидной) банальности произнесенных Ельциным слов?

В итоге слова Ельцина, упав на нужную классово-интенциональную... не почву даже, а влагу, породили логопроизводные. А логопроизводные породили феномен Путина. Или, если тебе этот термин нравится больше, классовый запрос на Путина (на самом деле, это одно и то же). Запрос оформил Путина, мы оказались в новом политическом эоне – эоне патриотизма, стабильности, суверенитета. Мы прожили в этом эоне восемь лет... Немалую, признаем, часть своей сознательной жизни. Теперь начинает распадаться, слабеть, терять свою связующую способность и этот классово-интенциональный клей, являющийся пародией на идеологию в той же степени, в какой сам класс является пародией на буржуазию.

И чем-то иным снова запахло в воздухе: «Не, хорош! Великая энергетическая держава... Национальное возрождение... Знай наших... Американский козлизм... Всё так, конечно. Но... эта... жевано-пережевано... И почему-то не согревает... Глядь-ка, Медведев! То ли есть он, то ли нет его... Глядь-ка, развитие...»

Что-то произошло с логополями, логотелами и логосущностями. И ткется, ткется, ткется новый фантом, уплотняющийся при переходе из тонкого мира в мир реальный. Это тебе не выборы, читатель. Это круче: «Глядь-ка, вона как! Путин – премьер и партийный лидер... Медведев, наивернейший путиец, – президент... Без поллитры не разберешься... Не, чего-то хочется... То ли севрюжины с хреном... То ли... чтобы... эта... словом, развитие».

В очередной раз слабеющий клей грозил превратить класс, то есть общность, в совокупность недоумевающих социальных атомов. И – на тебе, развитие...

С точки зрения фактов-высказываний (и мы чуть позже убедимся в этом со всей аналитической непреложностью), о развитии заговорил (или даже беспрестанно говорил) Владимир Путин. Но, пока работал предыдущий клей («нет смутьянам», «даешь и рынок, и государство»),

«мы – энергетические гиганты», «американцы – козлы и достали до невозможности», «руки прочь от суверенитета»), слова о развитии мало что значили. А вот когда клей выдохся и что-то новое начало носиться в – гнилом и смрадном донельзя – интенциональном классовом воздухе... вот тут-то... Тут-то началась новая логоворожба. Она же – сотворение нового клея.

Анализ этой ворожбы (она же – благопожелания по поводу какого-то там развития) с позиций содержательности как таковой не более эффективен, нежели анализ с тех же позиций ельцинского рычания по поводу Клинтона.

Интересно не узко понимаемое содержание слов (хотя и его надо подробно анализировать). Не политическая игра... Не классовая блажь даже... Интересно не все это – более или менее скоропортящееся. Интересна та логоалхимия (которая и впрямь в чем-то близка к алхимии финансов в ее понимании Соросом), которую слова запустили. Интересен политический котел, напоминающий тот, в котором ворожили ведьмы из «Макбета». Он, котел этот, определяет судьбу развития в России и мире. Оторвать слежение за его пузырями от судеб развития, конечно, можно... Но коль скоро судьба понимается как нечто политическое *par excellence*, то подобный отрыв судьбы от политического котла контрпродуктивен и смехотворен.

Любая обычная аналитика развития, уведя от связи котла и развития как такового, выведя за скобку судьбу, расскажет все о параметрах развития и ничего о развитии. Логоаналитика может связать параметрическое с ворожбой. Если предметом является судьба... Если судьба – это именно предмет, то есть то, что исследуют, а не о чем судачат... То не может быть у подобного предмета иной, не логоаналитической, методологической оснастки.

Политики в России, да и не только в России, никогда ни о чем не говорят зря. Смысл политического высказывания в высшей степени не тождествен буквальному смыслу сказанных слов. А потому политическое высказывание всегда является в той или иной степени иносказанием. И степень этой иносказательности не слишком зависит от воли авторов.

Сказанное Путиным и Медведевым о развитии может (а) поспособствовать развитию, (б) усилить регресс, (в) повлиять на что-то, не имеющее прямого отношения к развитию и регрессу, но весьма и весьма существенное. Например, на устройство политической власти. Но к

чему-то стержневому эти слова (повторяю – вне зависимости от воли их авторов) обязательно имеют отношение. К чему?

Ответ на этот вопрос требует вдумчивого и даже скрупулезного исследования – не чего-нибудь, а магии политических слов. Я предложил метод исследования и готов его применить. Об адекватности метода и полученных результатов судить не мне, а читателю. Но пусть, уже начав знакомиться с текстом исследования, читатель примет во внимание мой исходный посыл, согласно которому заговоры Путин и Медведев не о развитии, а о целебных свойствах русского кваса... Заговоры они об этом так, как заговорили о развитии, – настойчиво, сверхпублично, многократно возвращаясь к теме, перебрасывая друг другу тему, как волейбольный мяч, – это их «речение о квасе» имело бы значение, и немалое. Не скажу, что такое, как речение Дэн Сяопина о пекинской опере, с которого начался новый курс, создавший современный Китай. В России все, конечно, происходит и более рыхло, и еще более парадоксально в смысле соотношения самих слов и их воздействия на реальность... Но это не значит, что в России НЕ ПРОИСХОДИТ НИЧЕГО. Что-то происходит. И это «что-то» как-то связано с высказываниями. Как именно? Вот это-то и надо исследовать.

Я лично убежден, что путинские и медведевские слова о развитии будут, уйдя на второй или третий план или оставаясь на первом, ворожить, причем очень разным образом. Разным и разнокачественным.

Они войдут в те или иные соотношения со словами на ту же тему, сказанными сторонниками и противниками власти. А также теми, кто является противником, притворяясь сторонником, и наоборот.

Судьба Путина и Медведева – это одно. Судьба того, что породили и породят их слова о развитии, – другое. Брошенные в политический котел, эти слова уже ворожат. Не слова надо анализировать в отрыве от реакций в котле. Надо анализировать ворожбу.

А я подую в решето.

Благодарю тебя за то.

Личные судьбы Банко и Макбета... Можно ли к ним сводить бульканье того – и поныне судьбоносного для Шотландии – метафизическо-политического котла?

Сталинское «Марксизм и вопросы языкознания» не может и не должно получать Нобелевскую премию или иную академическо-лингвистическую награду. Но в исследованиях, посвященных все еще булькающему у нас политико-метафизическому котлу, этот текст фигу-

рирует иначе, чем... ну, я не знаю... исследования Сосюра или даже того же Марра, которому оппонирует Сталин.

В путь, читатель! А ну как мы, взявшись за исследование не ахти каких, с научной точки зрения, текстов, поняв, как эти тексты соотносятся с иными высказываниями, с логикой политической борьбы, с разного рода контекстами (как интеллектуальными, так и политическими)... А ну как мы, поняв это и многое другое, прикоснемся к чему-то новому, касающемуся нашей судьбы, да и судьбы мировой?

К чему именно? Не хочу забегать вперед... Но, если мы хотя бы разберемся совсем иначе с очень банально сейчас трактуемым явлением под названием «перестройка»... Если окажется, что перестройка эта не наше частное злоключение, а слагаемое далеко идущего мирового процесса, причем процесса не только не завершено в 1991 году, но и стремительно набирающего обороты... Неужели и тогда мы будем отрицать наличие связи между частным (высказываниями VIP-персон о развитии) и общим (судьбой страны и мира, нашей судьбой)?

Вообрази себе, читатель, множество дверей, одну из которых тебе надо открыть. Ты пристально вглядываешься в каждую из дверей... И вдруг видишь, что все они без замков – все, кроме одной. Потом ты видишь пластилин, металлические болванки, верстак, напильник, тиски... Ты понимаешь, что открывать-то надо ту дверь, у которой есть замок. Ты, конечно, не слесарь-профессионал. Но тебе надо попасть в комнату, которая находится за дверью. Чертыхаясь, ты делаешь слепок с замочной скважины и начинаешь изготавливать ключ, уродуя одну болванку за другой. Наконец, остается последняя болванка. Ты фокусируешься на изготовлении ключа, понимая, что всё – последняя попытка. Ты уже приобрел какие-то навыки, изуродовав пару сотен болванок. И – о, чудо! – тебе удалось изготовить ключ. Ты вставляешь его в скважину... Поворачиваешь... Дверь открывается... Главное – за порогом. Там тебе САМОМУ придется разглядывать комнату, прикасаться к загадочным предметам, узнавать нечто и меняться в процессе этого узнавания.

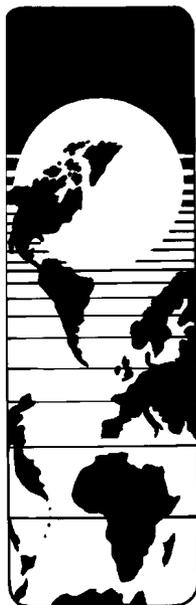
Коль скоро это так и тебе действительно нужно войти в эту самую комнату, ты ведь не будешь капризничать по поводу необходимости, сбивая руки в кровь, изготавливать этот самый ключ, занимаясь не своим, слесарным, делом. А если будешь – то фиг тебе, а не комната. Решай, читатель. Нужна комната? Принимайся за изготовление ключа. То есть за внимательное прочтение этого странного сочинения.

Несомненно только одно:
что всякое верование
сохраняется прежде всего
своею *внутреннею* силой,
а не внешними подпорками.

Л.Н.Тихомиров

Надо отличать подлинные идеалы от поддельных; различие между ними столь же фундаментально, как различие между правдой и ложью.

Эрих Фромм

Ольга Четверикова

КАТОЛИЦИЗМ В НАСТУПЛЕНИИ:

ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА
ВАТИКАНА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА
К ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМУ
МИРОВОМУ ПОРЯДКУ

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
348.71

At the turn of the 1950s and 1960s Catholicism adjusted to requirements of the epoch for the sake of preservation of its influence allowed a renovation turnover which was made at the Second Vatican Convocation. This move ushered the ecumenical openness of the Church and had serious consequences expressed in dissemination of religious pluralism and tolerance, in the process of active absorption of secular life which accelerated de-Christianization of the Western society. Pope John Paul II started the 'new evangelization' which was accompanied with expansion of outward openness of Catholicism and implemented in parallel with restoration of Vatican's international influence. These processes did not arrest erosion of the religious conscience of Europeans but brought about erosion of their traditional values which acquired a threatening character. All attempts to bring Christian concepts of moral virtues and to confront degradation of a Westerner failed. Under Benedict XVI the Catholic Church is striving to recover its spiritual leadership and to keep its position on the forward frontiers of the world development began openly to undertake ideological leadership in the process of the world integration into a new global order, to form its moral code and impart the religious sense to the system of control over humankind which supranational ruling elites are constructing.

Ключевые слова: Ватикан; церковь; религия; религиозное сознание; Опус Ден.

E-mail: olga-chetverikov@mail.ru

**Католическая церковь
в период неолиберальной
перестройки конца
70-х – 80-х гг. XX в.**

После Второй мировой войны в Европе начинается активная секуляризация общественного сознания, происходившая в условиях утверждения новой экономической идеологии, призванной обосновать формирование общества «массового потребления» и «всеобщего благоденствия». Опорой его должны были стать благополучный «средний класс» и новый тип гражданина – носитель чисто светской морали, не отягощенной ограничительными христианскими нормами и принципами. В этих условиях в целях сохранения своего влияния западная церковь пошла по пути приспособления к новым либеральным стандартам, подстраиваясь под требования эпохи. В наибольшей степени это было характерно для протестантской теологии, которая настолько глубоко усвоила либеральное понимание прав и свобод человека, что стала совершенно безопасна для светской культуры, полностью вписавшись в отстаиваемый ею мировоззренческий плюрализм. Перед давлением модернизма не устоял и католицизм, но его путь был более сложным.

В первые послевоенные годы в условиях острейшего периода «холодной войны» Католическая церковь призвана была обеспечить сплоченность западного общества, и стоявший во главе нее Пий XII не допускал никаких реформаторских отступлений, придерживаясь строго консервативных взглядов и жестко интегрისტской линии поведения. Но после его смерти и прихода к власти Иоанна XXIII (1958–1963) в католицизме начинается период глубоких перемен, самых серьезных со времен Тридентского собора (1545–1563). Они выразились в разработке программы «аджорнаменто», которая понималась как открытость новым веяниям изменившегося мира, «осовременивание» церкви и приведение ее в соответствие с духом времени. При этом идея папства о земной централизации церкви, как и учение о непогрешимости понтифика и его главенстве над всем христианским миром, никоим образом не ставились под сомнение, а, напротив, должны были усилить авторитет Ватикана как политической силы в условиях либерализации учения.

Модернистский поворот церкви был осуществлен на Втором Ватиканском соборе, ставшем поворотным событием в истории католицизма. Открывшись в октябре 1962 г., собор завершил свою работу в декабре 1965 г., приняв 16 документов, наиболее важными из которых были догматические конституции «О церкви», «О религиозной свободе», «О литургии», «Об экуменизме», «О церкви в современном мире», придав-

шие учению направленность христианского экуменизма. Однако эти обновленческие решения и последовавшая за ним практика имели для церкви самые серьезные последствия. Главным результатом их стало утверждение религиозного плюрализма и терпимости, приведшее к тому, что католическое учение стало приобретать все более размытый характер, а среди части католиков стал распространяться религиозный индифферентизм. Многие в церковном руководстве опасались, что ситуация выйдет из-под контроля. Кардинал Йозеф Ратцингер (будущий Папа Бенедикт XVI), бывший на соборе богословским консультантом, в связи с этим писал: «Принесенные собором результаты, как сегодня можно об этом судить, жестоко обманули ожидания всех... Папы и отцы-делегаты собора надеялись достичь нового католического единства, однако вместо него начались конфликты, переходящие, говоря словами самого Павла VI (Папа с 1963 г. – *О.Ч.*), от самокритики к саморазрушению... Вместо ожидавшегося прорыва мы, напротив, имеем дело с процессом постепенного упадка...»¹.

С конца 60-х годов церковь впала в состояние внутреннего кризиса и обмирщения, ускорившее дехристианизацию западного общества, которая активно продолжалась все 70-е годы. Именно в этих условиях к власти в Ватикане под именем Иоанна Павла II приходит Кароль Войтыла, понтификат которого длился 26 лет и 5 месяцев (1978–2005).

Основные направления деятельности нового Папы определялись теми переменами, которые произошли в западном мире во второй половине 70-х годов. В социально-экономическом и внутривластном плане они характеризовались переходом к неолиберальному курсу развития, означавшему постепенный демонтаж государства «всеобщего благоденствия», а в международных отношениях – обострением холодной войны, вызванным новым курсом американского руководства на жесткое противостояние с Советским Союзом. В этих условиях, стремясь к укреплению авторитета Ватикана как религиозной и политической силы, Иоанн Павел II задействовал все возможности для усиления своего влияния на мировую политику, взяв четкий курс на союз с атлантизмом.

Рассматривая в качестве своего главного противника материалистический атеизм и коммунизм и поставив перед собой задачу добиться возвращения религии в западное общество, Папа провозглашает «новую евангелизацию» Европы и всего мира, направленную на восстановление

---

¹ *Le cardinal Ratzinger. Entretien sur la foi. Paris: Fayard, 1985. P.30–31.*

католических ценностей и позиций церкви не только в частной, но и в общественной сфере. Главной опорой Иоанна Павла II становятся интегристские организации и новые католические движения традиционалистской направленности, которые объединяли духовность с повседневной жизнью или вносили ее в социально-политическую сферу. Они были призваны сыграть определяющую роль в восстановлении позиций католицизма. Речь идет в первую очередь о таких организациях, как орден Опус Деи, Легионеры Христа, Focolare, Общность и Освобождение, Ковчег, Община св. Эгидия, неокатехуменаты, Дочери Милосердия, различные французские движения «харизматического обновления», вдохновленные американским протестантизмом².

«Мозгом и сердцем» католицизма, определяющим новую политику Ватикана и деятельность церкви в целом, становится Опус Деи, полностью заменивший собой орден иезуитов, который на протяжении четырех веков играл ключевую роль в обеспечении контроля над сознанием элит. Это стало возможным в силу уникальных особенностей данной организации, до такой степени засекреченной, что в Испании, откуда она родом, ее называют «белой мафией».

Созданный в 1928 г. испанским священником Хосемарией Эскрива де Балагером (1902–1975) в условиях франкистской Испании Опус Деи явил собой принципиально новый тип орденского объединения, будучи первой секулярной организацией Католической церкви, утвержденной указом Пия XII в 1947 г. (окончательно утверждена 16 июня 1950 г.). Кроме духовенства, она включает в себя и мирян, которые могут «обрести святость» в мирских будничных делах, выполняя совершенным образом свои профессиональные обязанности в определенной общественной сфере. Эскрива ставил своей целью формирование «духовности мирян», которая фактически воспроизводила протестантскую этику с ее сакрализацией мирской деятельности, в которой человек призван полностью себя реализовать, добившись успеха и процветания. Не случайно многие исследователи определяют учение Эскрива как католический вариант кальвинизма. Выполнение любого дела рассматривается тут как религиозное служение и неразрывно связано со стремлением к лидерству и установкой на принадлежность к элите.

Эта устремленность на успех в миру обусловила изначальный интерес ордена к экономике, банковскому делу, к участию в государствен-

---

² *Fourest C., Venner F. Les nouveaux soldats du pape. Légion du Christ, Opus Dei, traditionalists. Paris: Panama, 2008. P.11.*

ных органах власти (при формально декларированном аполитизме), а также то особое внимание, которое он уделяет школам, университетам, центрам по подготовке менеджеров, экспертов по финансам и пр. Именно технократы и политики, связанные с Опус Деи, сыграли решающую роль в трансформации экономики и государственных структур Испании в 60–70-е годы после выхода страны из международной изоляции, приспособив ее к западноевропейским стандартам. Так что использование современных технологий для «всеобщей мобилизации мирян» стало главным новшеством ордена, разработавшим стратегию, исходящую из старого принципа: «Кто управляет страной, определяет ее религию»³.

Другая особенность Опус Деи, обеспечивающая крайнюю эффективность его работы, заключается в том, что он создан по модели секты, в которой жесткая структура управления, централизованное иерархическое устройство и железная полувойсковая дисциплина (полное подчинение духовному руководству) сочетаются с сетевым типом организации. Орден основан на строго клерикальной и иерархичной конституции, в которой священники, объединенные в Священническое общество Святого Креста, играют определяющую роль и заняты просвещением мирян. Дисциплина выражается в строгом подчинении своему начальнику, в соответствии с указаниями Эскрива: «миряне могут быть только учениками», «если ты хочешь спастись, подчиняйся», «повинуйся, как повинуются инструмент в руках артиста, не останавливающийся перед тем, чтобы размышлять». В результате члены Опус Деи оказываются в закрытом, замкнутом мире, будучи абсолютно уверены, что именно здесь они достигают полной свободы самореализации.

Все члены общества подразделяются на три ступени. Первая – нумерарии (священники и миряне) – штатные, являющиеся полными членами организации и выполняющие руководящие функции, имеющие университетское образование, живущие в celibate, соблюдающие все обеты и правила, отдающие весь заработок в пользу организации ордена (20% членов). Вторую составляют агрегаты – штатные члены, которые также холосты и отчисляют часть своего заработка (25%). К третьей относятся супернумерарии – сверхштатные, состоящие в браке (55%)⁴. Важно отметить, что в ордене существует также категория «сотрудни-

---

³ Hertel P. *Opus Dei, les chemins de la gloire... Enquêtes et documents*. Paris: Editions Goliais, 2002. P.72–74.

⁴ *Ibid.* P.62.

ков», которые официально не являются членами организации, а числятся ее сторонниками. В 1950 г. орден получил согласие Ватикана на то, чтобы в списки этих «сотрудников» включались не католики и даже вообще не христиане, что резко расширяет круг его охвата.

В соответствии с этой структурой строится вся деятельность ордена, имеющая также трехуровневую систему. Главную роль играют официальные центры и учреждения, представляющие духовную прелатуру. Несмотря на то, что число священников не превышает 2,1% членов, они играют определяющую роль и выполняют главные управленческие функции. Затем идут организации, создаваемые правочерными мирянами, как членами, так и сочувствующими и симпатизирующими ордену. К ним относятся университетские центры, центры профессионального обучения, часто регистрируемые как фонды, культурные центры, ассоциации, институты, где и происходит рекрутирование основной массы молодежи. В названиях этих организаций не присутствует название Опус Деи, но они связаны с ним теснейшим образом на религиозном уровне. Часто Опус Деи берет на себя ответственность за духовные аспекты их деятельности, что указывается в соответствующих проспектах этих организаций («духовное воспитание доверено Опус Деи, личной прелатуре Церкви»). И, наконец, третий уровень включает в себя различные финансовые, политические и идеологические учреждения, также создаваемые людьми Опус Деи, но не связанные с орденом религиозными отношениями. К ним относятся личные фонды, работающие на международном уровне и связанные с банками и промышленными предприятиями, политические клубы и семейные ассоциации. Эти учреждения, создаваемые и в тех странах, где Опус Деи не имеет своего представительства, настолько скрытно внедрены в структуру ордена, что их очень трудно распознать. Руководители этих организаций действуют как частные лица, и орден не несет никакой ответственности за их действия. Данная система позволяет ордену проникать в различные сферы и вовлекать в свою деятельность широкий круг людей. По данным самого ордена, в настоящее время число его членов достигает 85 тысяч, при том что в деятельности связанных с ним организаций участвует около 900 тысяч человек⁵.

Уникальная религиозная и организационная дисциплина ордена и его методы «мобилизации» мирян сделали его незаменимым в условиях перехода церкви к «новой евангелизации». В конце 60-х – начале 70-х

---

⁵ *Fourest C., Venner F. Op. cit. P.102.*

годов позиции Опус Деи настолько укрепились, что он поставил перед собой задачу осуществить глубинную «инфильтрацию» в тело церкви, главным каналом которой стал Римский центр встреч служителей культа (Centro Romano di Incontri Sacerdotali – CRIS), превратившийся в элитную организацию, где происходила обработка перспективных представителей духовенства, среди которых был и Краковский архиепископ, кардинал Кароль Войтыла⁶. Известно, что друг Войтылы и его соотечественник прелат Римской курии Анджей Мария Дескур был близок к двум ключевым фигурам Опус Деи – Портильо, ставшему главой ордена после смерти Эскрива в 1975 г., и Хулиану Эррансу Касадо. Именно Дескур и познакомил Войтылу с Портильо, после чего между ними установились тесные связи.

Сыграв важную роль в приходе Войтылы к власти⁷, орден поставил перед собой задачу добиться нового статуса внутри церкви, который позволил бы ему оказывать решающее влияние на политику Ватикана. Это произошло 28 ноября 1982 г. (день, который опусдеисты стали называть «исторической датой»), когда Иоанн Павел II принял апостольскую конституцию *Ut Sit*, в соответствии с которой ордену был присвоен статус «личной прелатуры» Папы, выведивший его из-под юрисдикции епархиального руководства, превращая фактически в самостоятельный, территориально не ограниченный диоцез⁸. Следующим этапом, укрепившим позиции ордена, стала осуществленная ускоренным темпами беатификация (причисление к лику блаженных) Хосемарии Эскрива в 1992 г., после которой Опус Деи окончательно «вышел из подполья», заставив замолчать своих оппонентов. Выяснилось, что он обладает влиятельными покровителями, среди которых были кардиналы Ратцингер (уже тогда возглавлявший Конгрегацию доктрины веры),

---

⁶ Hertel P. *Op. cit.* P.239–240.

⁷ Ключевой фигурой тут стал близкий к ордену архиепископ Вены, кардинал Кениг, связанный с «Великой национальной ложей Австрии». За три дня до открытия конклава по инициативе Кенига была проведена секретная встреча в папском колледже «*Pio Latinoamericano*», где ему удалось заручиться поддержкой некоторых кардиналов из Франции, Голландии и ФРГ в деле выдвижения Войтылы (См.: Путилов С. Зловещая поступь масонства // *Православие или смерть: Публицистический альманах. М., №5. С.1; Normand F. La troublante ascension de l'Opus Dei // Le Monde diplomatique. Septembre 1995. P.22).*

⁸ Опус Деи остается до сих пор единственной персональной прелатурой в Католической церкви.

Анджело Содано (госсекретарь – человек №2 в курии), Поль Пупар и др. Орден, в частности, высоко оценил поддержку Ратцингера, присвоив ему в 1998 г. титул доктора *honoris causa* Наваррского университета в Пампелуне – одного из главных учебных центров Опус Деи⁹. А в 2002 г. состоялась такая же быстрая канонизация Эскрива, в результате чего его богословские идеи стали рассматриваться как часть Священного предания Католической церкви.

Благодаря отношениям глубокого доверия между понтификом и Опус Деи последний превратился в привилегированный, элитный отряд Папы. Некоторые исследователи утверждают, что орден настолько интегрировался в окружение Иоанна Павла II, что стал играть доминирующую роль, превратившись по существу в «церковь внутри церкви»¹⁰. Ордену действительно удалось проникнуть на все уровни системы управления Ватиканом и, блокируя любую внутреннюю критику, последовательно проводить свои взгляды. Сила его заключается не в числе членов, представленных в курии, которое на первый взгляд является достаточно скромным, а в значении тех постов и должностей, которые они занимают. Речь идет о ключевых постах.

Орден поставил своего человека во главе одного из самых важных отделов в курии – пресс-службы Ватикана. Им стал нумерарий (мирянин) Жоакин Наварро-Валльс, к которому Папа испытывал глубочайшее доверие и который стал со временем одной из ведущих фигур в правительстве Ватикана, обеспечивавший создание нужного образа церкви в течение 22 лет. При нем пресс-служба отделилась от понтификальной комиссии по связям с общественностью и превратилась в самостоятельный отдел Государственного секретариата, подчиненный непосредственно Папе и являющийся вместе с тем инструментом Опус Деи¹¹. Другой важной фигурой, также формирующей образ Ватикана, стал нумерарий (священник) Йаго де ля Сиерва, возглавивший созданное в 2004 г. международное телевизионное агентство Rome Reports, представляющее в средствах массовой информации все главные события, касающиеся церкви и деятельности понтифика¹². Один из двух кардиналов-членов ордена Хулиан Эрранс Касадо был непосредственным со-

---

⁹ Hertel P. *Op. cit.* P.273.

¹⁰ См.: Des Mazery B. et P. L'Opus Dei. *Enquete sur une eglise au cœur de l'Eglise.* Paris: Flammarion, 2005.

¹¹ Tincq H. *L'usure d'un règne de près de vingt ans // Le Monde.* 11 août 1997.

¹² См. caïm: URL: www.romereports.com

ветником Папы и возглавлял Понтификальный совет по законодательным текстам и дисциплинарную комиссию (местное министерство юстиции) вплоть до своего ухода в феврале 2007 года в силу преклонного возраста. Именно он отвечал за интерпретацию значения и подтекста Кодекса канонического права, готовил декреты, тексты и проводил в жизнь решения понтифика. Во главе службы персонала Ватикана (местного отдела кадров) также стоял член ордена мирянин Джио Мария Полес.

Будучи представлен во всех отделах административного аппарата, конгрегаций и понтификальных советов, орден находится в курсе всего, что происходит в церкви. В Рим к нему стекается информация из всех подразделений, в которых благодаря жесткой системе подчинения составляются подробные отчеты о деятельности каждого члена ордена – такой возможности, естественно, лишены местные епископы и священники¹³. Все это обусловило его уникальную роль внутри церкви: аналитики называют его неофициальным центром ватиканской спецслужбы или главной разведывательной службой Папы, выполняющей важнейшие политические миссии благодаря использованию своеобразных методов и способов проникновения. Для деятельности Опус Деи характерны закрытый, секретный характер и «точечная» работа, то есть привлечение конкретных влиятельных, а по возможности, ключевых фигур, которые и становятся ядром «агентуры влияния» Ватикана. Орден не имеет официальных списков своих членов, сами члены не должны афишировать своей принадлежности к организации и хранят в тайне все, что касается методов их работы, в силу чего трудно установить те учреждения, которые с ним связаны. К тому же не существует и официальных финансовых отчетов, а печатный орган ордена «Хроника» доступен только нумерариям.

Главные направления деятельности Опус Деи, представляющие для руководства Ватикана первостепенное значение, – это, во-первых, обеспечение интеллектуальных разработок стратегического значения и, во-вторых, контроль за финансами.

Что касается первого, то орден призван решать важнейшую идеологическую задачу, заключающуюся в такой перестройке сознания европейских элит, которая обеспечивает полное принятие основных положений того англосаксонского неолиберального проекта, который стал

---

¹³ В настоящее время Опус Деи представлен в 87 государствах и насчитывает 1654 прихода и центра настырской опеки (http://ru.wikipedia.org/wiki/Opus_Dei).

последовательно осуществляться с конца 70-х годов. **Идеологические установки ордена, представляющие собой своеобразный симбиоз неолиберализма и религиозного фундаментализма, явились фактически католическим аналогом теории экономической свободы Ф.Хайека, призванной оправдать уход государства из социально-экономической сферы общества.** (Здесь и далее выделено мною. – О.Ч.) Они стали основой для разработки соответствующих учебных и исследовательских программ, осуществляемых в контролируемых орденном институтам и образовательных центрах¹⁴.

Вдохновителем этих неолиберальных идей стал американский Институт изучения религии и свободы им. Актона (Мичиган), а главным центром распространения – созданная в 1986 г. Международная академия философии в Лихтенштейне (IAP), тесно связанная с польским Люблинским католическим университетом (в нем преподавал Кароль Войтыла). В последнем сложилась своя теологическая школа, которая основывается на доктрине «вечной философии», взятой из идей Гуссерля. В соответствии с ними мир представляется в манихейском духе: все вещи изначально делятся на плохие и хорошие, а люди – на морально плохих и хороших, что фактически обосновывает тот элитарный подход, который так характерен для Опус Деи. Это философско-духовное течение, к которому принадлежит персонализм Кароля Войтылы и других польских теологов, тщательно изучается в IAP, и именно на этом фундаменте орден стремится произвести «духовное обновление Европы». Ректор Академии Йозеф Серферт даже говорит о Школе ЛЛ (Люблин-Лихтенштейн), которую можно считать основным инструментом распространения господствующей католической этики¹⁵. На основе неолиберальных мировоззренческих установок формировалось уже новое поколение европейских политиков, финансистов, экономистов, пришедших на смену старым кадрам в конце XX – начале XXI века.

Другая главная забота ордена – финансовое обеспечение и управление средствами Св. Престола. Располагая обширной финансовой сетью,

---

¹⁴ *L'Opus Dei: les soldats du communautarisme chretien*

URL: http://www.communautarisme.net/L-Ous-Dei-les-soldats-du-communautarisme-chretien_a76.html.

¹⁵ В 1994 г. IAP создал Фонд в поддержку академии, во главе которого встал бывший глава итальянского государства и пожизненный сенатор Франческо Коссига (*Terras Ch. avec la collaboration de P.Hertel et R.Libero. Opus Dei. Enquête au cœur d'un pouvoir occulte. Editions Golias, 2006. P.60–61*).

орден обеспечил Ватикану обладание гораздо большей властью над банками, чем это было в эпоху христианских демократов¹⁶. Главной опорной структурой Св. Престола является Институт по делам религии (ИДР), называемый Банком Ватикана, который после разоблачения в начале 80-х гг. банкирско-мафиозной группировки Марцинкуса сумел восстановить свои позиции в результате соответствующей реформы, предпринятой Иоанном Павлом II в целях создания «положительного» имиджа ИДР. Важно также отметить, что, начиная с 80-х годов, среди направлений финансовой деятельности церкви на первом плане оказались США, в которых существует самая богатая католическая община. Именно сюда стали перемещаться инвестиции Ватикана, а в 1987 году в Вашингтоне был открыт специальный фонд Иоанна Павла II, сумма инвестиций которого в 1998 г. составила 44 млн. долларов¹⁷.

Геополитика Иоанна Павла II

Одновременно с укреплением внутрицерковных позиций Ватикан поставил перед собой задачу добиться восстановления своего международного политического веса и влияния,

и в первую очередь за счет укрепления позиций в странах Восточной Европы. Поскольку и для Ватикана, и для США эти государства превратились в главную арену геополитического противоборства с СССР, их стратегические интересы здесь полностью совпали. Обе силы воплощали друг для друга соответствующий противовес коммунизму: Ватикан – идейный, а Вашингтон – военно-политический. В 1985 г. в своей статье в журнале «Трайелог», З.Бжезинский в связи с этим укажет: «Я считаю, что все, что делает Папа Иоанн Павел II, имеет первостепенное историческое значение. Необходимо покончить с расколом Европы и вернуть великую и бессмертную Россию в лоно христианского сообщества и рыночной экономики»¹⁸. Ту же определяющую роль понтифика выделил и М.Горбачев, заявивший в марте 1992 г. на страницах туринской газеты «La Stampa»: «Теперь можно сказать, что все, что произошло в Восточной Европе в последние годы, было бы невозможно без папских громадных усилий и роли, которую он играет в политике на мировой

---

¹⁶ *Banque du Vatican: un paradis fiscal sur terre!*

URL: <http://www.golias.fr/spip.php?article2369>

¹⁷ *Simmonot Ph. Op. cit. P. 754.*

¹⁸ *Цит. по: Путилов С. Указ. соч. С.1.*

арене. Я думаю, что очень значительные шаги, которые мы предприняли в нашей стране, имели значение в развитии отношений с Ватиканом. Папа Иоанн Павел II будет играть громадную политическую роль теперь, когда в европейской истории наступили глубокие перемены»¹⁹.

Взаимные интересы Ватикана и Вашингтона стали основой для соглашения, заключенного в августе 1982 г. между Рейганом и Иоанном Павлом II о совместных действиях в Польше в целях разрушения «коммунистического лагеря». Это соглашение, названное «священным союзом», было обнародовано в журнале «Тайм» журналистом Карлом Бернштайном, получившим информацию от верхов Ватикана и главных лиц американского истеблишмента. Как пишет Д.Калаич, разглашение этого пакта на «всю мировую деревню» имело целью показать всем католикам, что Ватикан на стороне нового мирового порядка, и предложить им следовать за понтификом²⁰.

В формировании этого союза Опус Деи сыграл ключевую роль. Орден использовал свои связи с североамериканскими кланами итальянской мафии, а также близкие отношения личного секретаря Папы Станислава Дзивича²¹ с американскими членами Трехсторонней комиссии, и в первую очередь с З.Бжезинским, бывшим помощником Картера по национальной безопасности. Именно Збигнев Бжезинский и Йозеф Томко, глава Отдела пропаганды Ватикана, бывший тогда главой департамента папской контрразведки, разработали так называемую операцию «Открытая книга», состоявшую в том, чтобы наводнить антикоммунистической литературой страны Восточной Европы и такие регионы Советского Союза, как Украина и Прибалтика. Координировали эту операцию ЦРУ и Священный Альянс (СА)²² через работавших на этих территориях священников²³.

---

¹⁹ Там же.

²⁰ Калаич Д. Договор с дьяволом. Трагедия современного Ватикана.

URL: [http: veruet.narod.ru/Tragedy Vaiticans.html](http://veruet.narod.ru/TragedyVaiticans.html).

²¹ Некоторые исследователи полагают, что епископ Дзивич, глава отдела Государственного секретариата, вступил в Опус Деи. Став позже архиепископом и кардиналом Кракова, он осуществлял общий контроль за служебной лестницей в Ватикане (См.: *Tergras Ch. Op. cit. P.18*).

²² Священный Альянс был создан в 1566 г. по приказанию Папы Пия V, и, хотя Ватикан никогда не признавал его существования, он представляет собой, по признанию некоторых исследователей, одну из лучших и самых эффективных спецслужб в мире.

²³ Frattini E. *La Sainte Alliance. Hestoire des services secrets du Vatican. Paris. 2006. P.385.*

После избрания президентом Рональда Рейгана, но еще до его вступления в должность между ним и Иоанном Павлом II установились отношения стратегического значения. Как писал исследователь Э.Лебек, «в первые годы правления Рейгана можно было наблюдать появление убежденных католиков на самых высоких постах, чего прежде в истории Соединенных Штатов никогда не было»²⁴. Активную роль в сотрудничестве с Ватиканом играли глава ЦРУ У.Кейси и госсекретарь А.Хэйг, оба католики и рыцари Мальтийского ордена, называемого «вооруженной рукой» Ватикана, а также советник по национальной безопасности Ричард Алэн, утверждавший позже, что «отношения с Ватиканом представляли собой один из самых больших тайных союзов во всей истории»²⁵.

З.Бжезинский сохранил место связного между Белым домом и Священным Альянсом, который, будучи главным координатором действий западных спецслужб в странах Восточной Европы, превратился фактически в центр по проведению секретных операций в этих странах. Представители администрации Рейгана позднее признавались, что по уровню информированности и анализа ситуации в Польше «святые отцы» опережали американских разведчиков и дипломатов. Помощник Рейгана по национальной безопасности Вильям Кларк, в частности, утверждал: «Информация Ватикана абсолютно превосходила нашу по качеству и скорости практически во всех отношениях. Как-то в сложный момент, когда администрация колебалась, какие меры принять, представитель Папы в Вашингтоне Пио Лаги сказал Вернону Уолтерсу, заместителю директора ЦРУ²⁶: "Слушайте святого отца. В этом деле мы имеем двухтысячелетний опыт"»²⁷. С 1981 по 1988 год Уолтерс семь раз лично встречался с понтификом.

Это сотрудничество было связано с еще одним важным фактом. В январе 1983 года в Ватикане был принят новый католический кодекс

---

²⁴ Лебек Э. *Тайная история дипломатии Ватикана*. М.: Пунол Классик, 2004. С.232.

²⁵ Freytag M. *Los Secretos de Wojtyla. La Trama Washington-CIA-Opus Dei-Mafia Financiera En El Vaticano. Informe especial 09Abr-05 de IAR-Noticias Website*.
URL: http://www.bibliotecapleyades.net/Vatican/esp_vatican22.htm.

²⁶ Вернон Уолтерс, рыцарь Мальтийского ордена, был тогда заместителем директора ЦРУ.

²⁷ *Куклы и кукловоды Папы Кароля*.

URL: <http://www.zaistinu.ru/old/Ukraine/church/papadolls.shtml>.

канонического права, в котором уже отсутствовал действовавший 200 лет канон 2335, запрещавший католикам под страхом отлучения от церкви пребывание в масонских ложах²⁸, что означало прекращение борьбы с масонством и облегчало поддержание связей прелатов с мафиозными кругами²⁹. В том же году в апреле месяце Папа принял у себя членов Трехсторонней комиссии в полном составе (около 200 человек)³⁰, а в 1984 г. между Ватиканом и Вашингтоном были установлены дипломатические отношения. В США открывается не менее полусотни центров Опус Деи, члены ордена появляются в Белом доме, в средних и высших эшелонах Пентагона, и с тех пор и до настоящего времени влияние ордена здесь не перестает расширяться.

Незаменимую роль сыграл Ватикан в качестве посредника и в налаживании контактов с советским руководством и в перестроечных процессах на Украине. В 1988 г. Горбачеву в Москве через кардинала Казароли было передано послание от Иоанна Павла II, после чего 1 декабря 1989 г. состоялась встреча между Горбачевым и Папой, в течение которой они 70 минут беседовали с глазу на глаз в личной библиотеке понтифика. По завершении беседы советская делегация отбыла на Мальту для встречи с Дж.Бушем-старшим.

После этой встречи начинается активизация деятельности католиков в Советском Союзе. В первую очередь легализуется деятельность униатов, которым были предоставлены значительные льготы в ущерб Русской православной церкви. В Западной Украине начинаются регулируемые из одного центра демонстрации униатов против православных, погромы и захваты их храмов, сопровождаемые избиением и надругательством над священниками и мирянами. В итоге на Галичине были разгромлены три православные епархии – Тернопольская, Ивано-Франковская и Львовская. В последней из 1 тысячи существовавших приходов осталось только 40. В 1990 г. произошел раскол в Украинской православной церкви Московского патриархата и образуются Украин-

---

²⁸ *Rome et Frans-macons. Histoire d'un conflit. Paris: Berg International Éditeurs, 1996. P.21–22.*

²⁹ *В октябре 1983 г. итальянский журнал «Oggi» напечатал в номере, который чуть не подвергся конфискации, скандальную фотографию, на которой Папа Иоанн Павел II присутствует на масонском банкете: он включен со скрещенными руками в «братскую цепь», образуемую гостями-масонами вокруг банкетного стола (См.: Иеромонах Савва (Янич). Вероотступничество. М.: Русская идея, 2004).*

³⁰ *Van Helsing J. Sociétés secretes. URL: <http://freeflight.cockit.be/car11/ext18.html>.*

ская православная церковь Киевского патриархата и Украинская автокефальная православная церковь. Восстанавливаются католические приходы на западных землях Украины и Белоруссии по состоянию на 1 сентября 1939 г. Через частные приглашения начался мощный заброс миссионеров, местные власти выделяют значительные бюджетные средства на восстановление храмов. Если в 1992 г. здесь было 92 католических прихода, то в 1996 г. – 651. Стали действовать 22 монастыря, 193 воскресные школы, две семинарии и Высший колледж св. Фомы при Киевском университете.

В 1991 году в России также были восстановлены иерархические структуры Католической церкви, переставшие существовать с конца 20-х гг., и католики перешли к активной прозелитической деятельности. Если до революции в России существовало 150 католических приходов и 2 епархии (Могилевская и Тираспольская), то теперь – более 200 приходов и 4 епархии, объединенные в «церковную провинцию» Римско-католической церкви во главе с митрополитом. Это епархии на севере европейской части России с центром в Москве, на юге европейской части России с центром в Саратове, в западной Сибири с центром в Новосибирске и в Восточной Сибири с центром в Иркутске. Католическая церковь стала вести здесь широкую проповедническую и миссионерскую работу, отказываясь признавать эти епархии в качестве «канонической территории» православия. В 1992 году в России официально начало свою деятельность общество иезуитов, которое открыло свои филиалы в Новосибирске, Калининграде, Санкт-Петербурге и Москве.

В июне 2001 г. по приглашению тогдашнего президента Украины Л.Кучмы Папа впервые посетил независимую Украину с так называемым «государственным визитом», который состоялся вопреки многотысячным протестам православных верующих. В ходе него Папа не только побывал в Киеве и Львове, но и провел богослужения в этих городах, что явно выходило за рамки задекларированного властью «государственного визита».

Активное участие Ватикана в реализации планов Вашингтона призвано было «духовно» узаконить осуществлявшуюся в восточноевропейских странах смену власти. Как писал сербский исследователь Драгош Калаич, Папу побудило пойти на это состояние всеобщего упадка католицизма на Западе и «горькое сознание, что последние очаги, хранящие пламень католической веры, достойно горят лишь в странах Восточной Европы, прежде всего в Польше и Хорватии». Но тогда «он еще не подозревал, что, приняв участие в разрушении коммунистической

Вавилонской башни, он тем самым открыл доступ к материалам для достройки другой, куда большей Вавилонской башни, называемой "новый мировой порядок"³¹.

Экуменическая открытость и ее итоги

Укрепление международного влияния Ватикана сопровождалось расширением внешней открытости католицизма и активной интеграцией его в экуменическое движение, совершаемое с помощью «очищения исторической памяти», работавшей на «дело примирения» с другими религиями. Если II Ватиканский собор только наметил эту перестройку сознания, то Иоанн Павел II довел ее до логического конца. Имидж Ватикана-примирителя создавался в период перехода к заключительной стадии развала СССР, так что «теология морали» Иоанна Павла II служила прекрасным обоснованием необходимости перехода от конфронтации к диалогу между Востоком и Западом. В своем обобщающем докладе, который понтифик представил на заседании Европарламента 11 октября 1988 г., он заявил: «Времена наступили благоприятные: мир на Земле, сотрудничество между государствами, права человека, демократия – все это вошло в массовое сознание»³².

Политика Иоанна Павла II отличалась нарочитой открытостью: в 1986 г. он обратился к представителям ведущих религий мира организовать «всемирный день молитвы за мир», выбрав для этого уникального события город Ассизу, куда прибыло около 60 делегаций христианских и нехристианских конфессий. В целях примирения понтифик предпринял невиданную кампанию по покаянию, заключающуюся в признании ответственности и вины всего католического сообщества в различных сферах его деятельности в течение десяти последних веков, апогеем которой стал так называемый «экзамен совести», провозглашенный в 1994 г. Самокритичные высказывания Папой были сделаны в отношении Галилея, раскола церковей, инквизиции, крестовых походов, ответственности католиков за войны, за поведение в отношении американских индейцев и негров, за интегрлистов, за раскол с Востоком.

Одним из важных итогов политики «возведения мостов» стало сближение с лютеранами. Иоанн Павел II стал первым понтификом,

---

³¹ Калаич Д. Указ. соч.

³² Цит. по: Путилов С. Указ. соч. С.2.

посетившим лютеранскую церковь в Риме, где принял участие в екуменической «литургии мира». В 1999 г., в преддверии 2000-летия Рождества Христова, католики и лютеране подписали совместную декларацию, положившую конец богословским спорам по вопросу о том, как происходит оправдание христианина – только верой или верой и добрыми делами. Иоанн Павел II стал первым Папой, посетившим 13 апреля 1986 г. главную синагогу Рима (это был первый визит такого рода за всю историю католицизма), в которой состоялась его встреча и молитвенное общение с главным раввином доктором Елио Тоафом. А в ноябре того же года Папа произнес перед участниками Второго международного иудео-христианского диалога речь на тему «О значении спасения и искупления в иудейской и христианской традициях», в которой говорил о «взаимном ознакомлении с соответственным наследием в вере каждого из нас» и «о наших связях... в нашем понимании спасения». В 1993 году Ватикан совершил важный политический шаг, установив дипломатические отношения с Израилем, который до этого признавался лишь де факто. Поскольку из этого признания следовали важные богословские выводы, многие исследователи оценивали его как имеющее революционное значение.

При Иоанне Павле II было также положено начало диалогу с мусульманами, который проходит как в теоретической (доктринальной), так и в практической сферах. В практическом плане церковь «во искупление грехов крестовых походов и реконкисты» стала брать на себя роль посланницы ислама в Европе, проявляя инициативу или соглашаясь на реализацию проектов строительства мечетей, как это было, например, в Лионе, Мадриде и Риме. Но если в данной сфере диалог может развиваться, не ставя под вопрос основные доктринальные положения обеих религий, то в сфере теоретического поиска «нового измерения богословия» он заводит католицизм настолько далеко, что грань между философскими системами начинает просто стираться. Некоторые разделы классического богословия перестраиваются, Священное Писание перечитывается, допускается прочтение традиций одной культуры в свете традиций другой, что представляется как «состязание» христианства и ислама, которое должно привести к лучшему пониманию двух традиций³³.

Все это закладывало новое понимание апологетики, призванное изменить образ папства в глазах мирового сообщества, обновив и

---

³³ Del Valle A. *Islamisme et États-Unis. Une Alliance cjtntre l'Europe. Lausanne, 1999. P.59.*

полностью вписав его в современную культуру терпимости и свободы³⁴. Однако при всей открытости данной политики в своей экуменической деятельности Ватикан последовательно преследует свой четкий интерес. Хотя ревизия истории коснулась и папства – понтифик признал ошибки Пап в разделении церквей, в их заявлениях относительно неприятия религиозной свободы и модернизма, – он никогда не позволял себе затрагивать главной причины всех отклонений в жизни западной церкви – положения о главенстве Папы и догмата о непогрешимости его учения *ex cathedra*. Очевидная двойственность в поведении Ватикана – готовность идти на уступки в вопросах, касающихся определенных положений христианского учения (идея Папы о «семенах Слова», содержащаяся, якобы, во всех религиях), и непреклонность в отстаивании прав римского понтифика – стала характерной для сотрудничества Католической церкви со Всемирным советом церквей. Посылая своих представителей в качестве «наблюдателей» на все экуменические ассамблеи, конференции и участвуя в совместных молитвах, Католическая церковь так и не вступила в ВСЦ. Председатель Отдела христианского единства в Ватикане кардинал Виллебранс в письме к генеральному секретарю ВСЦ от 4 июля 1983 г. объяснил это следующим образом: «Римско-католическая церковь в гораздо большей степени, чем другие церкви, считает свою структуру универсальной общности и универсальной миссии существенным элементом своей идентичности... Решение о ее присоединении к мировому сообществу церковью могло бы быть дурно истолковано... с позиции власти (авторитета) в Римско-католической церкви и способов ее осуществления»³⁵.

Между тем главным следствием экуменической «открытости» Ватикана стала дальнейшая эрозия религиозного сознания европейцев. С переходом к глобализации, превратившей «общество всеобщего благоденствия» в «благоденствие для избранных», привычный образ жизни, устоявшиеся социальные связи стали разрушаться, а вместе с ними стали ломаться и прежние представления, и сам духовный строй личности, в результате чего процесс размывания традиционных религиозных ценностей принял угрожающий характер. Как заявил кардинал Ратцингер еще до избрания его Папой, «агрессивный секуляризм угрожает свободе вероисповедания в Европе, маргинализируя верующих... Мы отказались

³⁴ Accattoli L. *Quand le pape demande pardon*. Paris: Albin Michel, 1997. P.19–20.

³⁵ Архим. Серафим (Алексиев), Архим. Сергей (Язаджиев). *Ожидание новых «мессианских времен» // Православие или смерть. №5. С.18.*

от христианской культуры в пользу агрессивного секуляризма с нетерпимыми чертами... Упоминание о Боге очень маргинализировано. В политической сфере кажется почти непристойным говорить о Боге, как будто это нарушает свободу тех, кто не верует»³⁶. Наиболее показательным в этом отношении стал тот факт, что в процессе подготовки проекта конституции ЕС европейские чиновники не включили в него упоминание о христианских корнях Европы, ограничившись положением о культурном, религиозном и гуманистическом наследии Европы³⁷.

Ослабление позиций Католической церкви выражается во многих показателях: это и сокращение числа ее приверженцев, и падение численности духовенства. Все больше размываются сами религиозные ценности, исчезает знание фундаментальных основ, на которых зиждется христианская вера. В итоге **католицизм в Европе потерял значение силы, определяющей общепринятые нормы поведения и формирующей общественную систему ценностей**. Как признавался сам Иоанн Павел II, «Иисус Христос, кажется, исчез из европейской жизни... Европейская культура производит впечатление некоей молчаливой апостасии интеллектуалов, которые живут так, как если бы Бога не существовало»³⁸. В условиях размывания традиционных понятий и ценностей, их неопределенности, утраты представления об истинной норме европейцы становятся все более подверженными влиянию чуждых религиозных культов, которые ведут себя крайне активно и наступательно. Речь идет как о традиционных восточных, так и новых псевдовосточных, псевдохристианских, антихристианских, неоязыческих учениях, большинство из которых носит оккультный характер. Для них характерно взаимопроникновение, смешение традиций, то есть синкретизм, который заменяет целостное, стройное мировоззрение.

Это означает переход плюрализма на иной уровень, превращение его уже в «глобальный религиозный рынок» или, как теперь пишут, «супермаркет спиритуальных товаров», при котором свободное предпринимательство проникает уже в сферу спасения, предлагая каждому на выбор любую религиозную или псевдорелигиозную идею. Предостав-

---

³⁶ В Европе упоминание о Боге считается маргинальным // *Седмица: Православные новости за неделю*, 176 выпуск рассылки. URL: www.sedmica.ortodoxy.ru/176-26-11-04.php.

³⁷ *Конституция Европейского Союза: Договор, устанавливающий Конституцию для Европы (с комментарием)*. М.: ИНФРА-М, 2005. С.93–94.

³⁸ *Conradt M. Le cheval de Troie. Sectes et lobbies religieux à l'assaut de l'Europe. Éditions du Grand Orient de Belgique*, 2008. P.34.

ленный сам себе мирянин как потребитель выбирает то, что ему по душе, то, что подходит, формируя собственную систему ценностей. И здесь христианство сталкивается с сильнейшей конкуренцией, поскольку религия на этом «рынке» ценится не с точки зрения отстаиваемой ею истины, а с точки зрения того душевного и духовного комфорта, который она обеспечивает. Поэтому в наибольшей степени здесь преуспевает оккультизм, увлечение которым приобретает массовый характер.

Таков итог последовательного применения фундаментального принципа современной европейской культуры – принципа свободы совести, понимаемого как свобода выбора, утверждению которого способствовала и сама Католическая церковь.

Бенедикт XVI: курс на поддержку мировой политической власти

Не остановив процесс дехристианизации западного общества, Иоанн Павел II, однако, достиг значительных успехов в укреплении позиций Ватикана в качестве важнейшего игрока на мировой политической арене. Здесь Св. Престол обеспечил себе вполне определенную нишу, крепко связав свою политику с американскими стратегическими интересами. Бенедикт XVI, избранный Папой в апреле 2005 г., будучи, как считается, наиболее преданным Иоанну Павлу II, остался верен курсу своего предшественника, что полностью гарантировало «войтылизм без Войтылы». Изменения, внесенные им, касались лишь методов и способов осуществления политики: в отличие от Иоанна Павла II, привыкшего работать открыто и на массы, Бенедикт XVI действует более скрытно и сдержанно, но и более жестко. Являясь представителем умеренно-консервативных кругов церкви и стремясь к обеспечению ее активного присутствия во всех сферах общественной жизни западного общества, он также сделал ставку на интегральные католические организации, чей потенциал приобретает в настоящее время особое значение, учитывая, что число католических священников неудержимо сокращается (что характерно уже даже для Польши). Показательно, что в декабре 2007 г. Конгрегация по делам священства опубликовала письмо, в котором обратилась ко всем диоцезам католического мира с призывом создавать «настоящие кружки», в которых верующие будут пребывать «в духе причащения к постоянному евхаристическому поклонению в течение 24-х часов» с целью возмещения недостатка священников и «для поддержания верующих на пути к святости».

Главную роль в формировании армии «святых мирян» продолжает играть Опус Деи, с которым Бенедикт XVI тесно связан и который, по свидетельствам ряда исследователей, способствовал его приходу к власти³⁹. Наряду с ним резко активизировала свою деятельность в Европе и конгрегация Легионеры Христа, традиционно концентрировавшая свои силы на работе в Латинской Америке. Как указывают исследователи, союз между Римом и Легионерами, основанный при Павле VI и углубленный при Иоанне Павле II, при нынешнем понтифике достиг своего апогея. Папу привлекает в этой организации ее крайне наступательный миссионерский характер, позволяющий противостоять как секуляризации и догматическому релятивизму, так и агрессивной прозелитической деятельности религиозных соперников католицизма, в особенности евангелистских сект. Сегодня Легионеры стараются проникнуть в высшие слои европейской экономической элиты, для чего еще в 1997 г. ими был создан в Швейцарии Фонд Гиле (Fondation Guilé)⁴⁰, организующий семинары и встречи представителей бизнес-элиты для обсуждения проблем развития предпринимательства, разработки стратегии совместных действий и согласования поведения в условиях глобализации. Фонд участвует в инициативах в рамках Глобального договора, направленного на достижение «устойчивого развития» под эгидой ООН. Одной из таких инициатив стала организация встречи Генерального секретаря ООН с 35 представителями международных компаний, состоявшейся в январе 2009 г. на всемирном форуме в Давосе.

Опираясь на консервативные организации, Бенедикт XVI проводит продуманную религиозную политику, приоритетным направлением которой является концентрация усилий на европейском континенте. **Основной темой его деятельности стало религиозно-этическое обоснование строящейся Единой Европы как модели нового мирового порядка и консолидация европейских правящих элит на новой идейной основе.** Поскольку светская идея европейской идентичности, эффективная в условиях геополитического противостояния с советским блоком, себя полностью исчерпала, а Ватикан в условиях дехристианизации Запада стремится к приданию нового смысла своей деятельности, немислимое еще несколько лет назад единение папского престола с верхами европейского общества, заговорившими вдруг на языке евангелических проповедников, намечилось уже вполне явно.

---

³⁹ Terras Ch. *Op. cit.* P.217.

⁴⁰ См. сайт организации: URL: <http://www.guile.net/fr/p64000222.html>.

Уже в своей первой энциклике «Deus Caritas Est» Папа заявил, что церковь не должна оставаться в стороне от общественных дискуссий, а в марте 2006 г. во время встречи с группой парламентариев Европарламента, представлявших Европейскую народную партию, он подчеркнул, что голос римского католицизма был услышан в политических дискуссиях на континенте. Речь шла о христианских корнях Европы и ее христианском наследии как «руководящей этической линии» в поисках социальной модели и об отказе относить религиозные убеждения в сферу частной жизни. Эти вопросы выносятся теперь на широкое обсуждение элитных форумов.

Показательным в этом отношении стал римский конгресс на тему «Ценности и перспективы для завтрашней Европы», проведенный в марте 2007 г. Епископальной комиссией ЕС (ЕКЕС)⁴¹ и посвященный проблеме усиления роли религии в развитии ЕС. На собрании был рассмотрен доклад, подготовленный сформированным членами Епископальной комиссии «Комитетом мудрецов», куда вошли 25 человек, среди которых Мишель Камдессю (бывший глава МВФ), Пат Кокс (бывший председатель Европарламента), Лойола де Паласио (бывший вице-президент Еврокомиссии), Томас Галик (бывший советник Вацлава Гавела), Питер Сутерланд (глава совета директоров «Бритиш Петролеум» и финансовый советник Ватикана, бывший генеральный директор ГАТТ и ВОТ) и другие важные политические фигуры. А в заключительном документе, названном «Римское послание», указывалось: **«Все более необходимым становится сближение граждан с далекими и трудными для понимания политическими институтами (ЕС. – О. Ч.). Пройденный путь должен быть срочно подтвержден новым обоснованием ЕС. Это позволит ему восстановить свой первоначальный динамизм, чтобы все большее число молодых европейцев стали главным богатством Европы...»**⁴². Этот вопрос активно обсуждался и на Берлинском собрании глав государств Европы под председательством Ангелы Меркель, проходившем в том же году в связи с 50-летием подписания Римского договора. Здесь постоянно звучала мысль, что «тема христианских корней должна найти свое место в повестке дня Европы»⁴³.

Однако проект Единой Европы рассматривается Ватиканом в общей глобальной перспективе. И сегодня, когда мир оказался свергнут в

---

⁴¹ См. caŭm: URL: www.comece.org.

⁴² Conraat M. *Le cheval de Troie. Sectes et lobbies religieux à l'assaut de l'Europe*. Grand Orient de Belgique, 2008. P.42.

⁴³ *Ibid.* P.30.

управляемый всеобъемлющий кризис и правящие элиты открыто заговорили о необходимости введения мирового управления, Ватикан активно подключился к информационной кампании, направленной на то, чтобы обосновать создание новых наднациональных органов контроля потребностями морально-этического характера.

В преддверии встречи Большой восьмерки в Аквиле, состоявшейся в июле 2009 г., Бенедикт XVI опубликовал энциклику «Caritas In Veritate»⁴⁴, в которой он ратует за создание «мировой политической власти», которая должна признаваться всеми и пользоваться реальными полномочиями. Странам всего мира предложено реформировать ООН и другие международные организации таким образом, чтобы они смогли стать основой для создания «единой семьи народов» и взять на себя решение вопросов разоружения, продовольственной безопасности и иммиграционной политики. Выдвигается необходимость реформирования мировых финансовых институтов и создания новой экономической системы, ориентированной не на получение выгоды, а на соблюдение моральных принципов.

Говоря о тех серьезных проблемах, которые принесла с собой глобализация, энциклика, однако, не указывает их истинные причины и не называет конкретных виновных. Поэтому, будучи проникнуто пафосом справедливости и заботы о человечестве, но предлагая новую систему управления на базе ныне существующих структур, это многостраничное папское послание **придает нравственную легитимность транснациональной власти тех самых финансовых кланов, по вине которых человечество и переживает в настоящее время глубокие социально-экономические потрясения.**

Данная энциклика готовилась Ватиканом в течение двух лет, однако ее главные идеи очень созвучны тем положениям, которые содержатся в более раннем документе – докладе, подготовленном специальной группой ЕКЕС по мировому управлению еще в 2001 г.⁴⁵ и названном «Мировое управление: Наша ответственность за то, чтобы глобализация стала шансом для всех»⁴⁶. Характерно, что в эту группу входили все те же

---

⁴⁴ URL: <http://www.eglise.catholique.fr/getFile.php?ID=4861>.

⁴⁵ В нее вошли уже упомянутые Мишель Камdessus и Питер Сутерланд, а также Отто Рудинг (вице-президент «Ситибанка» и бывший министр финансов Нидерландов), Мишель Хансен (бывший генеральный директор ВОТ), Франц Эккерт (секретарь Конференции епископов Австрии), Ноэль Треанор (генеральный секретарь ЕКЕС), Стефан Лютне (заместитель генерального секретаря ЕКЕС) и другие важные политические фигуры.

⁴⁶ См.: *Gouvernance mondiale. Notre responsabilité pour que la mondialisation devienne une*

Мишель Камдессю и Питер Сутерланд, а также Отто Рудинг (вице-президент «Ситибанка»), Мишель Хансен (бывший гендиректор МОТ), Ноэль Треанор (генеральный секретарь ЕКЕС) и др.

В докладе предложено такое реформирование международных институтов, которое превратило бы их в органы наднационального политического управления миром, а ЕС предлагается в качестве модели или опорной структуры новой системы. В предисловии, подписанном, в частности, епископом Иозефом Хомейером, президентом ЕКЕС, говорилось: **«Ключевой вывод, содержащийся в тексте, заключается в том, что ЕС, учитывая его генезис, архитектуру и то, как он сам себя понимает, а также его ответственность в таких политических сферах, как торговля, конкуренция и сотрудничество в развитии, призван сыграть решающую роль в превращении существующего международного порядка в систему мирового управления»**⁴⁷.

Вдохновляясь глобальным видением Папы Иоанна XXIII, выраженным в энциклике 1963 г. «*Pacem in Terris*», утверждавшей «необходимость публичной власти всеобщей компетенции», авторы доклада ратуют за создание Группы мирового управления (GGG – Global Governance Group), которая состояла бы из 24 глав правительств, а также Генерального секретаря ООН и руководителей МВФ, Всемирного Банка, ВТО, МОТ и новой предлагаемой структуры – Всемирной организации по окружающей среде (таковая, видимо, будет создана в связи с проблемой «глобального потепления климата»), опирающихся в свою очередь на исполнительных директоров в административных советах. Особое внимание в докладе уделяется подготовке соответствующего общественного мнения, которое должно обладать «более универсальным видением» и формировать «принятое во всемирном масштабе» поведение. И здесь церковь призвана сыграть важную роль. Как указывается в документе, «церкви и другие религии могут информировать друг друга и информировать верующих о глобальных вызовах и призывать к ответственности. **Проблемы мирового управления должны быть включены в программы образования и катехизис. Церкви могли бы превратить тему мирового управления в сюжет экуменического и межрелигиозного диалога**».

Похоже, именно эти идеи уже и начинают воплощаться в жизнь. Как известно, на последнем сентябрьском саммите G20 в Питтсбурге (2009)

---

chance pour tous. Rapport aux évêques de la COMECE. URL: <http://www.ssf.fr.org/archives/divers/mondialisation.php3>.

⁴⁷ *Ibid.*

премьер-министр Великобритании Гордон Браун заявил, что Большая двадцатка отныне становится основным международным механизмом управления мировой экономикой, призванным бороться с экономическим кризисом и обеспечить лучшую подготовку мира к будущим экономическим трудностям. Интересно, что, кроме руководителей 19 крупнейших экономик мира и председателя Еврокомиссии, на саммите присутствовали также руководители Голландии, Испании, Сингапура и Швеции – страны, председательствующей в ЕС (всего 24 руководителя), а также главы международных финансовых и экономических организаций, включая Генсека ООН. Так что двадцатка превращается в GGG, а папская энциклика подготавливает общественное мнение к «ответственной глобализации» и «моральной экономике».

Как в реальности понимает Ватикан эту «моральную экономику», демонстрирует его собственная финансовая деятельность. По данным ряда исследователей, Банк Ватикана (ИДР), капитал которого по итогам прошлого года равнялся 5 млрд. евро, и сегодня занимается активным отмыванием денег. В недавних расследованиях «London Telegraph» и «Inside Fraud Bulletin» Ватикан упоминается в качестве одного из главных «налоговых раев» наряду с Макао и Науру⁴⁸. Он активно проводит оффшорные операции, не являясь формально оффшорной юрисдикцией, что делает его недоступным для какого-либо регламентирования и защищенным от попадания в черные списки.

В конце сентября 2009 года новым главой ИДР стал Готти Тедески, бывший глава итальянского подразделения *Santander Consumer Bank*, назначение которого наблюдатели объясняют тем, что он имеет тесные связи с Опус Деи. В свое время он основал собственный банк *Akros Finanziaria* совместно с членом ордена Жанмарио Ровераро, считавшимся долгое время одной из самых важных фигур католического финансового мира (убит при невыясненных обстоятельствах в 2007 г.). Но есть и еще одна причина того, что выбор пал на Тедески. Он является экономическим обозревателем официальной газеты Св. Престола «Osservatore Romano» и известен как крупный специалист по финансовой этике. Именно Тедески инициировал «революционную» идею, изложенную в январском номере «Osservatore Romano» и повторенную чуть позже Гордоном Брауном, заключающуюся в следующем. Преодоление нынешнего кризиса возможно только путем направления колос-

---

⁴⁸ *La Banque du Vatican au hit-parade des dix destinations les plus utilisées pour le blanchiment d'argent.* URL: <http://www.voltairenet.org/article7600.html>.

сальных инвестиций в развивающиеся страны, которые, будучи вовлеченными в процесс стабилизации мировой экономической системы, «вытащат» богатые страны. Речь идет фактически о расширенном варианте плана Маршалла, который под предлогом борьбы с бедностью и отсталостью полностью откроет рынки развивающихся стран для зарубежных инвесторов и намертво привяжет их к западным банкам. Этот проект как раз и обсуждался на встрече в Питтсбурге. Поскольку идеи Тедески перекликаются с энцикликой *Caritas Veritate*, он заявил, что Папа заслуживает за свое послание присуждения ему Нобелевской премии по экономике. Ну, а сам специалист по этике призван выводить Банк Ватикана на новый уровень, соответствующий требованиям эпохи глобализации.

* * *

Религиозная политика Ватикана последних лет выявляет все более противоречивый характер его традиционной двойственности. Желая сохранить себя в качестве влиятельного идейно-политического института, Св. Престол настолько глубоко погрузился в мирскую суету общественной жизни, что окончательно потерял свой авторитет как духовно-нравственной силы и уже не способен нести истину в современное западное общество и определять его ценностные ориентиры. Как выразился сам Бенедикт XVI, Западу «больше не удастся услышать Бога». Все попытки вернуть христианские представления о нравственности и противостоять духовной и моральной деградации западного человека не имеют успеха и вызывают лишь обратную реакцию – неприятие и обвинения в фундаментализме и обскурантизме. В этих условиях Католическая церковь, стремясь вернуть себе духовное лидерство и остаться на передовых рубежах мирового развития, уже открыто берет на себя идейное руководство процессом интеграции мира в новый глобальный порядок, формируя его моральный кодекс и придавая религиозный смысл системе контроля со стороны правящих наднациональных элит, что способствует принятию его широкими слоями населения. Поэтому, когда нас настойчиво призывают к сотрудничеству с Ватиканом ради сохранения традиционных основ христианской культуры, надо помнить, что оно возможно только в условиях полной интеграции нашего религиозного пространства в поле власти понтифика, деятельность которого призвана придать сакральный характер процессу строительства нового Вавилона.

Татьяна Симонова

**РОССИЙСКАЯ
ВОЕННАЯ
ЭМИГРАЦИЯ
И ФАШИЗМ:
ПОЛИТИКА
И ГЕОПОЛИТИКА**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
930

Russian military emigration of the first wave in the European states of the Versailles system appeared in the conditions of formation of nationalism, fascism and nazism. Concerning these phenomena different representatives of Russian emigration defined their position in different way. The article gives the analysis of the most weighed position of the representatives of Russian emigration.

Ключевые слова: русская военная эмиграция; Российский общевойсковой союз; Версальская система; национализм; фашизм (нацизм); коллаборационизм; геополитическое положение России; А.И.Деникин, В.В.Орехов.
E-mail: ivan72007@yandex.ru

Проблема позиционирования различных слоев русской эмиграции первой волны в отношении фашизма (нацизма) все более привлекает внимание исследователей¹. Главным вопросом, который явно или косвенно ставят почти все историки, остается вопрос о причинах привлекательности теории фашизма для широких кругов современников. У.Лакер так объяснил причину этого интереса: «Фашизм представлялся движением будущего. Тогда как демократия явно была на пути на пресловутую свалку истории»².

Российская эмиграция в своей значительной части была выброшена в государства молодой Версальско-Вашингтонской системы, сложившейся после Первой мировой войны. Почти все молодые государства, созданные союзниками на развалинах довоенных монархий-колоссов, не были удовлетворены сложившимся после Первой мировой войны территориальным статус-кво³. Эта неудовлетворенность вызвала к жизни в различных слоях общества стремление к полной или частичной реализации тех, в первую очередь, национальных интересов, которые, как казалось политическим и общественным национальным лидерам разного уровня, не были осуществлены.

---

¹ См., например: Стефан Д. *Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945*. М.: Слово, 1992; Онегина С.В. *Русские фашисты* // *Родина*. 1992. №11–12; Лакер У. *Черная сотня: Истоки русского фашизма* / Пер. с англ. В.Меникера. М.: Текст, 1994; Мельников Ю. *Русские фашисты в Манчжурии (К.В.Родзаевский: трагедия личности)* // *Проблемы Дальнего Востока*. 1994. №2–3; Онегина С.В. *Российский фашистский союз в Манчжурии и его зарубежные связи* // *Вопросы истории*. 1997. № 6; Аблова Н.Е. *Российская фашистская партия в Манчжурии* // *Белорусский журнал права и международных отношений*. 1999. №2; *Ее же*. *Российская эмиграция в Китае (1924–1931 гг.)* // *Россия XXI*. 1999. №6; *Политическая история Русской эмиграции 1920–1940 гг. Документы и материалы* / Под ред. А.Ф.Киселева. М., 1999; Косик В.И. *Молодая Россия в эмиграции* // *Славяноведение*. 2000. №4; Массип М. *Истина – дочь времени. Александр Львович Казем-Бек, русский эмигрант (1902–1977)* // *Звезда*. 2000. №10; Цурканов Ю. *Белая эмиграция во Второй мировой войне. Неудавшийся реванш*. М., 2001; О कोरोков А.В. *Фашизм и русская эмиграция (1920–1945)*. М.: Русаки, 2002; и другие.

² Лакер У. *Черная сотня: Истоки русского фашизма*. С.119.

³ Исключения составляют только лимитрофы, отделившиеся от Российской империи, и Польша. Мирные договоры с Латвией, Литвой, Эстонией и Польшей Советская Россия заключила в том числе и за счет передачи им пограничных русских территорий с коренным русским населением.

В послевоенной усталой и разрушенной Европе создалась видимость всеобщего успокоения и мира. Необходимость выбраться из разрухи и нищеты требовала социальных и политических реформ как в государствах «старого» мира, так и в молодых, возникших в 1918 году. Социальные реформы поддержала католическая Церковь. Успех социальных и политических перемен в Европе привлекал внимание всего мира. Не всех насторожила изданная в 1925–1926 годах книга неизвестного автора Адольфа Гитлера, провозгласившего лозунг борьбы с коммунизмом и большевизмом, с которого начиналась его «Mein Kampf».

В таких условиях сформировались авторитарные националистические режимы, которые часто объединяют под наименованием «фашистские» или «полуфашистские». Немецкий исследователь фашизма в качестве основных характеристик фашизма выделил господство правой идеологии, традиционализм, радикальный национализм, антикоммунизм⁴.

Одна из современных европейских энциклопедий дает следующее определение термина «фашизм»: «Политическая система, для которой характерны антипарламентарные, часто антисемитские, тоталитарные тенденции вождистского государства и которая преимущественно пользуется социал-революционной терминологией... От других... авторитарных режимов фашизм отличается своим широким базисом власти, который достигается посредством управляемых из центра массовых организаций. Эта массовая поддержка исходит, прежде всего, от мелких представителей среднего слоя, который чувствует угрозу и от крупного капитала, и от коммунистического движения...»⁵.

В начале 30-х годов в политической расстановке сил в Европе наметились новые тенденции. Восточноевропейские страны (Малая Антанта), лимитрофы и Польша были готовы к тому, чтобы оказаться в сфере влияния постепенно крепнувшей Германии. Лига наций стремительно теряла авторитет. Слово «фашизм», еще не скомпрометированное последующими военными событиями и расистским гитлеровским нацизмом, все более привлекало внимание самых широких кругов Европы. Европейское общество оценивало успехи социально-экономических

---

⁴ Витперман В. *Европейский фашизм в сравнении. 1922–1982 / Пер. с нем. А.И.Федорова.* Новосибирск: Сибирский характер, 2000.

⁵ *Das Neue Taschen-Lexikon.* Bertelsmann, 1992.

реформ в Германии, католическая Церковь высказывала свое благосклонное мнение по этому поводу в папских энцикликах.

В течение 1920–1930-х годов национал-социалисты предприняли ряд мероприятий для сближения с православием в Германии. Рейхсминистерство религиозных культов поддержало Германскую епархию Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), находившейся в оппозиции к Московскому Патриархату, и предоставило ей государственный статус «корпорации»⁶. Воинствующий антибольшевизм фашистов был положительно воспринят рядом православных иерархов белоэмигрантской среды. Русский философ Иван Ильин искренне писал: «Фашизм не дает нам новой идеи, но лишь новые попытки по-своему осуществить эту христианскую, русскую национальную идею применительно к своим условиям».

Казалось, что нацизм (германский фашизм) с русской эмиграцией объединяла идея борьбы с интернациональным коммунизмом. Пропаганда Германии активно использовала антибольшевистские и антикоммунистические лозунги, близкие и понятные русской военной эмиграции. Эти лозунги находили отклик и в деятельности русских фашистов. Первая фашистская организация русской эмиграции возникла в 1924 году в Сербии. Профессор Д.П.Рузский и генерал П.В.Черский следовали положениям итальянского фашизма. Фашистские партии возникли в Германии, Манчжурии, США. Почти во всех регионах русского рассеяния были созданы самостоятельные фашистские организации или их отделения.

Достаточно упомянуть такие явления на обширном пространстве Русского зарубежья, как «Русское Женское Фашистское Движение», «Союз Юных Фашистов – Авангард», «Союз Юных Фашисток-Авангардисток», «Союз Юных Фашистских Крошек», «Элементарные курсы фашизма», «Районные школы фашизма», «Фашистская академия имени П.А.Столыпина», русская фашистская евангельская школа в США и пр.

---

⁶ Подробно этот вопрос исследован в публикациях М.В.Шкаровского (См.: Шкаровский М. В. *Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве*. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999; *Его же. Разделяй и властвуй. Политика нацистской Германии и Русская Православная Церковь на оккупированных территориях* // НГ Религии. М., 2003. 19 ноября; и др.). См. также: Ковалев Б.Н. *Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944*. М.: Транзиткнига, 2004.

Особая активность такого рода образований проявилась в Германии, из них наиболее известен и изучен исследователями союз «Молодая Россия» под руководством представителя второго поколения эмигрантов первой волны А.Л.Казем-Бека, который наряду с внешними признаками фашизма (форма, символика) проповедовал некий новый тип тоталитарной монархии.

Прочие организации вполне укладывались в определение, данное полковником Г.А.Имшенецким в отношении «Российского освободительного народного движения», – «это хлестаковщина наших дней»⁷. Начальник корниловской группы в Париже генерал-майор А.А. фон Лампе писал, что «русские национал-социалисты... представляют собою загадочную картину не только для нас, но для германской полиции»⁸.

Русская военная эмиграция⁹ стала уникальным явлением в новейшей истории, поскольку сохранила за рубежом свою организационную структуру и могла представлять опасность для Советской России (СССР) – примерно 250 тыс. эмигрантов в той или иной степени принадлежали к военной среде.

Задачу сохранения армии как ядра будущего объединения зарубежного русского воинства поставил перед собой «Русский совет»¹⁰, орган власти, альтернативный другим организациям, претендовавшим в эмиграции на ведущую роль («Съезд членов Учредительного собрания», «Русское политическое совещание в Париже», «Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека»). Он исходил из того, что большая

---

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.5853. Оп.1. Д.54 (2). Л.110.

⁸ Там же. Л.146.

⁹ К ней принято относить: офицеров, вынужденных спасаться за границей от репрессий большевистского правительства, военнопленных, находившихся в лагерях Центральных держав, военнослужащих Русского корпуса во Франции, военных сотрудников дипломатических и иных представительств России за рубежом, а также рядовых и офицерских чинов белых и казачьих армий.

¹⁰ Инициатива его создания принадлежала русским общественным деятелям, оказавшимся в Константинополе. 17 ноября 1920 г. П.Н.Врангелю, главнокомандующему Русской армией, была направлена декларация общественных деятелей в Константинополе с заявлением о том, что в нем видят главу русского правительства и преемственного носителя законной власти.

часть эмиграции при наступлении «благоприятной ситуации в России» сможет выступить единым фронтом против большевиков. Однако в сентябре 1922 г. совет был вынужден прекратить свое существование в связи с переводом армии из Константинополя в Болгарию и Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС), тем не менее толчок к систематической работе по объединению военной эмиграции им был дан.

Главнокомандующий Русской армией П.Н.Врангель приказом №82 от 8 сентября 1923 г. зачислил в состав армии все образовавшиеся офицерские союзы и общества с подчинением их военным представителям главного командования на местах. Согласно приказу, чинам и членам воинских союзов запрещалось параллельно состоять в каких-либо партийных и иных организациях, преследовавших политические цели¹¹. Через два дня русским генералам – руководителям русской военной эмиграции в странах рассеяния – были направлены Указания Врангеля о недопустимости участия чинов Русской армии в политической работе¹². Эти решения главнокомандующего деполитизировали армию, преследовали цель недопущения раскола среди военных эмигрантов в атмосфере перманентных эмигрантских политических склок.

Врангель исходил из того, что «армия – последнее ядро национальной России. Вокруг него собираются все честные русские люди, которые ставят Россию выше партий и лиц. Со дня, когда армия станет орудием одной определенной партии, она перестанет быть национальным ядром». «То знамя, которое из рук генералов М.В.Алексеева, Л.Г.Корнилова и А.И.Деникина перешло ко мне, – заявил главнокомандующий Русской армии в августе 1921 года, – я сохраню на чужбине. Я скорее сожгу это знамя, чем сотру начертанное на нем священное слово "Отечество"»¹³.

Для воплощения этих целей 1 сентября 1924 г. было принято решение о создании Российского общевоинского союза (РОВС)¹⁴. 5 ию-

---

¹¹ *Российская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. М.: Триада-Х, 2001. Т.2. Несбывшиеся надежды... 1923 г. С.120.*

¹² *Там же. С.122–124.*

¹³ *Часовой. 1933. № 103–104. С.3–4.*

¹⁴ *Существует до настоящего времени. Имеет 6 отделов в Европе, Дальневосточный отдел, 1-й и 2-й отделы в США, отделы в Канаде, Бразилии и Австралии.*

ня 1926 г. Врангель утвердил «Положение о приеме в военные организации РОВС молодых людей, ранее в армии не служивших», – так решалась проблема пополнения рядов армии. Таким образом в Русском зарубежье возникла система профессионального военного образования в составе 5-ти военных училищ, 2-х кадетских корпусов и корпусалицея, Военно-технических курсов и Высших военно-научных курсов под руководством профессора генерала Н.Н.Головина.

В 1928 году на посту председателя РОВСа Врангеля сменил А.П.Кутепов. В 1929 году Великий князь Николай Николаевич передал ему руководство всем национальным движением. 8 февраля 1929 года Кутепов заявил в интервью: время, когда Белое движение смотрело на Красную Армию как на врага, безвозвратно прошло, и она является лишь орудием в руках врагов России. Глава РОВС выразил убежденность в том, что когда-нибудь Красная Армия перестанет быть «красной» и превратится в «доблестную могучую Русскую армию, с которой сольются воедино те, кто пролил кровь за спасение отечества от ига коммунистов»¹⁵. Кутепов не понимал, что является центральной фигурой в разработке операции «Трест». Он и многие представители русской военной эмиграции были уверены, что антибольшевистская организация в Красной Армии жива¹⁶.

Как для Русской Православной Церкви, так и для военной эмиграции, игнорировавшей политику и служившей идее «национальной единой России», антибольшевизм германского нацизма являлся приоритетной чертой. Антинациональный, расистский компонент в пропаганде германского фашизма, применительно к славянству, евреям и цыганам («Untermenschen»), скорее бессознательно, чем сознательно, замалчивался или упускался из вида. Гитлеровская пропаганда в этот период для обозначения своего главного врага не употребляла иных выражений, кроме «иудобольшевизм».

Истинные цели нацистов в их восточной политике русские эмигранты, за редким исключением, пытались не замечать. В 1933 году Адольф Гитлер, по их утверждению, легально завоевал власть в Германии; произошло, по словам И.А.Ильина, «легальное самоупражнение демокра-

---

¹⁵ Слободин В.П. Русская военная эмиграция. URL: <http://www.lib.rin.ru/doc/i/73474p2.html>.

¹⁶ Симонова Т.М. Русская политическая и военная эмиграция в операции «Трест» (1920–1927 гг.) // Вестник военной истории. 2007. № 1. С.132, 140.

тически-парламентского строя»¹⁷. Для русских военных в эмиграции это событие было знаковым – для многих оно напрямую ассоциировалось с грядущими переменами в России.

В апрельском номере популярного органа русского воинства за рубежом, журнале «Часовой» В.В.Орехов¹⁸ (главный редактор) написал: «От дальнзоркости и прямоты германского правительства будет зависеть, останется ли Германия врагом национальной России или загладит свой тяжкий грех перед нею беспощадной и решительной борьбой с большевиками во имя культуры и своей же собственной безопасности»¹⁹.

В том же журнале А.С.Лукомский (бывший начальник отделения РОВС в Америке и на Дальнем Востоке) выразил надежду на «скорейшее падение советской власти и превращение СССР в национальную Россию»²⁰.

Обложка журнала «Часовой»

¹⁷ Ильин И.А. Национал-социализм. Новый дух. I // Возрождение. Париж. 1933. 17 мая.

¹⁸ Василий Васильевич Орехов родился 17 сентября 1896 года в родовом имении Гостинное Мценского уезда Орловской губернии. В 1914 г. поступает добровольцем в Старорусский полк. После тяжелого ранения – в Виленское военное училище, по окончании которого поступает в Железнодорожный батальон в чине командира роты. После большевистского переворота участвует в боях против Красной Армии. С остатками Белой армии Орехов через Варшаву, Прагу, Белград, Софию и Варну добирается до Крыма, где Врангель назначает его старшим офицером. После эвакуации из Крыма в Галлиполи издавал журнал «Галлиполи». Затем в Болгарии работает на строительном предприятии, слесарем на заводе «Рено» в Париже, там начинает издавать журнал "Часовой" (вместе с писателями Е.Тарусским и С.Терещенко). Переезжает в Бельгию, где вплоть до оккупации страны немцами продолжает издавать журнал. В Брюсселе Орехов организует «Русское Национальное Объединение», после Второй мировой войны представительства РНО создаются во многих странах русского рассеяния. Последний номер «Часового», 669, вышел в год тысячелетия Крещения Руси. В.В.Орехову было 92 года. Скончался 6 июля 1990 года и похоронен в Брюсселе.

¹⁹ Часовой. 1933. № 103–104. С.21.

²⁰ Там же. № 107–108. С.15.

Другие корреспонденты журнала высказались в пользу того, что «русский национал-социализм» зарождался и креп в душе русского эмигранта по мере того, как рос «успех немецкого национал-социализма». Был сделан вывод, что путь нацизма «и есть русский национал-социализм, примененный к русскому духу и русскому быту». Противником нацизма вслед за нацистской пропагандой, был объявлен «могущественный, но темный интернациональный мир»²¹.

На этой волне надежд на скорые перемены в России в сентябре 1933 года председатель РОВС генерал Е.К.Миллер главной целью союза определил работу в России «после свержения советской власти и устройства в ней порядка и установления законности ... ради восстановления нашей Родины и возрождения русского народа»²². Генерал-майор А.А. фон Лампе, проживавший в Германии, в одном из писем (октябрь 1933 г.) сообщал о проведенных переговорах с представителем НСДАП после «легального» переворота 30 января 1933 г.

Лампе и его единомышленники «предложили наше содействие в борьбе против коммунистов». Русский генерал «вошел в частные переговоры с представителем отдела Иностранных сношений Германской Национал-социалистической рабочей партии (отдел г-на Розенберга), по вопросу о совместных действиях против большевиков». Аргументация такого поступка носила эмоциональный характер: «Я считаю совместную работу между нами и национал-социалистами настолько естественной, что я охотно пошел на переговоры...»²³.

Далее Лампе повторял политические формулы, уже сложившиеся в сознании российского военного эмигранта. А именно: «мы считаем своими союзниками всех тех, кто является врагом СССР, но не национальной России, и готовы дать в этом гарантии», но «должны стараться всемерно использовать создающееся положение в русских интересах», т.е. не «покрывать такое выступление иностранной державы нашим национальным флагом»²⁴.

В начале 30-х годов в условиях мирового экономического кризиса трансформировалась военная и политическая расстановка сил в Европе. Российская военная эмиграция встала перед необходимостью согласо-

---

²¹ Там же. С.16.

²² Там же. С.2–3.

²³ ГАРФ. Ф.5853. Он.1. Д.54 (1). Л.12–14.

²⁴ Там же. Л.37.

вывать свои действия и духовные устремления с переменами в Европе, а также с официальными или тайными мероприятиями и направлениями внешнеполитической деятельности каждого государства в отношении СССР. Почти легальная деятельность графа А.А.Игнатьева, генерал-майора Российской Императорской армии²⁵, в Париже не была для лидеров военной эмиграции большим секретом – внутри российской эмиграции появилось и прижилось выражение «игнатьевский Париж», где находиться активным деятелям военной эмиграции было небезопасно.

К этому моменту российская военная эмиграция пережила существенную эволюцию своих политических стремлений. Тяга к «активизму» в борьбе против большевизма в условиях полного непризнания Советской России и СССР в начальный период российского изгнания сменилась «разбродом и шатанием» при постоянно возрастающем авторитете СССР на международной арене и активной и успешной деятельности ВЧК–ОГПУ–НКВД по разложению русской военной эмиграции.

Наиболее взвешенную внешнеполитическую позицию занимал А.И.Деникин, который предостерегал соотечественников от сотрудничества с фашизмом (нацизмом) во всех его проявлениях. В новых условиях его суждения были продиктованы не экзальтированным псевдоромантизмом в отношении убогого по сути нацизма, не личными интересами, тщеславием и прочими мелочными чувствами, а геополитическими интересами России.

Нельзя не признать, что Деникин вполне адекватно оценивал состояние Русского зарубежья. «Оторванная от Родины в течение долгих лет, утопающая во взаимных политических распрях, русская эмиграция, в запутавшемся клубке международных столкновений, не находит и общего понимания национальных интересов», – так характеризовал он состояние его национального самосознания в 1932 году. В русской эмиграции, по наблюдениям Антона Ивановича, «переплелись даже столь определенные противоположности, как патриотизм и предательство, оборончество и пораженчество»²⁶.

---

²⁵ В Красной Армии граф А.А.Игнатьев дослужился до более высокого звания – генерал-лейтенанта.

²⁶ Деникин А.И. *Русский вопрос на Дальнем Востоке* // Деникин А.И. *Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы*. М.: Айрис-Пресс, 2006. С.369.

Причину такого разброда и шатаний Деникин видел в следующем: «...у нас нет организованного общественного мнения, нет авторитетного представительства русской эмиграции, которое могло бы, опираясь на доверие ее и на тщательное изучение международных отношений, блюсти, в мере сил, национальные интересы России и использовать те возможности, которые дают или дадут развертывающиеся события». То, что европейские события развивались в направлении войны, понимали все русские военные лидеры. «Снова над землею реет зловещий призрак мирового пожара, загорающегося на Дальнем Востоке и на Рейне и готового перекинуться к русским рубежам», – писал Деникин²⁷.

Определение внешнеполитической позиции русской эмиграции и принципов поведения в новых международных условиях стало главным предметом размышлений А.И.Деникина. Для него не было сомнений, что «русское воинство не может принимать участия в войне в рядах союзников и пособников большевиков, а также тех, кто подымется для расчленения России». В то же время Деникин был уверен в том, что «русское воинство должно принять самое широкое участие во всякой коалиции, имеющей целью освобождение России от большевиков». В этих условиях он призывал «русское воинство» «беречь свою кровь, не ввязываться в чужие распри и не жалеть жизни для русского дела»²⁸.

Знакомство с публицистикой А.И.Деникина начала 30-х годов дает нам понять, что он внимательно следил за развитием событий на рубежах Советского Союза. Чрезвычайно опасной для территориальной целостности России он считал внешнеполитическую концепцию Японии. Он подчеркивал, что Япония следует внешнеполитическим принципам бывшего премьер-министра Г.Танаки, изложенным им в секретном докладе 1927 года. Премьер Танака, как известно, определил главными врагами СССР и США, поэтому призывал в целях «национального роста» Японии «вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии». Целью такой политики, подчеркивал Деникин, было не только овладение богатствами Северной Манчжурии. Танака грезил о том, «чтобы у ног Японии была вся остальная Азия», после чего «раса Ямато» смогла бы перейти «к завоеванию мира»²⁹.

---

²⁷ Там же. С.396.

²⁸ Там же. С.378.

²⁹ Там же. С.383.

Не менее опасной для геополитических интересов России Деникин считал и внешнюю политику Китая. В своем завещании доктор Сунь Ятсен – китайский лидер, будущий «отец нации» и основатель партии Гоминьдан – в целях объединения нации и в рамках экономической реформы поставил перед китайским народом задачу строительства железной дороги. Она должна была пересечь пустыни Монголии, пройти через Китай, Туркестан, Тибет по направлению к великому Сибирскому пути, «на Хайлар, Читу, Кяхту, Минусинск, Бийск, в русский Туркестан»³⁰.

Все эти грандиозные планы – пока призраки, – замечал Деникин в 1932 году, – но совсем не призрачны те «людские волны, те миллионы китайцев, которые текут и текут с дальнего юга на север Манчжурии, клином врезающейся в наши владения, грозя затопить беззащитный и пустынный амурский край и отрезать нас от океана...». Деникину нельзя отказать в способности исторического предвидения, учитывая, насколько актуально звучит это предостережение.

Полная закрытость некогда родной страны от внешнего мира, отсутствие достоверной информации дезориентировали русских эмигрантов. Нельзя не почувствовать, какой горечью наполнены эти слова: «...из страны, где задушены слово, печать, общественная жизнь, где каждый пятый человек – вольный и невольный "сексот", где карается "вышей" не только содеянное, но и слово, даже мысль, еще не высказанная... Подневольная Россия молчит...»³¹.

Однако в действиях «большевиков-интернационалистов» в случае появления внешней угрозы границам СССР на Дальнем Востоке он не сомневался. По его убеждению, советская власть в любом международном конфликте будет вести себя так же, как в период Брест-Литовского мира, то есть раздаст все «кочки» русской земли. Если советская власть допустила создание латвийского и эстонского «буферов», – заключал Деникин, – «она помирится, в случае надобности, и с японским»³².

К середине 30-х годов XX века позиция победительницы в Европе – Франции, претендовавшей на роль лидера в послевоенном мире, – с ростом военной мощи Германии, стимулируемой англо-американскими

---

³⁰ Там же. С.385.

³¹ Там же. С.370.

³² Там же. С.394.

финансовыми структурами, все более ослабевала. Угасало и значение Лиги наций как международного регулирующего органа. В 1934 году Париж выступил инициатором приглашения Советского Союза в состав ее Совета.

Неизбежность надвигающегося военного конфликта ощущали все, его опасность понимали немногие. Складывающаяся ситуация на европейском континенте заставила Деникина в 1934 году написать, что «причины и поводы Великой войны³³ меркнут в свете и дыме новых очагов разгорающегося пожара»³⁴.

А.И.Деникин

Анализируя запутанность и непоследовательность политических ходов европейских политиков, Деникин отмечал отсутствие четких внешнеполитических ориентиров «старых» государств Европы. «Французская демократия³⁵ в распре с гитлеровской диктатурой помогает кредитами австрийскому фашизму и собирается помочь московскому коммунизму»; в это же время французское военное командование «с лихорадочной поспешностью возводит твердыни и на севере, и на юге – на Рейне и в Альпах – как оплот для двух армий прикрытия». Только «Англия не желает связывать себя обязательствами, чтобы иметь свободные руки ко времени европейских бурь»³⁶.

Источником опасности для целостности России Деникин по привычке считал агрессивную внешнюю политику советского руководства, проводимую им через Коминтерн. «Национальные задачи, – подводил итог своим размышлениям Деникин, – которые ставят себе Германия и

³³ Принятое в межвоенный период наименование Первой мировой войны.

³⁴ Деникин А.И. *Международное положение. Россия и эмиграция* // Деникин А.И. *Путь русского офицера. Статьи и очерки...* С.425.

³⁵ Здесь и далее текст выделен А.И.Деникиным.

³⁶ Деникин А.И. *Международное положение. Россия и эмиграция.* С.428.

Япония и которые с величайшей настойчивостью проводят в массы власть, литература, печать, школа и даже церковь», и «**интернациональные** задачи, которые преследует советская власть», не могут быть решены иначе, «как вооруженной рукой»³⁷.

«Реальные и справедливые интересы России и русского народа»³⁸ были названы в качестве основной категории, определяющей внешнеполитическую позицию русских в изгнании. Деникин исходил из привычного для русской эмиграции тезиса сохранения «единой и неделимой» многонациональной России. Излагая содержание геополитической программы нацистов, он подчеркивал, что «германскому народу нужна земля для колонизации в самой Европе», что «могло бы произойти только за счет России». Поскольку Германию «интересуют» Финляндия, Балтийские республики, Украина, «казачьи государства», Кавказ и Туркестан, то эти земли «должны быть отторгнуты от России». При таком территориальном раскладе большевизм «останется достоянием Великороссии».

Понимание национальных приоритетов нацистами исключало уважение ими суверенных прав как народов, так и личности. Рожденный в многонациональной России, Деникин подчеркивал: нацисты «абсолютно отбрасывают» понятие «государства национальностей», признают своим идеалом только «национальное государство», считают, что «германизировать можно лишь землю, а не людей». «Что же станет с людьми?»³⁹ – задавал вопрос автор статьи, и не предполагая в 1934 году, что произойдет в гитлеровских концентрационных лагерях и на оккупированных Германией территориях.

«Восточная программа» нацистов, – делал вывод Деникин, – «может осуществляться лишь злейшим врагом России и русского народа». Вопрос о любом сотрудничестве с национал-социалистами Германии Деникин решал отрицательно. Но, если невозможно участие русских «на стороне вторгшихся» в Россию, а война неизбежна, находит ли Деникин выход из складывающейся ситуации? Ему кажется, что находит: «Только такое иностранное вмешательство и наше ему содействие приемлемо, когда с занятием первого клочка освобожденной русской земли... будет поднят русский флаг». И, разумеется, Деникин призывает к тому,

---

³⁷ Там же. С.429.

³⁸ Там же. С.439.

³⁹ Там же. С.440.

чтобы, «если вооруженный русский народ сочтет начало мобилизации и войны сигналом для восстания», – побороть все препятствия и преграды и «быть с народом»⁴⁰.

«Эмиграция может и должна вести борьбу, – подчеркивал Деникин, – в форме пропаганды, установления связи с внутрироссийскими национальными элементами, проникновения в советскую Россию для работы там»⁴¹. Как уже говорилось, русские генералы еще со времен чекистской операции «Трест», начало которой относится к 1922 году⁴², питали вброшенные им в форме легенды этой разработки надежды на наличие неких «живых сил» в Красной Армии, способных к сопротивлению тоталитарной власти. Не случайно в 1933 году в «Часовом» появляется рубрика «Письма Красного Командира из Советской России».

Другим важнейшим вопросом, решению которого уделяется много интеллектуальных сил, стал следующий: «Будет ли советская власть защищать русские рубежи?» Ответ на этот вопрос был категоричен: «Никогда!»⁴³ Не могли Деникин и русские военные эмигранты услышать родные для них слова о «единой и неделимой» России, произнесенные И.В.Сталиным в ноябре 1937 года. На обеде у К.Е.Ворошилова из его уст прозвучала хвала русским царям, которые «сделали **одно хорошее дело** – создали **огромное государство** – до Камчатки». «Мы, большевики, – продолжал Сталин, – сплотили и укрепили это государство, как единое неделимое государство, не в интересах помещиков и капиталистов, а на пользу трудящихся, всех народов, составляющих это государство»⁴⁴.

Но по мере завоевания Европы Гитлером менялось и настроение русской военной эмиграции. Тщательно отслеживалось положение в СССР. В январском номере 1938 г. по поводу репрессий в Красной Армии и уничтожения Сталиным «большинства способных военачальников», «учеников и соратников» М.Н.Тухачевского, сделаны грустные

---

⁴⁰ Там же. С.447.

⁴¹ Там же. С.451–452.

⁴² Операция «Трест» // Очерки истории российской внешней разведки. М.: Международные отношения, 1996. Т.2. 1917–1933 годы. С.111–129.

⁴³ А.И.Деникин. Международное положение. Россия и эмиграция. С.390.

⁴⁴ Текст выделен автором – Г.Димитровым – в его Дневнике (9 март – 6 февруари 1949). София. 1997. С.128. Цит. по: Наринский М.М. 1934-1939 // Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Европа. Решения «Особой папки». 1923-1939. М.: РОССПЭН, 2001. С.298.

выводы. «Раздираемая внутренними неурядицами русская эмиграция⁴⁵, – писал Орехов, – не способна стать той главной силой, которая свергнет сталинское иго, но облегчить и подготовить его свержение – в ее власти». Как хотелось им верить, что «большевики держатся только слабостью и разногласием иностранцев, время от времени льющих воду на мельницу СССР»!

Аншлюс Австрии 18 марта 1938 г. вызвал новый подъем в русской военной эмиграции. Одни активно включились в работу по созданию «широкого национального объединения», как начала «оздоровления нашей внутренней жизни, создания активного политического центра», который будет способствовать «русскому возрождению»⁴⁶. «Идея Национального Центра, поднятая нами еще шесть лет тому назад, начинает проникать в толщу эмиграции»⁴⁷, – радостно писал Орехов.

Другие заняли откровенно коллаборационистскую позицию. В марте 1938 г. маньчжурские власти назначили главу русской фашистской партии К.В.Родзаевского на должность начальника Бюро по делам российских эмигрантов в Манчжурской империи. Генерал А.В.Туркул, сторонник сотрудничества с нацизмом, провозгласил: «Наш идеал – фашистская монархия». В апреле 1938 г. французское правительство Л.Блюма («народный фронт») постановило выслать из пределов Франции «группу нежелательных лиц», в их числе – генерала Туркула, без объяснения причин⁴⁸. Группа русских офицеров во главе с генералом Туркулом была выслана в результате совместной операции советских чекистов и второго отдела французского генерального штаба.

---

⁴⁵ В следующем номере журнала В.В.Орехов так раскрывал это выражение: «похищение генерала Миллера, чудовищное предательство Скоблина, злодейское убийство в Софии Т.В.Солоневича и студента Михайлова, ...продолжающаяся в эмиграции волна клеветы, интриг, подсиживания, умело направляемая чекистскими резидентами» (Часовой. 1938. № 207).

⁴⁶ Часовой. 1938. № 210. С.2.

⁴⁷ Там же. № 204. С.3.

⁴⁸ 15 мая 1938 г. журнал «Часовой» разместил следующее сообщение: «Французское правительство высылает из Франции генералов Шатилова, Кусонского, Туркула, Кочкина, ротмистра Баранова, капитана Ларионова, журналиста Б.А.Суворина». Несмотря на то, что на некоторое время высылка была отсрочена, все офицеры были экстрадированы из Франции.

Особую роль в этой операции сыграл бывший российский военный атташе в Великобритании генерал-майор П.П.Дьяконов, сотрудничавший с советской разведкой. За участие в этой операции генерал Дьяконов получил от руководства французской разведки благодарственное письмо следующего содержания: «Ваша информация о русских, которые известны своими немецкими симпатиями, чрезвычайно ценна для Франции. Мы высоко оцениваем наше сотрудничество»⁴⁹.

В июне 1938 г. генерал А.П.Архангельский, который в марте того же года принял должность руководителя РОВС от генерала Ф.Ф.Абрамова, издал Распоряжение №23 о готовности русского воинства к продолжению службы Родине по прямому своему назначению, как офицеры. Начальники отделов РОВС должны были организовать «повторительные курсы по освежению воинских знаний», по усвоению «строевых уставов Красной Армии, а также тактики броневых войск и воздушного флота».

Было решено также проводить «занятия по ознакомлению чинов РОВ Союза с главнейшими явлениями военной, политической, экономической и социальной жизни как у нас на Родине, так и в главнейших иностранных государствах, в особенности тех, в которых наметились новые пути национального возрождения и социальных реформ»⁵⁰. В Распоряжении было подчеркнуто, что приказ П.Н.Врангеля №82 от 1923 г. о запрете участия русских военных в политических организациях сохраняет силу.

Наметились и другие пути, которые выбирала русская эмиграция в сложившейся международной ситуации. 15 июля 1938 года в журнале «Часовой» вышел первый номер приложения «Вера, Родина, Семья» под редакцией Е.В.Тарусского. Номер приложения открывала его публикация «Что такое русское Христианское Национальное движение?», в которой автор провозгласил, что «возрождение России возможно только при возвращении на русский традиционный христианский национальный путь»⁵¹.

---

⁴⁹ Два письма царского генерала // *Очерки истории российской внешней разведки. Т.2. С.156.*

⁵⁰ *Часовой. 1938. № 214. С.16.*

⁵¹ *Там же. № 216. С.19.*

В сентябре журнал сообщал о встрече в Белграде руководства РОВС⁵² с председателем Национально-Трудового Союза Нового Поколения В.М.Байдалаковым. На встрече руководство союзов пришло к решению о сотрудничестве. Деловые контакты в центре и на местах было решено установить при «соблюдении совершенной самостоятельности»⁵³. В следующем журнале был дан доброжелательный анонс новому изданию «Спутник русского христианина-националиста», изданному Русским Трудовым Христианским Движением (РТХД) в Женеве. Там же была помещена статья о деятельности Русского общественного комитета (РОК) в Польше, объединившего под единой программой все русские организации⁵⁴.

Мюнхенское соглашение о судьбе Чехословакии, достигнутое на конференции главами Великобритании, Германии, Италии и Франции 29 сентября 1938 г., завершило процесс поляризации русской эмиграции. «Большая русская газета» в Париже⁵⁵, – писал в статье «После грозы» С.Л.Войцеховский⁵⁶, – поспешила заверить, что в случае войны русские эмигранты «остались бы до конца верными Франции». В то же время русские лидеры в Берлине призвали эмигрантов «открыто заявить о своей готовности защитить великие идеи А.Гитлера, которые одни только могут принести русскому народу освобождение от иудейского ига»⁵⁷.

Это заявление «берлинских соотечественников» Орехов признал «не вполне удачным», но допустил мысль, что в рассматриваемой ситуации речь шла о войне, объявленной Гитлером коммунизму, а не о «всей совокупности» его идей. «Если политика международных темных сил свергнет мир в новое кровопролитие, – подчеркивал редактор, – русские люди за рубежом должны твердо знать свое место в борьбе: не участвовать в чужих спорах и столкновениях»⁵⁸.

⁵² Начальник РОВС генерал А.П.Архангельский, начальники отделов союза – генералы Ф.Ф.Абрамов, И.Г.Барбович и В.К.Витковский.

⁵³ Часовой. 1938. № 221. С.25.

⁵⁴ Там же. № 222–223. С.29, 30.

⁵⁵ Речь шла о газете «Возрождение», которую издавал российский нефтепромышленник А.О.Гукасов (Гукасянц).

⁵⁶ Писатель и общественный деятель русской эмиграции, секретарь правления Русского общественного комитета в Польше.

⁵⁷ Часовой. 1938. № 221. С. 3.

⁵⁸ Там же. С.3–4.

Последствия Мюнхенского сговора русская эмиграция увидела 1 октября 1938 г., когда Германия вступила в Чехословакию, а вслед за ней на путь агрессии встали Польша и Венгрия. Октябрьские номера «Часового» в 1938 году были посвящены решению главного для русских эмигрантов вопроса: о возможности для русских военных участвовать в агрессии в случае «вступления любых иностранных войск на российскую территорию».

Ответ на этот вопрос редактор дал однозначный: «Только подъем русского национального флага в первом же занятом русском городе дает эмигрантам право участвовать в борьбе с большевиками в рядах иностранных войск». Если этого не произойдет, если руководство этих войск не заявит о «независимости национальной России в пределах теперешнего СССР», никто из русских патриотов не имеет права «принять участие в войне в рядах этих войск»⁵⁹.

В конце 1938 – начале 1939 года все внимание Европы было приковано к боям в Испании. Силы республиканского фронта сходили на нет, а войска Франко, итальянские легионеры, немецкие танки и авиация успешно продвигались к победе: 26 января 1939 г. пала Барселона, 28 марта Франко вошел в Мадрид. В.В.Орехов принимал участие в боях в Испании на стороне Франко. В январском номере журнала в передовой статье он писал: «Если завтра начнется освобождение России даже по частям, но под флагом ее единства, немногие из нас уклонятся от чести сражаться на русской земле за ее свободу против самых жестоких врагов ее Отечества – большевиков». Движущей силой в случае похода против большевиков, – полагал он, – будет Германия⁶⁰.

20 февраля 1939 г. журнал «Часовой» опубликовал обращение Главы Российского Императорского Дома Великого князя Владимира Кирилловича, призывавшего к объединению эмиграции вокруг РОВС, который является «наибольшим ядром Русского Зарубежного Воинства»⁶¹. В июле 1939 года в РОВС был поставлен вопрос об объединении всех военных организаций с единым представительством русского воинства в разных странах.

1 сентября наступлением на польские земли Гитлер начал Вторую мировую войну. Редактор «Часового» обозначил месяц – сентябрь 1939

---

⁵⁹ Там же. № 222. С.3.

⁶⁰ Там же. 1939. № 227. С.20–21.

⁶¹ Там же. № 230. С.2.

года как «начало новой европейской войны». В том, что на конференции в Москве «Великобритания и Франция, старавшиеся убедить большевиков принять участие в «защите мира», «потерпели полную неудачу» вследствие неуступчивости Москвы, он был убежден. Он был убежден и в том, что Гитлер заключил с большевиками «торговый договор», расширявший их торговое сотрудничество⁶².

В статье постоянного автора из Польши Войцеховского в том же номере так было охарактеризовано состояние русской эмиграции: «Тут и "ориентации" на всевозможных иностранцев, и честолюбие "вождей" парижско-пошехонского масштаба, и темные влияния». Проблема России, подчеркивал он, в том, что если «другие народы строят свое национальное единство на расовой основе», то в России она неприменима: «ее провозглашение привело бы к расчленению Империи»⁶³.

Следующий номер журнала вышел 5 октября. Издателям журнала, как и всей русской военной эмиграции, требовалось время, чтобы прийти в себя и дать взвешенную оценку практическому воплощению в жизнь пакта Молотова–Риббентропа – походу Красной Армии на бывшие «восточные кресы» Польши.

«Польская кампания закончена, – констатировал В.В.Орехов, – с присоединением Западной Белоруссии, Волыни и Галиции СССР становится фактическим хозяином Прибалтики, контролирует Румынию и Балканы, нависает всей тяжестью на Венгрию и создает возможность влияния на словацкие и чешские области». Для главного редактора совершенно очевидно, что в европейской печати придают «слишком большое значение в военном отношении» «наступлению советской армии», перешедшей границу Польши 17 сентября. Это неверная оценка, – подчеркивал он, выражая мнение русской военной эмиграции, – поскольку к этому моменту «польская армия была уже разгромлена».

«Никогда еще СССР не одерживал такого крупного дипломатического и военного успеха», – писал Орехов⁶⁴.

Декабрьский номер «Часового» посвящен теме вторжения Красной Армии в Финляндию, которое было воспринято в европейском обществе как агрессия. «Генерал А.Ниссель, – замечал главный редактор, –

---

⁶² Там же. № 234. С.2–3.

⁶³ Часовой. 1939. № 243. С. 4.

⁶⁴ Там же. № 244. С.2–3.

вновь поднял вопрос о борьбе с коммунизмом и Третьим интернационалом⁶⁵. «Во французской печати, – сокрушался он, – полное непонимание России. Некоторые журналисты дошли до того, что политику Сталина сравнивают с политикой царей; слово "царь", "русская армия", "русский народ" сдабриваются всевозможными эпитетами в духе желтой прессы: "азиаты", "варварство" и прочее»⁶⁶.

16 декабря 1939 года, в период тяжелых боев на Карельском перешейке, фельдмаршал Г.Маннергейм получил от генерал-майора Туркула письмо с предложением о создании русских военных частей из пленных красноармейцев. Ответ Маннергейма был уклончив. Несколько позже, в ответ на докладную записку начальника 1-го отдела РОВС генерал-лейтенанта Витковского с приложением его «Плана короткого удара по Петрограду», Маннергейм ответил: «Я веду борьбу не с красными русскими, а с русскими вообще. В услугах белых русских не нуждаюсь и в свою армию их не пушу»⁶⁷. Позднее Маннергейм примет это предложение, однако эта первая акция по созданию коллаборационных русских отрядов в армии противника большого успеха иметь не будет.

15 апреля 1940 года в «Часовом» был опубликован Меморандум А.И.Деникина к главам английского и французского правительств. «Борьба против СССР, – подчеркивалось в документе, – может происходить в двух аспектах: или **против большевизма**⁶⁸, за освобождение и восстановление России, или против России, с целью ее балканизации и раздела». Борьба против России, с ее необъятными размерами и громадными людскими и материальными ресурсами, – замечал автор меморандума, – силами, «подорванными войной на западном фронте», потребовала бы больших жертв и «могла бы окончиться так, как кончались в прошлом все нашествия на Россию».

Крушение великой империи, какой является СССР, – полагал Деникин, – вызвало бы невероятный хаос во всем мире, поскольку «нежизненные, бессильные, "самостоятельные"⁶⁹ части ее стали бы игрищем

---

⁶⁵ Там же. № 246. С.7.

⁶⁶ Там же. 1940. № 247. С.12.

⁶⁷ Густав Маннергейм и белая эмиграция. История в письмах / Сост. Л.В.Власов, М.А.Власова. СПб.: Европейский Дом, 2008. С.155–156.

⁶⁸ Текст выделен автором Меморандума.

⁶⁹ Слово взято в кавычки А.И.Деникиным.

на бирже международной конкуренции». Неудовлетворенные и неумеренные аппетиты всех желающих приобщиться к разделу неизбежно вызовут «новую полосу бесконечных войн и революций, которые не ограничились бы только востоком Европы». «Но задушить Россию все равно невозможно», – завершал свой опыт моделирования потенциального развития ситуации Деникин⁷⁰. Мы с расстояния исторического прошлого можем только сожалеть, что те, кому был адресован этот документ, не придали ему должного внимания.

В 1940 году главный редактор журнала «Часовой» совершил поездку по европейским центрам русской эмиграции. В очерке «Путевые наброски. Брюссель–Белград», характеризуя настроения в сербском народе, который «до сих пор не оторвался духовно от России», он отметил, что «мысли сербов потянулись к России сегодняшнего дня. В ней стали искать и находить хорошие стороны. Одной из таких хороших сторон сербы считают «великодержавную политику Сталина, которого не в шутку начинают называть "батюшкой"»⁷¹.

Только спустя полгода смог выйти очередной номер журнала. В первом декабрьском номере 1940 года к французскому названию «La Sentinelle»⁷² добавилось параллельное название по-немецки: «Die Wache. Russische National-Zeitschrift»⁷³. «Франция побеждена, идет гигантская борьба не на жизнь, а на смерть, между Великобританией и двумя великими диктатурами», – так оценивал редактор международную ситуацию в Европе.

Несмотря на оккупацию Германией Франции и Бельгии, русский редактор заявил о «продолжении своей независимой РУССКОЙ линии». Но, поскольку «создается новый порядок, новые социальные взаимоотношения, новая система государственного бытия, – писал он, объясняя позицию журнала в новой политической обстановке, – мы должны соблюдать и с победителями, и с побежденными величайшую корректность».

Чем-то вроде глотка свежего воздуха стала для редактора журнала тема о «воссоединении отторженных русских областей с Родиной-матерью» в сентябре 1939 г. Это событие, которое в настоящее время

---

⁷⁰ *Часовой*. 1940. № 251. С.11–12.

⁷¹ *Часовой*. 1940. № 252. С.13.

⁷² «Часовой», франц.

⁷³ «Часовой. Русский национальный журнал», нем.

получает прямо противоположные оценки, русский эмигрант, главный редактор одного из самых читаемых журналов в эмиграции, журнала русского воинства, оценивал как знаковое. По его мнению, воссоединение исконно российских земель силами Красной Армии положительно «повлияло на дух русских людей, переживших долгие и мучительные времена национального движения, внутреннего террора, осквернения родных святынь и преступного равнодушия Европы к русским вопросам, без разрешения которых не будет европейского мира и мирового равновесия»⁷⁴.

С началом Второй мировой войны всякая организованная деятельность русской военной эмиграции прекратилась. Это отразила статья редактора, напечатанная 25 декабря 1940 г., в которой он писал, что белое движение в прежних формах закончено и восстановлению на чужой земле не подлежит. Международные обзоры, помещенные в журнале, представляют собой изложение событий с точки зрения Германии: Версальский договор объявлен несправедливым, Франция – зачинщицей «балканизации» Европы и ослабления военной мощи Германии. Авторы оперируют такими понятиями, как «иудо-масонское» правительство Франции, «ложнодемократическая система, оплетенная сетями международного масонства»⁷⁵.

В новом ракурсе подавалась внешняя политика СССР. В том же декабрьском номере 1940 года Орехов едва ли не с гордостью писал: «Надо также признать, что большевики оказались отличными провидцами и дипломатами», а европейские дипломаты оказались «философствующими волостными писарями». Советская власть, вновь подчеркивал редактор, за последний год присоединила «отторженные от России прибалтийские государства, русские губернии Польши, Бессарабию, мечту наших бывших славянофилов – Галицкую Русь, укрепила великодержавную политику на Дальнем Востоке, а главное, приобрела совершенно исключительный престиж в мировом масштабе»⁷⁶.

Да, Россия оказалась для эмигрантов злой мачехой, но у эмиграции, – подчеркивал редактор, – есть гораздо большая провинность перед Россией. «Она заключается в том, что мы продолжаем все эти 20 лет жить

---

⁷⁴ Часовой. 1940. № 253. С.1–3.

⁷⁵ Там же. № 245. С.2.

⁷⁶ Там же.

воспоминаниями о невозвратном прошлом и не имеем мужества признать, что для восстановления его все сроки прошли»; «мы верим, что память о белом движении будет жить и в России»; «мы потеряли ощущение родной земли». Вывод редактора вполне адекватен: «Белое движение в тех формах, которые ясны нашему пониманию, закончено, и его не восстановить на чужой земле в наших неприглядных и подчас совершенно нереальных эмигрантских условиях»⁷⁷.

11 января 1941 г. между Германией и СССР были подписаны новые соглашения. Торговый договор предусматривал значительное расширение товарного обмена: СССР отправлял в Германию сырье, нефть, зерно и продовольствие, Германия в СССР – машины и технику. Договор о границах устанавливал их с советской Литвой; третий договор предусматривал обмен населением (немцев из Прибалтийского края, русских и литовцев из Мемельского и Сувальского округов). Германская и советская пресса, – отмечал Орехов, – подчеркивает развитие добрососедских и дружественных отношений между обеими странами⁷⁸.

До мая 1941 г. журнал выходил в усеченном варианте, был наполнен обзорами о состоянии и вооружении Красной Армии. Орехов обращал внимание на восстановление прежних традиций в Красной Армии (обращение к опыту Александра Невского, Петра Великого, Суворова, Кутузова, Отечественной войны, реформ Александра II, восстановление старой формы, уничтожение института комиссаров, восстановление подобия кадетских корпусов в системе советского военного обучения и т.д.).

«Армия, – писал Орехов, – представляется нам **выздоровливающей**»⁷⁹, она «начинает обретать свои права и постепенно переходить на национальные пути». Престиж СССР представлялся редактору русского военного эмигрантского журнала «**пока**⁸⁰ совершенно исключительным». «Не является ли этот шаг (заключение соглашений с Германией. – Т.С.) советской власти несомненной уступкой настроению армии, постепенно становящейся "государством в государстве"?»

⁷⁷ Часовой. 1940. № 245. С.3.

⁷⁸ Часовой. 1941. № 256. С.3.

⁷⁹ Текст выделен главным редактором журнала «Часовой».

⁸⁰ То же.

– задавался вопросом редактор, робко выдавая желаемое за действительное⁸¹.

«Пора усвоить себе твердо, – продолжал он, – что спасение России может прийти только от самих русских», «значит, остается только одно: ВЕРИТЬ В РУССКИЙ НАРОД и в то, что медленно, но верно... этот народ, пока в лице своей армии, постепенно ликвидирует навязанный ему и чуждый ему коммунистический опыт»⁸².

С началом боевых действий на советской территории эмигранты правого крыла сочли Германию меньшим злом не столько потому, что поверили в объявленный Гитлером «крестовый поход» против коммунизма, сколько потому, что надеялись использовать шанс собственными усилиями превратить войну двух диктаторов в национально-освободительную борьбу российского народа. Победив врага внутреннего – большевизм в России, эмиграция вслед за этим надеялась победить и врага внешнего – нацизм. По словам Иоанна Шаховского, русские эмигранты в войне против СССР в первую очередь видели «кровавую операцию свержения Третьего Интернационала», которая по божьему велению «поручается искусному, опытному в науке своей германскому хирургу»⁸³.

Участие русских в антигитлеровском «Сопrotивлении» на территории Германии, а также Франции и других государств, с нравственной точки зрения подвижническое и оправданное, с политической точки зрения было редким исключением. В Германии за участие в антигитлеровской группе «Белая роза» был казнен член мюнхенского прихода Зарубежной Церкви А. Шморель⁸⁴, прославленный недавно как мученик в Германской епархии РПЦЗ. Невозможно пройти мимо таких значительных фигур русской эмиграции, как Елизавета Кузьмина-Караваева (мать Мария) и ее соратники, также прославленные в лике святых Константинопольским патриархатом⁸⁵.

---

⁸¹ Часовой. 1941. № 257. С.12.

⁸² Там же. С.13.

⁸³ Иоанн (Шаховской), архимандрит. Близок час // Новое слово. Берлин, 1941. 29 июня.

⁸⁴ См.: Вестник Германской епархии. Мюнхен. 1993. № 1.

⁸⁵ О Е.Ю. Кузьминой-Караваевой и ее творчестве существует значительная библиография (См.: Е.Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария). Библиографический указатель произведений и критической литературы / Отв. ред. И.П. Кузнецова, А.Н. Шустов. СПб.: ИКЦ «Русская эмиграция», 2002).

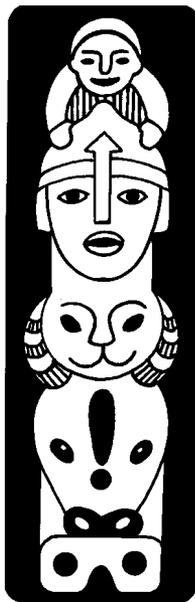
Коллаборационизм русской эмиграции навсегда лег темным пятном на ее прошлое. В своем интервью журналу «Посев» (1978) В.В.Орехов заявил: «...наши надежды на помощь Запада в 30-е годы исчезли. В это время появился Гитлер со своей антикоммунистической позицией. Могу утверждать, что в массе белых бойцов и офицеров полного доверия к нему не было. И все же никто не мог тогда, до Второй мировой войны, представить себе все его безумие... Хотя некоторая часть людей сочла своим долгом отправиться на фронт в качестве переводчиков (речь шла о Русском корпусе, созданном в Югославии. – Т.С.), а потом поддержала движение генерала Власова, все же нужно признать, что у большинства из них тактика национал-социалистов вызывала самое резкое осуждение».

Иметь мнение о чем-то – значит выработать какое-то понятие о нем, а для меня это связано еще и с личной позицией. Чем бы ни были вызваны мои мысли, я обязательно должен удостовериться, какая из них меня убеждает, какая действительно моя.

Хосе Ортега-и-Гассет

Не беда, если мы преувеличим
нашу слабость; лучше отрезвление,
чем самопрославление.

Эдвард Сепир

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ (ДИСКУССИЯ)

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

Опубликованная в первом номере журнала «Россия XXI» за 2009 год статья Ю.Шеррер «"Серебряный век" в двойной перспективе памяти: На примере учебников культурологии и цивилизации»¹ вызвала у читателей немало откликов. Впрочем, дискуссия, инициированная невольно на страницах нашего издания, далеко не у всех получает однозначную оценку. Некоторые исследователи русской культуры не видят в концепции Шеррер новизны и актуальности, считают все сказанное ею малоинтересным опытом запоздалой рефлексии. Мы позволили себе усомниться в этом тезисе. Статья Шеррер затрагивает, на наш взгляд, само существо сложившейся в нашей стране гуманитарно-философской ситуации. После затянувшегося идейного кризиса отечественная гуманитаристика незаметно вышла на новый виток своего развития. У нас крайне мало спорят о смысле гуманитарного знания. Велика и потребность понять, в чем же заключается специфика российской культурологии. В дискуссии вокруг статьи Ю.Шеррер принимают участие как сторонники, так и противники ее взглядов. Заключительная статья принадлежит исследователю, который выступил в роли третейского судьи и попытался корректно и последовательно разобраться в природе эмоциональной и чрезвычайно острой полемики. Мы убеждены в том, что такая «разведка боем» бывает полезна. Из споров далеко не всегда рождается истина, но споры иногда помогают увидеть за деревьями старого позитивизма лес нового знания, за которым, возможно, скрываются горизонты дальнейшего развития. Полемика всегда лучше застоя. В спорах рождается заинтересованность предметом исследования. Об остальном пусть судят читатели.

От редакции

---

¹ См. электронную версию статьи на сайте журнала.

Игорь Кондаков

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК КАК «ПРИТЧА ВО ЯЗЫЦЕХ»

УДК
304.4

In polemics with J. Sherrer I.V. Kondakov notes that Sherrer has offered a prejudiced interpretation of the present day Russia's cultural development. The picture of scientific and social life in Russia painted by Sherrer is far away of the reality. The Russian culturology is not a single flow phenomenon and the Russian academic community is split in their outlook and in conceptual terms.

Ключевые слова: культурология; русский Ренессанс; антизападничество; постсоветский человек.

E-mail: ikond@mail.ru

«Культурология» как феномен российской культуры

У культурологии как науки «постмодернистского» типа много противников и в России. Одни полагают ее «лженаукой», подобно тому, как в годы позднего сталинизма обзывали генетику, кибернетику, семиотику и другие новообразования в научной сфере; другие усматривают в ней своего рода «суррогат» традиционных гуманитарных наук – филологии, истории, искусствоведения, философии, социологии, – подменяющий конкретику традиционного гуманитарного знания неправомерными обобщениями; третьи полагают культурологию своеобразным «эвфемизмом» для обозначения тех привычных дисциплин – литературоведения, истории, лингвистики, искусствознания и т. п., которые регулярно используют при исследовании явлений культуры нетрадиционные методы – структурализм и постструктурализм, семиотику, концептуализм, гендерный и др. подходы. Одним словом, против культурологии как науки объединились все консерваторы и тра-

диционалисты отечественной гуманитаристики (вместе со скептиками-естественниками, увидевшими в культурологии симптоматичный кризис гуманитарных наук в целом).

Пожалуй, еще больше претензий к культурологии у наших зарубежных коллег, не сталкивавшихся в своей научной и педагогической практике с какими-либо аналогами подобной науки. Ни культурная (социальная) антропология, ни *cultural studies*, ни философия или социология культуры на Западе не «перекрывают» объема понятия «культурология» в ее российском понимании. Ведь предметом российской науки о культуре является практически «всё»: наука и религия, искусство и повседневность, философские суждения и обыденные поступки, мода и мораль, языковые концепты и менталитет... По существу, в последнее десятилетие XX века в России появилось, казалось бы, исторически невозможное явление – новый «культурный синкрезис», свойственный, казалось бы, лишь первобытному обществу (например, в форме архаической мифологии, бывшей для Древнего мира одновременно философией, религией, наукой, искусством, историей, моралью, бытом, психологией и т.п.). Таким же универсальным и «всеядным» феноменом культуры стала в России рубежа XX–XXI вв. культурология, бывшая одновременно и артефактом, и рефлексией культуры.

Одним из наиболее последовательных борцов с российской культурологией заявила себя в западноевропейской науке Ютта Шеррер. Во времена блаженной памяти Фонда Сороса мне доводилось неоднократно с ней общаться, в том числе и в РГГУ, обсуждая различные животрепещущие темы, в частности, перспективы постсоветской трансформации высшего образования и науки. Но, признаться, я не припомню, чтобы в то время (середина – конец 90-х годов) нами дискутировался статус культурологии как науки или обсуждалась феноменология Серебряного века...

Профессор Ютта Шеррер известна на Западе и в России как авторитетный исследователь русской культуры конца XIX – начала XX в., знаток идейно-философских и религиозных исканий русской интеллигенции этого времени, специалист по Серебряному веку. Она является одним из авторов фундаментального многотомного труда западных славистов – «История русской литературы» под редакцией Ефима Эткинды, Жоржа Нива, Ильи Сермана и Витторио Страда, в частности, тома «Двадцатое столетие. Серебряный век», успешно переведенного на русский язык (М., 1995).

Последнее время, под впечатлением от изданных в 90-е годы, часто при поддержке Фонда Сороса в России, различных учебников и учебных пособий по гуманитарным предметам, Ю.Шеррер активно занялась изучением феномена «культурологии», возникшего в постсоветской России. Ей, как историку, показалось (и, я думаю, не случайно), что именно в этом, странном, с западной точки зрения, феномене – новой науки о культуре – заложено нечто показательное и закономерное для постсоветского периода развития российской истории. Во всяком случае, не один только возросший интерес российского населения к культуре в ее разнообразных проявлениях, а также к ее теории и истории.

Несмотря на свое «снайперское» попадание в самое чувствительное звено культурного развития современной России, Ю.Шеррер, вольно или невольно, интерпретировала его в свете наиболее устойчивых западных стереотипов России и потому дала ему, на мой взгляд, тенденциозное толкование, прямо озадачивающее своей прямолинейностью, которой никак не ожидаешь от исследователя такого уровня. И это при том, что в публикациях Ютты Шеррер на тему современной российской культурологии как на Западе, так и в России много увлекательных сюжетов, острых и метких наблюдений, язвительных комментариев и справедливых оценок. Однако в целом рисуемая ею картина научной и общественной жизни в России чрезвычайно далека от действительности, полна натяжек, передержек, идеологического схематизма и скорее соответствует шаржированным западным отображениям российской реальности, нежели внутреннему самосознанию отечественной науки.

Поскольку и в специальной монографии на эту тему, изданной в Германии по-немецки¹, и в отдельной статье на русском, своего рода дайджесте изданной ранее книги², и в настоящей статье, посвященной Серебряному веку, Ю.Шеррер неоднократно ссылается на меня, в частности, на мою книгу «Введение в историю русской культуры» (М.: Аспект Пресс, 1997), я чувствую необходимость прояснить свою позицию по дискутируемым вопросам, по-моему, трактуемую совершенно превратно, и уточнить место культурологии в современной российской культуре и общественной жизни, столь бесцеремонно перетолкованное

---

¹ Scherrer J. *Kulturologie. Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2003.

² Шеррер Ю. *Культурология и учебники по культурологии в России глазами западного историка // Вестник Института Кеннана в России. М., 2004. Вып. 6.*

западноевропейскими коллегами. Ю.Шеррер в своих взглядах на происходящее в современной России отнюдь не одинока. Например, Ю.Шеррер часто ссылается на французского историка Марлена Ларюэля, который в одной из своих статей охарактеризовал культурологию как своего рода новую «*grêr-à-penser*» (массовую идеологию) для России³.

Мне уже доводилось вступать в полемику с Ю.Шеррер и ее единомышленниками по поводу некоторых спорных, а по-моему, просто неверных, утверждений относительно социально-политического и идеологического статуса современной российской культурологии⁴. Для того, чтобы далее не возвращаться к одним и тем же положениям, бесконечно муссируемым Ю.Шеррер, я вынужден немного повториться, кратко изложив кое-что из сказанного мною ранее – в ответ западным критикам культурологического знания и культурологии как науки особого рода, тем более, что я не уверен, известен ли Ю.Шеррер мой предыдущий опыт полемики с нею.

«Культурология» как идеологический жупел

В интерпретации Шеррер и ее коллег российская культурология выглядит как одиозная государственная идеология, манипулирующая, главным образом, «русской идеей» и характеризующаяся воинствующим изоляционализмом, национализмом, антиевропеизмом и антизападничеством, по сути своей антиглобалистская и фундаменталистская (с опорой на русский православный консерватизм и почвенничество), с тенденцией к ксенофобии, неполиткорректная, эклектичная, внеучная и т. п. Что и говорить, получился монстр, еще почище, чем пресловутый советский марксизм-ленинизм, да еще и характеризуемый явным откатом к Данилевскому, Леонтьеву, Победоносцеву и Шпенглеру! Вопрос заключается в том, является ли этот «монстр», действительно, следствием социокультурных метаморфоз постсоветской России, характерен ли он вообще для российской общественно-философской и социокультур-

---

³ Laruelle M. *La culturologie : un nouveau «prêt-à-penser» pour la Russie* // *Diogène*. №204. Déc. 2003.

⁴ См. подробнее: Кондаков И.В. *Культурология как новый тип гуманитарного знания // Традиционное и нетрадиционное в культуре России / Отв. ред. И.В.Кондаков. М.: Наука, 2008 (раздел: Культурология в России и цивилизационная идентичность). С.597–603.*

ной мысли или это плод воображения тех, кто обсуждает Россию и пути ее возможного будущего развития с заведомо предубежденной точки зрения.

Спору нет, в наблюдениях «западных историков», к которым себя относит Ю.Шеррер, есть что-то симптоматичное и заслуживающее внимания. Но, *во-первых*, зачем же «окрещать» всем скопом российских культурологов в фундаменталистскую (и любую иную) веру, «огольно» (как любили говорить в советское время) приписывать всем национализм и православную ангажированность? Среди отечественных культурологов есть представители различных идеологических и конфессиональных пристрастий, в том числе и исламских (сошлюсь, к примеру, на казанского культуролога Р.Г.Нугманова), и буддийских, и традиционно советских, т. е. собственно марксистских и научно-атеистических. Да и вообще, культурология и культурологи в России если и представляют собой *сплоченное единство*, то разве что на взгляд из «чуждого далека»; на самом же деле, и конфронтации, и распри, и враждующие группировки, и взаимная полемика на разные темы – все это слишком характерно для российской культурологической среды.

Российская культурология отнюдь не «единопоточна» (как, впрочем, и современная российская философия, историография, филология и т.д.), а российское научное сообщество, как и следовало ожидать, мировоззренчески расколото и концептуально дифференцировано. Между тем Ю.Шеррер все время припечатывает: «культурология предлагает», «отражает»; «культурологи создают миф», «реконструируют», «готовы согласиться», «согласны видеть», «не занимаются», «не знают»; «все учебники культурологии дают ответы»; «культурология и цивилизационное направление открыли» и т. п., как будто культурология в современной России наступает на остальную гуманитаристику и общественное сознание в целом «единым фронтом», как бы выполняя некое «партийно-правительственное задание».

Между тем такое предположение, даже иронически трактуемое, смехотворно: если уж говорить о неких руководящих инструкциях сверху, подспудно возникающих с 2000 года то в недрах ВАК, то в анналах Министерства образования и науки, то в Президиуме Российской Академии наук, – так это, скорее, различные поползновения «закрывать» культурологию под тем или иным предлогом: например, дифференцировав культурологическую тематику по «традиционным» направлениям – истории, филологии, философии, искусствоведения, социологии –

или, напротив, сосредоточив ее в рамках какой-то одной научной дисциплины, например, истории или философии. Особенно большое «рвение» в этом отношении, насколько мне известно, проявляют специалисты в области технических и естественных наук, подозревающие, что расширение области гуманитарных исследований происходит за счет сужения традиционных направлений точного, позитивного знания, а это, видимо, свидетельствует о прогрессирующем росте «дилетантизма» и спекулятивных построений в сфере гуманитарного знания.

Во-вторых, попытка Ю.Шеррер реконструировать из культурологии некий «социальный заказ» государства по созданию «новой цивилизационной идентичности» для России так же несостоятельна. С одной стороны, несомненно, что интерес к культуре вообще и к отдельным культурам в частности, к проблемам теории и истории культуры, философии культуры реализовался стихийно еще в позднесоветский период (конец 70-х – начало 80-х гг.), когда появились первые серьезные труды по теории и философии культуры (в Москве, Ленинграде, Тарту, Новосибирске, Свердловске, Киеве, Минске, Тбилиси, Ереване и др. культурных центрах). Затем, в годы «перестройки и гласности», этот интерес не только профессионализировался, но и стремительно усилился, достигнув апогея в постсоветский период. Основной причиной такого научного интереса являлось прежде всего разочарование в возможностях формационного подхода при осмыслении культурно-исторических явлений, а также постепенное проникновение в практику анализа явлений культуры, прежде неизвестных и даже запрещенных в СССР, системно-структурного, в том числе структуралистского, историко-типологического, историко-функционального, семиотического, рецептивного, информационно-кибернетического и др. подходов, существенно расширивших представления о междисциплинарности гуманитарных исследований, в том числе литературы, искусства, мифологии, ритуала, бытового поведения и т.п.

Рождение культурологии связано как раз с деидеологизацией и деполитизацией, с отталкиванием от жесткой и предельно формализованной позднесоветской идеологии, уже не воспринимавшейся всерьез не только «простыми советскими тружениками», но и самими партийными функционерами, относившимися к своей идеологии с циничным равнодушием и скрытой насмешкой. Думаю, что навскидку все понимают, даже в глубине души и сама Ю.Шеррер, что как «метанаука» культурология в идеологическом и политическом смысле гораздо «слабее», не-

жели «марксизм-ленинизм», а в смысловом отношении – более размыта и разнопланова, поскольку не сфокусирована на вопросах удержания и укрепления власти, как исторический материализм, научный коммунизм, история КПСС и политэкономия. Произошедшая смена общественных дисциплин жестко политизированных на «мягко деидеологизированные» объясняется не столько идеологической преемственностью, сколько идеологическим «отступлением» (от готовых политических матриц государственного образца в сферу культурного досуга и нравственно-эстетических интересов, принадлежащих, скорее, сфере частной жизни индивидов, системе ценностных ориентаций личности). Манифестация культурологии как новой общественно-гуманитарной дисциплины, по-моему, свидетельствует как раз о том, что российское государство и господствующая в нем политическая власть, вольно или невольно, уступила прежде, в советское время, контролируемую ею территорию гражданскому обществу и деятелям культуры.

Цель произошедшего пересмотра системы гуманитарного знания, по убеждению Ю.Шеррер, – способствовать «созданию» нового посткоммунистического человека, или «человека культуры», по выражению культурологов. Увы, постсоветского человека менее всего можно считать «человеком культуры»; более того, есть ощущение, что «простой советский человек», со всей его идеологической «зашоренностью» и политической задавленностью, был в большей степени «человеком культуры», нежели постсоветский: больше, в среднем, читал, больше бывал в театре и кино, на концертах и выставках. Постсоветский человек, вкусив незрелых плодов «общества потребления», стал в наибольшей степени *потребителем*, в том числе и продуктов культуры, но «человеком культуры», так или иначе причастным к ее созданию, творчеству, вовсе не стал, даже, скорее, отстранился от участия в культуротворческих процессах.

Что же касается любимого занятия советского государства – формирования пресловутого «нового человека», – занятия, будто бы усвоенного постсоветской властью, то, я думаю, никакого «нового» человека современному российскому государству и не нужно; его вполне бы устроил и прежний советский обыватель, безынициативный, послушный, доверчивый, неизменно поддерживающий все начинания «сверху». Культура, пожалуй, способна, напротив, привить гражданам критический, неконформистский взгляд на вещи, индивидуальный и творческий подход к решению проблем, сформировать нестандартное и дале-

кое от догматизма и профанности мышление, а культурология как знание о культуре даже может усилить и закрепить эти дестабилизирующие тенденции.

К тому же у постсоветского государства есть гораздо более эффективные и мощные средства манипулирования сознанием масс, нежели насаждение культурологии (телевидение, газеты, Интернет, парламентские слушания, партийная система «единороссов» и их приложений, организованные митинги «нашистов», ЕГЭ, запрограммированные на конечный результат суды, экономические рычаги современных российских администраций, подчас даже прямое рейдерство и т.п.). Более того, я думаю, наши западные коллеги сильно льстят современной российской власти, предполагая, что она владеет культурологическим знанием и соответствующим языком для общения с массами и даже знает, прости Господи, что такое «культурология». Увы! если бы это было действительно так, страна, управляемая «людьми культуры» и управляющая другими «людьми культуры», была бы действительно культурной и даже культурологической державой и в ней, например, памятники культуры охранялись бы и реставрировались, а не сносились, с тем чтобы затем заменить их грубыми «новоделами» или новыми «шедеврами» городского строительства, сдаваемыми под офисы и банки. А вопросы культуры, ее развития и распространения в нашей стране (в том числе касающиеся библиотек, музеев, театров, киноиндустрии, концертной деятельности), как и прежде, не решались бы и не финансировались бы «по остаточному принципу», т.е. в последнюю очередь, если бы до этого вообще доходило дело. Что же касается современной российской власти, то ее «харизма» держится отнюдь не на *культуре* и *культурности*, а совсем, совсем на иных атрибутах влияния.

В-третьих, постсоветская и посткоммунистическая идентичность новой России, по Шеррер, представляет собой своеобразный «клон» советской идентичности (тогда, кстати, непонятно, зачем все же понадобилась перспектива «посткоммунистического» человека?). Именно поэтому «новая российская идентичность», по мнению западного ученого, может быть представлена «посредством простого переворачивания марксистско-ленинской парадигмы, остававшейся в силе вплоть до конца социалистического режима: если тогда производственные отношения определяли историю и бытие, то отныне эта функция закреплена за культурой и цивилизацией». Ничего себе «простое переворачивание»! Но даже если бы культурология, действительно, была лишь «пе-

реворачиванием с ног на голову» марксизма-ленинизма (как в свое время трактовалась марксистская материалистическая диалектика по отношению к идеалистической диалектике Гегеля), то тогда она должна была интерпретироваться через «отталкивание» от советской парадигмы, через «противопоставление» ей, а не через «сходство» с ней.

«Упрощенную попытку смены парадигмы в гуманитарных науках» Ю.Шеррер объясняет как механическую инверсию: «экономическая закономерность была заменена закономерностью культурной, материальная структура – структурой духовной»; «культурный или цивилизационный детерминизм заменил прежний экономический детерминизм, и именно культурология должна теперь объяснять историю, став новой философией истории». Убийственная ирония Ю.Шеррер мало кем будет оценена по достоинству: мы помним, как великий Макс Вебер, основоположник культурно-цивилизационного детерминизма, оспорил Марксов экономический детерминизм, убедительно доказав, что протестантская этика (феномен культуры, религиозного сознания) является главной причиной становления и развития капитализма в странах, переживших Реформацию. Впрочем, красноречивая победа «понимающей социологии» М.Вебера над политэкономическим детерминизмом не менее великого К.Маркса вовсе не поколебала исторического значения марксизма и даже не «перевернула» его историческую концепцию; не остановила она и роста популярности марксизма в XX веке – во всем мире, включая Россию. Однако сегодня невозможно не учитывать веберовскую логику социокультурного анализа – наряду с Марксовым (политико-экономическим).

Далее, цивилизационный анализ отнюдь не исключает формационный. Цивилизационный подход к изучению, например, российской и западноевропейской, американской и китайской цивилизаций подчеркивает их типологические различия, а внутри каждой из них – культурно-историческую преемственность. Так, например, Н.А.Бердяев сумел показать, что *истоки* русского коммунизма восходят к концепции «Москвы – третьего Рима», а *смысл* заключается в модификации русской мессианской идеи, одновременно религиозной и национальной. Это означает, что советский тоталитаризм является отнюдь не трансформацией западноевропейского утопического социализма и его продолжения в марксизме, а модификацией триады «Православие – Самодержавие – Народность» в новом историческом и социальном контексте в качестве новой триады «Коммунистическая идейность – Партийность – Народ-

ность»⁵. Разумеется, и постсоветские трансформации этого семантического комплекса обретают сходные смысловые параметры. Однако при рассмотрении социокультурной динамики той или иной цивилизации возможно приложение и традиционного для марксизма формационного подхода: шутка Бердяева о превращении Третьего Рима в Третий Интернационал может быть объяснена отличиями феодально-средневековой и буржуазно-капиталистической формаций, сменяющих друг друга в историческом процессе.

В-четвертых, «начавшаяся институционализация культурологии, – продолжает иронизировать Ю.Шеррер, – обеспечила сотням, если не тысячам, преподавателей марксизма-ленинизма новый смысл существования». В самом деле, мы знаем, не хуже, чем Ю.Шеррер, что многие вузовские кафедры общественных наук, особенно в провинции, после августа 1991 года стали стремительно переименовываться: например, кафедры диамата стали кафедрами философии, истмата – социологии, политэкономии – экономики, истории КПСС – новейшей истории России. Что же в этом плохого? Ничто не стоит на месте. Меняется содержание образования вместе с возникновением новых реалий и тенденций в социуме. Многие специалисты оказались на месте и на новом поприще; кое-кто и на старом месте не вполне сочувствовал идеологии, которую должен был пропагандировать (я сам знал много таких людей); те, кто хотел и сумел перестроиться на «новый лад», быстро вписались в постсоветскую реальность; те же, кто был не способен к изменениям, «выпали в осадок». Во что же было преобразаться кафедрам научного коммунизма, как не в кафедры культурологии? Правда, с той существенной разницей, что смысловое наполнение преподаваемых на кафедре предметов весьма радикально изменялось: вместо схоластических подробностей утопического построения коммунизма в одной отдельно взятой стране и во всем мире – с опорой на труды классиков марксизма и ключевые документы партии – преподаватели и студенты должны были изучать в теоретическом и историческом ключе различные культуры и цивилизации, существовавшие и существующие в мировой истории, начиная с Древнего Египта и кончая буржуазной массовой культурой, заполонившей к концу XX века «цивилизованный» и не очень

---

⁵ См. *Историко-семиотический анализ трансформаций этой триады у Б.А.Успенского: Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Его же. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С.404–406.*

мир, а также тексты этих культур и теоретические концепции по этому поводу.

А если тот или иной новый курс назывался «Мировая художественная культура» или «Мировая культура и искусство», то новым предметом учебного процесса (например, в технических вузах!) закономерно становились эстетика, а также теория и история искусства. Волей-неволей художественную культуру пришлось освоить даже тем, кто дальше политики в своих рассуждениях никогда не уходил. Ей-богу, это было полезно освоить даже самым закоренелым пропагандистам марксизма-ленинизма, а уж научиться анализировать и осмыслять культуры и цивилизации – от древности до современности, понимать закономерности их исторического становления, развития, функционирования и гибели было и тем более важно как для философов, так и для историков, и для социологов, психологов, филологов, искусствоведов, политологов. В конечном счете такое знание вело к пониманию и того, почему социализм (в России и во всем мире) имеет не только свое начало, но и неизбежный конец, что после социализма может вновь наступить капитализм (но уже неклассический), а после соцреализма в литературе и искусстве – соцарт, т.е. постмодернизм.

Вряд ли даже сама Ютта Шеррер стала бы отрицать позитивный характер произошедших в высшем образовании перемен. Как бы плохо ни преподавалась всеобщая история искусств и история мировой культуры, гуманитарный багаж студентов в любом случае расширился, а понимание истории углубилось, по сравнению с Марксовой утопией в кондово-советском, схематичном и схоластическом ее изложении (с плохо скрытыми оттенками сталинизма). Как мы знаем, современная пропаганда неосталинизма и оправдание сталинизма развиваются в постсоветском обществе отнюдь не через культурологию (с точки зрения истории культуры, ограниченность и обреченность тоталитаризма очевидны и могут быть теоретически доказаны), а через, например, «эффективный менеджмент» или политическую необходимость, обусловленную исторически. Наконец, трудно возразить и такому соображению: знание теории и истории мировых культур в любом случае содержательнее и богаче самой детализированной марксистской схемы построения социализма в различных странах, а это значит, что закономерное или случайное овладение вчерашними историками КПСС или теоретиками научного коммунизма культурологическими познаниями не останется бесплодным как для самих преподавателей, так и для их студентов.

Впрочем, наиболее профессионально сильные культурологи родились отнюдь не в результате своего приспособления к концепциям, скажем, «не вполне марксистским» и совсем не экономическим или политическим, а в результате углубленного теоретического и исторического исследования отдельных культур и глобального всеединства мировой культуры. Хотя и чисто конъюнктурное политическое приспособленчество, тем более если оно имело в постсоветской России массовый характер, было в определенном отношении продуктивным в истории постсоветской культуры, что и привело к радикальной смене культурно-исторической парадигмы – с политической на историко-культурную.

Кстати, если обсуждать изменение содержания обучения за последние 1,5–2 десятилетия всерьез, то следует отметить и известный ущерб, понесенный гуманитарным образованием в ходе произошедших метаморфоз. Уже сегодня ощущается органическое незнание современными студентами-гуманитариями советских социокультурных реалий, советской политической и культурной истории, советской политической идеологии, марксовской и ленинской философии и т. п. важнейших составляющих отечественной культуры XX века. Современное изучение марксистской философии как историко-философской периферии Европы XIX и XX вв., притом крайне конспективное и поверхностное, привело к тому, что философское и политическое мировоззрение гуманитариев сегодня страдает исключительными бессистемностью, эклектизмом, размытостью. Как любил говорить Ленин, имея в виду противоречивость исторического процесса: «Шаг вперед, – два шага назад».

Обязательная в советское время апология марксизма как своего рода политической «метанауки», неизбежно оставлявшая «за бортом» высшего образования большинство философских направлений, течений и школ, имена мыслителей и деятелей культуры, названия и время написания их произведений, тем не менее обеспечивала строгую системность мышления и воссоздаваемой картины мира, которая сама по себе является большим культурно-историческим достижением, заслуживающим отдельного социокультурного анализа. Что же касается культурологии, то эта междисциплинарная область знания принципиально мозаична и идейно «беспринципна», поскольку соединяет в одном формате науку и религию, искусство и философию, историю и повседневность.

Зато отказ от марксистского формационного анализа, заставлявшего анализировать любое историческое явление (в том числе и явления культуры) с позиций незыблемой схемы: первобытное общество – рабовладельческое общество – феодализм – капитализм – социализм – и страдавшего от вульгаризации социокультурных и политических процессов, привел уже позднесоветских исследователей, не говоря уже о постсоветских, к замене его цивилизационным подходом, расширившим горизонты осмысления истории общества и культуры – применительно к типологически различным их разновидностям.

«Серебряный век» как «вымысел и умысел» XXI века

Многое из того, с чем мне довелось выше полемизировать, было сформулировано Ю.Шеррер еще 6–7 лет назад и за истекшее время не подверглось, со стороны автора, никаким существенным изменениям. Единственное «ноу-хау», появившееся на вооружении критика российской культурологии в последнее время, – это многочисленные аллюзии с «Серебряным веком» – любимым «коньком» Ю.Шеррер. Культурология, в новом авторском освещении, предстала как неправомерно расширенная рефлексия культуры России рубежа XIX–XXвв., экстраполированная культурологами на текущую современность.

Смысл «новой» концепции Ю.Шеррер (хотя собственно нового в ней ничего и нет) заключается в следующем. Ухватившись за вырвавшуюся ненароком у профессора Т.Ф.Кузнецовой, зав. кафедрой культурологии МПГУ, мечтательную фразу: «Если бы Россия вернулась к системе ценностей предреволюционной эпохи и взяла бы их за основу национальной идеи, культурология, несомненно, стала бы общественной дисциплиной самого первого плана», Ю.Шеррер, как западный историк, восприняла ее буквально. Вообразив, что титул *председателя Научно-методического совета при Министерстве образования и науки* (так правильно именуется общественная должность Т.Ф.Кузнецовой) означает высшее руководящее звено в чиновной иерархии министерства («президент научного и методического совета» при самом Фурсенко!), она решила, что нашла ключ к тайне постсоветской культурной политики: повернуть постсоветскую Россию к ценностям Серебряного века, извлечь из недр дореволюционной эпохи пресловутую «Русскую идею», вооружить ею культурологию как новейшую общественную науку и тем самым вывести ее на первый план в качестве популистской идеологии

государственного масштаба, а в качестве «прикладной культурологии» превратить в «государственную культурную политику». Ютте Шеррер было, конечно, невдомек, что «голубая мечта» Т.Ф.Кузнецовой содержала в себе горькую иронию. Уж кто-кто, а она прекрасно понимает, что современная Россия не может ни вернуться к «системе ценностей предреволюционной эпохи», ни взять их «за основу национальной идеи», а потому и превращение культурологии в «общественную дисциплину первого плана» ни теоретически, ни практически невозможно. «Если бы» – всего лишь сослагательное наклонение для постсоветской России.

Между тем Ютта Шеррер, напротив, поняла, что Т.Кузнецова, проговорившись, выдала планы руководства по «культурологизации» не только высшего и среднего образования в России, но и всей страны, должествующей, по плану президентов Ельцина и Путина, в конце концов, превратиться в какой-то «придаток» Серебряного века.

Вот отсюда все и пошло в «новой критике» российской культурологии. Оказывается, пресловутая «культурология» и «цивилизационное направление» заполняют собой образовавшуюся после крушения советской власти «эмоциональную и нравственную пустоту», заменяют «утраченные общественные нормы и идеалы» и тем самым служат «основанием для развития посткоммунистического общества и национального государства». Культурология, в интерпретации Ю.Шеррер, теперь предстает как отчаянная попытка «реапроприации нового восприятия норм и ценностей превозносимого и даже мифологизированного прошлого – предреволюционной России». «Культурология» и «цивилизационное направление», согласно концепции Шеррер, будто бы «открыли» «Серебряный век» как «сокровищницу идей» для «ответов на вопросы» о «кризисе» нынешней эпохи и тем самым определили «культурологический смысл для существования постсоветской России».

Ну, слава Богу! Оказывается, все же «культурологический смысл» постсоветской России не исчерпывается одним «марксизмом-ленинизмом» в культурологическом освещении, но еще представлен и Серебряным веком, что, скажем прямо, не так уж и мало. После такого неожиданного открытия, как мне кажется, даже сама Ю.Шеррер за нас порадовалась: ценой создания «культурологии» стало открытие бывшими советскими людьми прежде запретного «Серебряного века»!

В свете якобы культурологического понимания постсоветской современности, как «Серебряного века сегодня», советский период пред-

стает, по Шеррер, как своего рода «отступление» от логики культурно-исторического развития России, как «период, взятый в скобки», а «культурное развитие постсоветской эпохи» будто бы начинается именно там, где русская культура «Серебряного века» была «жестoko остановлена в своем развитии большевистским государственным переворотом». Ю.Шеррер почему-то полагает, что российские культурологи придерживаются мнения, что «в 1917 году русская культура перестала существовать (за исключением прямого продолжения в эмиграции), а советская эпоха и вовсе не имела культуры». При этом западный историк отмечает такие aberrации зрения российских культурологов, как «чрезмерная идеализация данного периода», «сведение его культурной ценности лишь к духовности» (понимаемой сугубо как религиозность), а духовной культуры – к ценностно-смысловой общности, существующей вне «какой бы то ни было связи с обществом». Откуда только берутся столь пикантные сведения о культурологии и «Серебряном веке», о «советской эпохе» и «постсоветской действительности»! Вот уж поистине «Серебряный век как умысел и вымысел», – так назвал свою книгу (но совсем по иным причинам) Омри Ронен⁶.

Ю.Шеррер утверждает, что мифическая фигура «Серебряного века» родилась в «ностальгической памяти русской эмиграции». Именно эмиграция будто бы сравнивала свое утраченное прошлое с «Золотым веком» поэзии пушкинской поры. Из этого делается вывод: в своей репрезентации постсоветские культурологи «создают миф на основе другого мифа»: «Серебряный век» воспринимается ими «через призму, сквозь которую русская эмиграция взирала на собственное дореволюционное прошлое». Как будто где-то в истории культуры что-то формируется иначе, чем «создание мифа на основе другого мифа». И в дореволюционное, и в советское, и в постсоветское время.

Между тем, как показал в своей монографии О.Ронен, понятие «Серебряного века» было изобретено в недрах самого «Серебряного века», в эпистолярном наследии А.Белого и Р.Иванова-Разумника, а потом распространилось и среди других деятелей этого времени как в эмиграции (В.Вейдле, С.Маковский и др.), так и среди тех, кто по каким-то причинам остался в Советской России (например, А.Ахматова). Символами периода «Серебряного века» перед «великим переломом большевистской революции», в интерпретации культурологов, стали бердяев-

---

⁶ Ронен О. *Серебряный век как умысел и вымысел*. М., 2000.

ские понятия – «русский культурный ренессанс», «русский духовно-культурный ренессанс» или «ренессанс духовной культуры». (Кстати, «великим переломом» обычно называют не Октябрьский переворот, а начало сталинской коллективизации, ознаменованное победой над правой оппозицией в СССР.)

Собственно, о творчестве самой Ю.Шеррер можно высказаться ее же словами: она то и дело «создает миф» (о российской культурологии и современных культурологах) на основании «мифа о Серебряном веке», сконструированного ею же самой. Этот двойной миф включает в себя и «реинтеграцию православия», «русской идеи», «русского космизма», русского духовного ренессанса», «культурного синтеза», «декадентского и символистского искусства» и «духовного подъема масс». Соединив различные суждения о «Серебряном веке» и, таким образом, моделируя будто бы созданный анонимными культурологами образ эпохи «культурного ренессанса» как современной «апроприации прошлого», Ю.Шеррер в гротескном виде подает все найденные ею культурологические аргументы и основания для теоретических и исторических обобщений, воссоздавая абсурдную по своей эклектичности и бессвязности картину не то «Серебряного века», не то постсоветской России, замаскированной под «Серебряный век». Читатель волен посмеяться над полученной профанацией науки, то ли родившейся в постсоветской России под именем «культурологии», то ли спародированной западным ученым в качестве демонстрации беспредельной деградации российской гуманитарной науки.

При этом лично мне в заслугу Ю.Шеррер ставит, что я будто бы «единственный» из культурологов, кто «упоминает о связи, существовавшей между мистическими и религиозными исканиями интеллигенции и ее предрасположенностью к социалистическим и революционным идеям» и потому усматривает специфику «Серебряного века» именно в том, что «его представители относились к революции как к "явлению культуры"». Благодарю на добром слове, но все же уточню свою позицию в отношении Серебряного века, которая более подробно изложена во многих моих опубликованных работах.

Конечно, я не принадлежу к тем культурологам, о которых «под одну гребенку» пишет Ю.Шеррер, – идеализирующим Серебряный век и сводящим его к шедеврам литературы и искусства или к вершинам русской религиозно-философской мысли – от «русской идеи» до «русского космизма». Я вполне отдаю себе отчет в том, что «предоктябрь-

ская» культура (как называли «Серебряный век» в советское время) породила не только о. Павла Флоренского и о. Сергия Булгакова, но и террориста Бориса Савинкова (он же Вадим Ропшин), запросто входившего в салон З.Гиппиус и Д.Мережковского как «свой» – символист и «мистический революционер»; что переходная эпоха между императорской Россией и Советской Россией подготовила почву не только для богоискательства, но и для богоборчества; что таким же закономерным плодом Серебряного века, как соловьевская концепция «всеединства», предвосхитившая не только современную глобализацию, но и советский тоталитаризм, был и большевизм! «Серебряный век» был не только *эпохой русского модерна*, давшей человечеству русские символизм, акмеизм и футуризм, но и *«эпохой подготовки революции»* в «стране, придавленной крепостниками» (Ленин). Наконец, в довершение противоречивой картины, «Серебряный век» – это еще и эпоха русского Ренессанса, и это выражение следует понимать не только как *эффектную метафору*, изобретенную Н. Бердяевым, но и *буквально*, именно как *русское Возрождение*.

Из замечательного труда акад. Н.И.Конрада «Запад и Восток» мы знаем, что период Ренессанса проходили все или почти все культуры (от Китая до Центральной Азии и Закавказья), не говоря о европейских культурах (включая Северное Возрождение). Все, кроме русской. Ни во время Андрея Рублева, ни при Алексее Михайловиче, ни при Петре Великом, ни в Пушкинскую эпоху условия для русского Возрождения так и не сложились (ни частное предпринимательство, ни внутренний рынок, ни буржуазные отношения, ни вольномыслие). В самом деле, для того, чтобы в России возник капитализм, нужно было завершиться феодализму, а последний в России начал умирать лишь после отмены крепостного права, т.е. во второй половине XIX – начале XX века.

Неудивительно, что русский Ренессанс, как и Русская революция, оказались *последними в Европе*, перешагнув аж в XX век. Сложилась парадоксальнейшая ситуация в истории мировой культуры: Ренессанс в России начался после того, как прошли русское барокко и русское Просвещение, миновали эры романтизма и позитивизма. «Телега» оказалась «впереди лошади»! Вот почему русский Ренессанс совпал с расцветом символизма и подготовкой революции, одновременно буржуазной и социалистической. Вот к чему привело «ускоренное развитие» русской культуры в Новое и Новейшее время, связавшее в тугой, неразрешимый

узел все накапливаемые на протяжении двух, а то и трех веков противоречия российской жизни и культуры. Социокультурный взрыв с далеко идущими последствиями стал неизбежностью в России, как и пришедший вслед за ним тоталитаризм во главе с его первыми теоретиками – Лениным, Троцким, Бухариным, Сталиным. Какая уж тут идеализация Серебряного века! – «Рождение трагедии из духа музыки», предсказанное для XX века Ф.Ницше.

Владимир Булдаков

**МИФ
НА ВУЗОВСКОЙ КАФЕДРЕ:
ИСТМАТОВСКАЯ СУДЬБА
«СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»**

УДК
304.4

The author follows the critical line of Jutta Sherrer's argument on the current textbooks on culturology. According to the author, the principal deficiency of these textbooks is the absolute break with the historic realities that are substituted with various contrived abstract concepts. Eventually that brings about disturbance of natural relationships among the real, the imaginable and the symbolic in the young generation's eyes. The author demonstrates on the specific examples how poor is knowledge of the present day specialists in cultural studies (many of them were specialists in 'historical materialism' and 'scientific communism') of the historic realities, to what extent are unfounded their claims to generalizations of all kinds. The author thinks that, by and large, the current textbooks on cultural studies can play a role no less harmful than the bygone courses of scientific communism.

Ключевые слова: «Серебряный век»; история; культурология; социология; учебники; телевидение; сетевая культура.
E-mail: kuroneko@list.ru

Статья Ютты Шеррер пронизана искренним недоумением: какое отношение имеет современная российская культурология к культуре русского «Серебряного века» и (продолжая ее недосказанную мысль) к культуре вообще? Увы, имеет! Российская культурология в ее нынешнем виде относится к числу тех постсоветских квазинаук, которые готовы паразитировать на чем угодно. Со всеми вытекающими отсюда культурно-разрушительными последствиями.

С основными идеями, заложенными в статье Ю.Шеррер – более чем своевременной, но при этом скорее сочувственной, нежели критической, – я познакомился более двух лет назад. В ходе работы петербургского коллоквиума «Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе» она естественно вписалась в контекст общего критического настроения историков по отношению к той вивисекции, которая осуществляется над историческим сознанием в последнее время. Особенно это касается всевозможных политологов, социологов и культурологов. За два прошедших года в формах самопрезентации этой посткоммунистической братии произошли такие изменения, что имеет смысл продолжить критическую линию рассуждений Ю.Шеррер. Уверен, что эта серьезная исследовательница российского «Серебряного века» со свойственным ей тактом многого не договаривает – «миссия» представителей названных дисциплин представляется ей далеко не безобидной.

Западные авторы не первый раз поражаются тому, как часто слова культура и цивилизация замелькали на страницах трудов российских постсоветских обществоведов. «Везде культура!»¹ – изумлялась, к примеру, Лора Энгельштейн, автор проницательнейшей книги о всплеске феминизма в России в начале XX в. Ситуация между тем банальна. Бывшие советские обществоведы – от историков КПСС до преподавателей научного коммунизма, лишившись «методологических» костылей в виде «формационной теории», тут же переключились на «цивилизационное» перетолкование истории России. А поскольку они не ведали разницы между цивилизацией и цивилизованностью, культурой и культурностью, наукой и наукообразностью, их труды зафонтанировали корявыми новоязами и взятыми напрокат «измами».

---

¹ Engelstein L. *Culture, Culture Everywhere. Interpretation of Modern Russia across the 1991 Divide // After the Fall: Essays in Russian and Soviet Historiography / Ed. by M.David-Fox, P.Holquist, M.Poe. Bloomington, Indiana University, Slavica Publishers, 2004. P.168–205.*

В студенческие годы для меня не было более «трудного» предмета, чем пресловутый научный коммунизм: лексика была настолько оторвана от смыслов, что разобраться в этом мог лишь человек со специфически исковерканными мозгами. Допускаю, однако, что отдельные преподаватели сей дисциплины были виртуозами схоластики и гениями мистификаторства. Они легко могли освоиться в любой идеологической среде. Что же сказать о преподавателях истории КПСС в советских вузах? В свое время мы с коллегами чисто эмпирически установили, что из 100 представителей этой профессии могли работать как «нормальные» историки один, от силы два человека. Дело, разумеется, не в их природной тупости. В мои студенческие годы многие неглупые сокурсники на последнем курсе резко меняли специализацию: преподавателям истории партии было легче «устроиться», а затем сделать «ученую» карьеру. Конечно, со временем к их угодливым спинам прирастала шкура хамелеона.

С исследовательской стези довольно легко (что греха таить!) соскользнуть в область мифотворчества. Напротив, превратить профессионального шарлатана в профессионального историка практически невозможно. Если так называемый обществовед утратит точки соприкосновения с социально-исторической реальностью, с «почвой» и «плотью» культуры, он так или иначе начнет жонглировать расхожими мифами и предаваться играм с химерами собственного воображения. Както я поинтересовался у одного весьма известного ex-«историка КПСС», чем он занят в посткоммунистической России. «Глобальными проблемами», – без тени смущения ответил он. Иначе и быть не могло: работать в области «человеческой» истории он не мог, а потому ловко соскользнул в сферу дилетантских генерализаций. Со специалистами по научному коммунизму дело обстояло и того проще: они без тени сомнения (сказывались профессиональные навыки вранья) воспользовались трудами тех, кого в прошлом им по роду занятий приходилось критиковать. О знатоках «научного» атеизма и говорить не приходится: их «прозрение» произошло в соответствии с известным житейским принципом: «не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься».

Разумеется, дело не в одной лишь «марксистско-ленинской» специализации. Советская система (вполне в соответствии с самодержавным культурным наследием) стремилась превратить всякого обществоведа в идеолога, идеолога в – лакея, а лакея – в сановного бюрократа. Последнему позволялось ощущать себя подлинным культуртрегером и даже моралистом. Сложился служилый слой, для которого слово «хозяин»

было синонимом слова «истина». А поскольку эта «научная» номенклатура вербовалась из социокультурных низов, ей особенно хотелось казаться культурной и цивилизованной. За примерами далеко ходить не стоит. Совсем недавно у одного известного (по телеэкрану) историка я вычитал, что по достовернейшим (!) донесениям НКВД (?) советская армия в 1939 г. была *цивилизационно* не готова к противоборству не только с гитлеровской Германией, но и Финляндией². Спрашивается, зачем огород городить? Увы, надо «соответствовать»: если патриарх заговорил о «цивилизационном коде» России, то чего ждать от людей, превративших профессию историка в наукообразное пустословие.

Между прочим, в начале XX в. историки культуры принципиально разделяли цивилизацию и культуру – первая считалась количественным опошлением второй (Освальд Шпенглер). В нынешнем тихом постмодернистском бедламе они сделались равноценными в качестве «культуры» – зачем возводить иерархии, если *mass media* давно уравнивали шарлатана и гения, раскрашенную мартышку и художника-творца.

Всякая переломная эпоха требует не только новых идеологов, но и новой терминологии. Но где их было взять в 1990-е годы? А потому неудивительно, что бывшие марксоведы и лениноведы замелькали на страницах газет и телеэкранах в качестве признанных политологов, социологов, культурологов. Им было не привыкать к роли «наставников молодежи». Растерянная публика, со своей стороны, прямо-таки жаждала обрести новых идейных вождей. Вот тогда и началось то «двойное» мифотворчество, о котором пронципально, но слишком деликатно пишет Ю.Шерер. Его природа куда проще и циничнее, чем это может представиться из зарубежья. Идолопоклонники, между прочим, настроены на жертвоприношение каким угодно богам.

Один бывший кандидат «историко-партийных» наук как-то принес мне «готовую», как ему казалось, докторскую диссертацию, в которой прямым текстом сообщил, что настала пора писать историю с «либеральных» позиций. Между прочим, в списке его трудов значился и опус, названный «Откуда есть пошла Русская земля...»; он не сомневался, что его представления на этот счет имеют *научное* значение. Но больше всего меня поразило то, что в его сознании понятия оказались полностью отделены от смыслов. Это был готовый имитатор чего угодно. Будь он поумней и пообразованней, из него бы получился бы неста-

---

² Сахаров А.Н. Другая война: К выходу нового сборника документов о советско-финляндской войне // *Российская история*. 2009. № 5. С.7, 9.

реющий «властитель дум». С его установками легко преумножать терминологию, щеголять цитатами, перебирать авторитеты, выбирать наиболее презентабельные темы «исследовательской» деятельности и внедрять их в сознание агитпроповскими методами. Иерархию переродившихся невежд, конечно, должны были венчать «культурологи» или даже «цивилизациологи». К чему скромничать во времена, когда стало уместным презентовать себя в качестве родоначальника новой «научной дисциплины»?

Приведу еще один показательный пример ученого словоблудия. Так, немалую загадку для многомудрых авторов, привыкших воспринимать всерьез интернационалистскую риторику, представлял известный сталинский тост на приеме командующих войсками 24 мая 1945 г.: «Пью за здоровье *русского* народа!». И вот в связи с этим историки, явно переусердствовавшие с «теориями», сделали «открытие». Оказывается, сия здравица означал поворот к «новой стратегии в этнополитической сфере», формирование нового «мифологического пространства» и вообще новую ценностно-идеологическую парадигму³. Сие открытие было опубликовано в «скромной» издательской серии: «Темы для XXI века».

Вообще-то нечто подобное Сталин произносил еще в феврале 1943 г. Суть дела, однако, не в этом.

Сталин выступал перед разгоряченными спиртным маршалами и генералами, ощущавшими себя настоящими победителями в войне, – феномен исторически хорошо известный. Следовало поставить их на место. Это было проделано просто: было заявлено, что победил *терпеливый народ*, у которого был, есть и будет только *один* вождь. Пресловутая вертикаль власти была публично восстановлена как ценностно непоколебимая величина. Российская история буквально кишит подобными примерами, по наивности или ученому невежеству выдаваемыми за культурологические повороты и перевороты.

Можно проделать еще одну манипуляцию: заменить русский язык «профессиональным», «научным» сленгом – в определенных условиях даже мычание юридивого может восприниматься как глас Божий. Для публики, оболваненной телесериалами и реалити-шоу, всякое глубокое-мысленное бормотание способно приобрести почти сакральный смысл. Искусствоведу останется только развести руками.

---

³ Бордюгов Г.А., Бухараев В.М. *Национальные истории в революциях и конфликтах эпохи. Серия: «Темы для XXI века». М., 1999. С.33–34.*

Вернемся, однако, к «Серебряному веку». Что это было: естественный взлет русской культуры или ее болезненный надлом? Писал же Владислав Ходасевич о том, что 1905 год перепутал действительность с воображением. И что определяло его течение: ностальгия по прошлому или порыв в будущее? Что составляло его духовное ядро: культурно-религиозная традиция или обновленчество? Каков был в нем удельный вес подражательства (западноевропейский модерн заразителен), пародии (творческая суетность поразила тогда всю Европу) и собственно творчества (всякий авангардизм грешит обыкновенным эпатажем)? Что, наконец, заставило бурно расцвести экзотические цветы их творчества вопреки климату, почве, времени года? Такие вопросы можно задавать до бесконечности – культурологи внятно на них не ответят. И дело не в противоречивости *всей* тогдашней эпохи – не только российской. Культурологам не дано понять ее *реальных* противоречий. Им не до живых людей вообще.

К слову сказать, сами люди «рубежа веков» считали свой век «серебряным» по аналогии с «золотым веком», ведущим начало от Пушкина⁴. Но это была не ложная скромность – скорее наоборот. В те годы очень многие творили по принципу «тешить хорошего барина» или «все на потребу»⁵. Деньги вспенили тогдашнюю творческую жизнь. Напомню также, что на многих ее участников легла печать декадентства; друг другу они выдали такое количество уничижительных оценок, что впору говорить о феномене самодеструкции или, в лучшем случае, назвать их творчество лебединой песней старой культуры. Писал же Георгий Иванов в «Петербургских зимах» о «трагически-упоительном закате "Императорского Петербурга"». Если так, то что оставалось основной массе вынужденных эмигрантов – объявить, что они «унесли с собой Россию», или, напротив, признать, что они оказались осколками разбитого вдребезги?

На мой взгляд, современная культурология родилась из чувства культурной неполноценности советского обывателя. Это небезобидно даже для историков, погруженных в «прозу жизни». Так, в одной из неплохих работ мне пришлось вычитать, что в годы Первой мировой войны «солдаты на фронте переживали когнитивный диссонанс из-за

---

⁴ *Хронология «Серебряного века» (как и многое другое) кажется неуловимой: Владимир Пяст полагал, что он «характеризуется поэтами с датами рождения от 1817 до 1824» (Пяст Вл. Встречи. М., 1997. С.22). Но почему только поэтами?*

⁵ *Нестеров М.В. Письма. Избранное. М., 1988. С.253, 266.*

причастности к насилию»⁶. Хочется ответить словами тургеневского героя: «Не говори красиво!».

В чем *культурно*-развращающий эффект современной культурологии? В 1916 г. известный литературовед Иванов-Разумник писал писателю-символисту Андрею Белому, что Москва – «город опасный по количеству слов, произносимых умными людьми...». Впрочем, тогдашний Петроград был не лучше. «Знаете ли Вы гностическую легенду о том, как дьявол зло подшутил над Богом и человеком? – продолжал он. – В противовес и насмешку Богу-Слову – создал он маленькое, юркое человеческое "слово" и слугителей его. – Например – в Питере – холодного Мережковского, в Москве – милейшего Гершензона (одного из авторов знаменитых «Вех». – В.Б.)»⁷. Конечно, «Серебряный век» дышал самообманом⁸; его лексика пронизана духовным надрывом; несомненно, он находился в довольно болезненных отношениях со своей турбулентной эпохой. Строго говоря, культура российского «Серебряного века» попросту разошлась с исторической Россией, сколь возвышенной ни казалась бы первая и в какую низменную смуту ни впадала бы вторая. В начале 1917 г. уже цитировавшийся М.Нестеров писал о героях своей знаменитой картины С.Булгакове и П.Флоренском, что они «парили в области недосягаемых высот»⁹. Российский «Серебряный век» был выдающимся, хотя отнюдь не столь уникальным и экзотичным явлением русской культуры. Скорее это был апофеоз «культуры взрыва» (Ю.Лотман), болезненная реакция на мировое поветрие, нежели пик цивилизационных достижений прошедших веков. Нелепо выдавать это за сложившуюся систему ценностей и, тем более, выстраивать на этой основе «национальную идею».

«Как упоительны в России вечера!» – эти слова недавнего шлягера (карамельный парафраз цитированного высказывания Г.Иванова) можно было бы сделать эпиграфом к собранию сочинений культурологов о «Серебряном веке». Если историческая память жаждет релаксации от хаоса сегодняшнего дня, то желающие паразитировать на этом всегда найдутся. Если Бог обидел человека способностью к самостоятельному

⁶ Поршнева О.С. *Крестьяне, рабочие и солдаты накануне и в годы Первой мировой войны*. М.: РОССПЭН, 2004. С.262.

⁷ Андрей Белый и Иванов-Разумник. *Переписка*. СПб., 1998. С.79.

⁸ «...Как неверно представление многих русских, что подлинная духовная жизнь – только в России», – писал знаток этого времени В.Пяст (Цит. по: Пяст Вл. *Указ. соч.* С.9).

⁹ Нестеров М.В. *Указ. соч.* С.271.

творчеству, ему непременно захочется «поумничать» на фоне кумиров прошлого, притиснувшись при этом к корифеям современности. Однако подобные затеи не столь безобидны, как может показаться.

Во все времена обыватели только и делали, что уверяли, что они живут в совершенно небывалые времена (что, разумеется, не мешало им замечать реальной смены эпох). Им совершенно невозможно объяснить, что, к примеру, современный якобы финансовый кризис вовсе не является финансовым, а имеет куда более серьезные (если угодно, онтологические) основания. Им не понять, что благодаря «виртуализации» современности в мире нарушился его основополагающий баланс: информационные потоки захлестнули аналитические возможности человечества; глобализация не просто разорвала связь между производством и потреблением, но и поставила под сомнение трудовые ценностные иерархии. В нынешних условиях трудно что-то действительно объяснить, но легко задурить голову и особенно напугать. В таких условиях преимущество получают «идеологи», способные попеременно работать то на дутый оптимизм, то на общественную паранойю (последнее куда проще). Порой достаточно внушить обывателю, что он – наследник всего лучшего в истории России, окруженной завистливыми недругами, чтобы успех был обеспечен.

Простой пример. Один известный историк (в свое время увлекшийся социологией) поставил изумляющую своей намеренной предвзятостью задачу «клиотерапии»¹⁰. Между тем его объемистая книга о *социальной* истории России может быть отнесена к заявленному жанру лишь по недоразумению: это рассказ о придуманной власти, которая якобы благобно эволюционировала вместе со «среднестатистическим» народом. Тем не менее современные студенты уже считают ее образцом *социально-исторического* исследования, а иные юные историки изображают Николая II (органически неспособного что-либо планировать и, тем более, последовательно проводить в жизнь) не иначе как деятельным «реформатором»¹¹. Благие намерения историка-социологизатора породили «ученую ложь».

---

¹⁰ Миронов Б.Н. *Социальная история России периода империи. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства (XVIII – начало XX в.)* СПб., 1999. Т.1. С.16.

¹¹ См.: Куликов С.В. *Николай II как реформатор: К постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С.455–460.*

Спрашивается, какую роль играет в этой подмене понятий «возвышенная» культурология? Точно такую же, какую в советское время играл истмат или научный коммунизм. Превращая историю в парад «формационных» или «цивилизационных» этикеток, подменяя человеческие реалии истории призрачными генерализациями, старо-новые идеологи создают то самое переуплотненное «виртуальное» пространство, в котором невозможно задуматься ни о ценностях и смыслах, ни об истине и морали, зато легко обмануться относительно контрабандного кумира и «нужного» власти врага. По сути именно так освящается убийство не только слабых ростков гражданского общества («Серебряный век» как раз и был временем его спонтанного роста), но и ненужность общества как такового. Ибо общество призвано *мыслить* – в отличие от безмозглого по определению государства, созданного лишь для того, чтобы действовать в его (общества) интересах. И не наоборот.

Особое недоумение (а не негодование, как могло бы быть) вызывают у Ю.Шеррер учебники культурологии. У меня тоже. Возьмем курс лекций «Культурология: История культуры России» одного из известных – и отнюдь не худших – авторов. Обратимся к картинке «Смута. Плюрализм и хаотизация картины мира». Обнаруживаем три треугольника, составивших трапецию, испещренную указующими стрелками. В ее границах действуют четыре (как принято говорить у социологов) актора – Бог, Царь, Отец, Народ. Господь, естественно, предстает в трех лицах (Бог-1, Бог-2, Бог-3), Царь тоже выступает некоей троицей, Отец в сознании людей Смуты также «троичен» – Отец-1, Отец-2, Отец-3. Ну а народ, должно быть, составлял своего рода «безмолвствующий» (по Пушкину) «монолит»¹². Допустим, сознание людей начала XVII века действительно переживало троичное расщепление (я готов это допустить); можно согласиться, что автор нашел оптимальный способ убедить в этом представителей новейшей «компьютерной» популяции. Но не кажется ли этому культурологу, что с помощью своих наукообразных пазлов он занимается духовным оскотлением молодого поколения?

Строго говоря, нечто подобное российскому юношеству уже предлагали: с 1920 годов единственными действующими лицами истории стали классы и партии. Теперь же мы получаем культурологическое выхланивание российской истории. Тот же автор уверенно сообщает, что «культурная предопределенность "Смутного времени" ощущалась уже во второй половине XVI в. и все попытки предотвратить духовный кри-

¹² Кондаков И.В. *Культурология: История культуры России. Курс лекций. М., 2003. С.128.*

зис, распад Древней Руси лишь усугубляли кризис»¹³. Это надо понимать так: Иван Грозный проводил спецоперацию по спасению древнерусской культуры.

Впрочем, сходными приемами можно доказать что угодно. Конечно, важно внушить, что Россия «Серебряного века» процветала. Оказывается, за полстолетия мужики подросли на несколько сантиметров, а бабы успешно нагуливали вес¹⁴. Более того, сделано открытие: непосредственной причиной подрастания населения России стала виттевская индустриализация¹⁵. Хочешь – верь, хочешь – нет! Прививка к истории вульгарной социологии обернулась «зоотехническим» взглядом на историю взаимоотношений народа и власти в России. Догадываетесь, кому это выгодно?

Конечно, приемы культурологии «изящнее». Упомянутый ее представитель в своем новом учебном пособии представляет историю как «феномен русской культуры», которая характеризуется, с одной стороны, «ментальным единством», с другой, – «дискретным» и даже катастрофичным характером. Все это делается по Николаю Бердяеву, по которому даже строится соответствующая периодизация¹⁶. Честно говоря, я люблю Бердяева: пишет, по крайней мере, красиво. Но выстраивать на его умозрительностях концепцию – значит ставить на себе крест как на исследователе.

Неудивительно, что сочинения цитированного культуролога выстроены на поразительно однообразной источниковой базе, выдаваемой за «основополагающую». Так, противоречивость «Серебряного века» поясняется на примере журнала «Аполлон» – это был «клубок противоречий»¹⁷. Примерно так же поступали специалисты по научному коммунизму и истории КПСС – разница лишь в том, что они доили своих собственных «священных коров». Если для них историческая реаль-

---

¹³ Кондаков И.В. *Культура России. Краткий очерк истории и теории. Учебное пособие.* М., 2008. С.136.

¹⁴ См.: Миронов Б.Н. *Униженные и оскорбленные: «Кризис самодержавия» – миф, придуманный большевиками // Родина. 2006. № 1.*

¹⁵ *Критику подобных взглядов, а также «ученый» ответ на нее см.: Эллман М. Витте, Миронов и ошибочное использование антропометрических данных // Экономическая история. Обозрение. М., 2005. Вып.11. С.159–165; Миронов Б.Н. «В огороде – бузина, а в Киеве – дядька // Там же. С.166–171.*

¹⁶ Кондаков И.В. *Культура России. С.10–12.*

¹⁷ Там же. С.228.

ность выростала из сочинений Ленина и «исторических решений» ЦК КПСС, то почему в новых условиях не поведать о «культурной предопределенности» катастрофического хода русской истории на основе цитат из двух–трех литературных произведений?

Конечно, культурологи возразят, что презренную идеологию и политику они игнорируют. Если бы! Существует такая форма элитарного отчуждения от политики, которая обеспечивает безбедное существование всеильной бюрократии. Всякий кризис культуры связан с нарушением баланса между реальным, воображаемым, символическим (Ж.Лакан). В традиционном синкретическом сознании такой проблемы не стоит – они составляют алогичное единство. Нынешние *mass media* (не только российские) и особенно так называемая сетевая культура превращают наш уродливо глобализующийся мир в подобие «большой деревни». Этому «посткультурному» откату соответствует псевдопатерналистская (полицейско-бюрократическая) форма управления. Нынешний российский бюрократ понимает свою культуртрегерскую задачу предельно просто: дадим набор единых учебников, сделаем доступным Интернет, а «культурно-воспитательную» задачу создания генерации самодовольных поглотителей «пива и зрелищ» решат придворные олигархи и ручное телевидение. Именно поэтому у российского государства никак не находится денег на культуру, но зато оно охотно поощряет культурологов.

Возможны возражения: действительно ли Интернет несет в себе опасность для культуры или это всего лишь страхи консервативных представителей архаичных профессий (этнографов, историков, искусствоведов)? Дело в том, что разрастающееся сетевое пространство образует сепаратный (а не подсистемный) канал информации. Оно осуществляет особую разновидность культурного диктата. Благодаря своим интерактивным качествам «паутина» образует информационную систему, обладающую уникальными качествами, которая затягивает и поглощает зрителя, приучая к эрзац-впечатлениям, псевдоэмоциям, квазимышлению, наконец, «вторичной» культуре. Приучить к ее бездумному потреблению куда проще, чем к *fast food*'у или резиновой кукле, – примеров хоть отбавляй! Интернетовская *soft power* будет «посильнее» телесериалов, не говоря уже о «Фаусте» Гете.

Если телевидение с помощью игровой визуализации («документальных» фильмов) может до бесконечности упрощать и опошлять картину прошлого, то Интернет превращает ее в особое «игровое» поле, внутри которого зритель, воображающий себя сценаристом, оказывается в роли

младенца, самозабвенно переставляющего готовый набор кубиков. И не стоит тешить себя иллюзией, что от этой примитивной игры можно отказаться. Повторяю, возможности Интернета по части «творческого» самообмана беспредельны. При этом его суггестивные возможности возрастают по мере *культурологической* схематизации информации.

Конечно, Ю.Шеррер права, показав прееменованность культурологов и «попов марксистского прихода». Предреволюционная Россия не могла не родить мифа о «Серебряном веке»; посткоммунистическая Россия не может обойтись без легенды о высших «достижениях цивилизации», которые она якобы наследует. Так или иначе, подобные легенды продуцируют и клонируют именно социологи и культурологи. В их заклинаниях о «ментальном единстве русской культуры» или даже ее «цивилизационном коде» правды не больше, чем в сочинениях автора «Кода да Винчи».

Вероятно, «безгрешных» обществоведов не бывает вообще. Историки, от лица которых приходится выступать, не составляют исключения – прошлое поглощает их настолько, что они уже не могут вырваться из него. Для меня, к примеру, настоящим кошмаром является то, что вот уже почти 20 лет события советской истории описываются ими с помощью ею же сформированных культурных матриц. И я точно знаю, что никакие культурологи им не помогут.

Итак, какую же объективную роль играют многочисленные учебники культурологии? Приходится напоминать, что спасение человека (как индивида, так и популяции) – в творчестве. Природа воспроизводства его инновационных потенциалов известна: человек шаг за шагом переоткрывает мир, приучаясь к *поиску* главного – своего места в мире. А куда направится творческий потенциал юных особей, начитавшихся политологических, социологических, культурологических учебников? На бездумное расклеивание этикеток? Как будут они ориентироваться в информационно усложняющемся мире? Путем отыскания формальных аналогий с помощью услужливо подсунутых компьютерных программ? Если да, то какой креативно-инновационный потенциал всего общества из этого составит? И надолго ли его хватит?

Но почему так много развелось ненужных, мягко говоря, «учебников жизни»? Секрета нет. Бездарь, неспособный творить самостоятельно, непременно утилизирует чужие идеи, а затем с помощью заемного «знания» возьмется «просвещать» других. И это отнюдь не безобидное явление. В России в определенных условиях воспроизводство научных имитаций может принять характер цепной реакции, чреватой новой –

отнодь не просто культурной – катастрофой. Между прочим, если взглянуть на всю историю под углом зрения культурной антропологии, то окажется, что склонность к «элитарному» паразитированию (как потребительскому, так и умственному) всякий раз подталкивает к очередному разрыву культурно-исторической преемственности. И это не только русское явление. Нынешний мировой кризис, в силу профессионального верхоглядства экономистов, легковерию *mass media* и слабодушию обывателей названный финансовым, лишнее тому подтверждение. Ибо гоняться за призраком изобилия, предаваться потребительскому самодовольству, отрывать «виртуальную» сферу знания от плоти собственного прошлого и тягот «чужого» настоящего самоубийственно.

Андрей Ранчин

**О КУЛЬТУРОЛОГИИ,
«СЕРЕБРЯНОМ ВЕКЕ»
И
СТАТЬЕ ЮТТЫ ШЕРРЕР**

УДК
304.4

The author considers Jutta Scherrer's article and responses to it produced by V.Bouldakov and I.Kondakov. Jutta Scherrer's opinion that the present day culturology is a 'servant-girl' and an ideological tool of the current Russian authorities is challenged. The idea that the present day culturology is creating a myth of the 'Silver Age' (and, in the first place' of N.A.Berdyaev' philosophy) and these efforts are manifestations of the fundamentalist national self-identification is perceived rather critically. The author emphasizes the complex and totally non-fundamentalist origins of the Russian culturology (it developed under strong influence of the Tartu–Moscow school etc.) which contains trends that are very distant from totalitarianism and fundamentalism.

Ключевые слова: «Серебряный век»; история; культурология; социология; учебники; телевидение; сетевая культура.
E-mail: aranchin@mail.ru

На мой взгляд, статья Ютты Шеррер как таковая не заслуживала бы столь пристального внимания, если бы в ней не затрагивались более общие вопросы, связанные с местом истории культуры и, шире, так называемой культурологии в современном гуманитарном знании, в частности российском. Основная идея автора, нашедшая безоговорочную поддержку Владимира Булдакова¹, в обстоятельном обсуждении как раз не нуждается. В общем и целом я согласен с оценкой этого утверждения и с аргументами И.В.Кондакова², хотя отдельные его суждения принять не могу. Я убежден: «современная российская власть» (насколько корректна в данном случае абстракция такого высокого уровня – особый вопрос) представляет, что такое «культурология». Можно знать, что такое «культурология», и быть совершенно равнодушным к судьбе памятников культуры или выделять на обеспечение культуры сущие крохи³. Когда-то один учитель классических языков в разгаре спора о философии со своим гимназическим коллегой Василием Розановым «схватил с полки» розановскую книгу «О понимании», «расстегнул брюки и обмочил ее при общем хохоте всех присутствующих: "А ваше понимание, Василий Васильевич, вот чего стоит"»⁴. Между тем этот эксцентричный педагог, как и солидарные с ним коллеги, некоторыми знаниями о сей дисциплине, конечно, обладал. Преувеличивать «некультурность» постсоветской власти в России не стоит. Просто ее декларативная забота о культуре является чисто идеологическим явлением (в мангеймовском понимании идеологии как системы

---

¹ См. С.106–118 настоящего журнала. Ср. особенно: «На мой взгляд, современная культурология родилась из чувства культурной неполноценности советского обывателя» (С.111). – Автор совершенно не принимает во внимание, что современному постсоветскому обывателю чужды как чувство культурной неполноценности, так и вообще тоска по культуре – тем более по культурологии.

² См. С.89–105 настоящего журнала.

³ И.В.Кондаков неправ, когда характеризует современное финансирование культуры в России «по остаточному принципу» как наследие советского прошлого. Советская власть (по крайней мере, в свои зрелые и старческие годы) поддерживала культуру более щедро и уделяла ей больше внимания, иногда назойливого и стеснительного.

⁴ Первов П.Д. Философ в провинции (из литературно-педагогических воспоминаний) // В.В.Розанов: Pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1995. Кн.1. С.95.

ценностей и постулатов, не предполагающих воплощения на практике⁵); как с этой идеологией связана фактически полурепрессивная культурная политика власти – это особая тема. Но, так или иначе, это, на мой взгляд, именно политика, а не митрофанушкино невежество.

В целом общество (за пределами круга «страшно далеких от народа» интеллигентов и интеллектуалов) относится к культуре и ее значению с намного меньшей симпатией: достаточно внимательно прочитать пользовательские «комменты» в Интернете. Ни в коей мере не являясь апологетом постсоветской власти в России, я вынужден тем не менее согласиться с известным пушкинским суждением: «Надо было прибавить (не в качестве уступки, но как правду), что правительство все еще единственный европеец в России. И сколь бы грубо и цинично оно ни было, от него зависело бы стать сто крат хуже. Никто не обратил бы на это ни малейшего внимания»⁶.

Возможно, Ю.Шеррер отчасти права в своих подозрениях. Внедрение культурологии как обязательной дисциплины в высшее образование и «апология» «Серебряного века» и особенно «русского религиозного ренессанса» могут в какой-то степени объясняться попытками создания «новой русской идентичности» и диктоваться стремлением власти «выработать ориентиры для сегодняшней жизни и для государственной культурной политики, определяемой как "прикладная культурология"» (С.56). Но, безусловно, в официальных и официозных идеологических дискурсах и стратегиях место культурологии весьма незначительное, а роль третьестепенная.⁷ В этом я с И.В.Кондаковым согласен.

---

⁵ Мангейм К. *Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы / Сост., предисловие и общ. ред. В.А.Чаликовой. М., 1991. С.115, пер. с нем. М.Левиной.*

⁶ А.С.Пушкин – П.Я.Чаадаеву, 19 октября 1836 г. // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1979. Т.10. С.701, пер. с франц.

⁷ В частности, вопреки утверждению Ю.Шеррер, культурология не является дисциплиной, которая в обязательном порядке преподается всем студентам-первокурсникам. Например, на филологическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова студентам отделения русского языка и литературы читается не «культурология», а история русской культуры XI–XIX веков, и не на первом, а на четвертом и пятом курсах. Курс по истории культуры «Серебряного века», якобы служащий целям идеологической пропаганды, вообще не преподается.

Неприемлема для меня его характеристика «Серебряного века» как культурного Ренессанса: «Наконец, в довершение противоречивой картины, "Серебряный век" – это еще и эпоха русского Ренессанса, и это выражение следует понимать не только как *эффектную метафору*, изобретенную Н.Бердяевым, но и *буквально*, именно как *русское Возрождение*»⁸. В действительности это определение неизбежно сохраняет метафорическую природу. «Возрождение» в строгом смысле слова – не просто расцвет культуры, а обновление, восстановление прежней культурной традиции. Конечно, западноевропейский Ренессанс не был просто «вторым рождением» античности, но питался он все-таки именно этой утопической мечтой. А «Серебряный век» был эпохой модернизма, для которого восстановление прошлого не было главным стремлением. В России вообще не было Ренессанса как явления, родственного западноевропейскому Возрождению. Весьма красноречивый факт: в своих безнадежных попытках обнаружить это русское Возрождение исследователи открывали его признаки в самых разных исторических и культурных эпохах. Предвозрождением оказывались вторая половина XIV – XV век, одновременно высказывалось мнение, что ренессансными функциями было наделено русское барокко XVII века⁹. Искусствовед Г.К.Вагнер обнаруживает Предвозрождение и его модификации в рус-

---

⁸ С.105 настоящего журнала.

⁹ См. прежде всего: Лихачев Д.С. *Развитие русской литературы X–XVII вв.: Эпохи и стили*. Л., 1973. См. также: Алексеев М.П. *Явления гуманизма в литературе и публицистике древней Руси (XVI–XVII вв.)*. М., 1958. – Концепция Д.С.Лихачева была принята другими медиевистами – сотрудниками Отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН (См., например: Лурье Я.С. *О судьбах переводной беллетристики в России и у западных славян в XV–XVI вв.* // *Славянские литературы: Доклады советской делегации: V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963)*. М., 1963. С.71–86). Представление о русском Предвозрождении было закреплено в академической истории древнерусской словесности и в учебнике по древнерусской литературе, подготовленных учеными ИРЛИ (Дмитриев Л.А. *Литература эпохи русского Предвозрождения. XIV – середина XV века* // *История русской литературы: В 4 т. Л.*, 1980. Т.1. *Древнерусская литература. Литература XVIII века* / Ред. тома Д.С.Лихачев и Г.П.Макогоненко. С.126–184; *Его же. Литература конца XIV – первой половины XV в.* // *История русской литературы X–XVII вв.: Учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности №2101 «Русский язык и литература»* / Под ред. Д.С.Лихачева. М., 1980. С.206–209).

ском искусстве XV–XVI веков, а элементы Возрождения – в XVII столетии¹⁰, в то время как для Д.С.Лихачева XVI век – специфически «антипредвозрожденческий». А В.В.Кожинов как эпоху русского Возрождения рассматривал пушкинский период в русской изящной словесности, и эта трактовка ничем не хуже (но и не лучше) других¹¹.

Так же, как и И.В.Кондаков, я считаю, что на основании анализа нескольких учебников неправомерно давать «широковещательные и многошумящие» оценки всей российской культурологии (хотя бы только как учебной дисциплине, а не как науке). Не могу же я принять его утверждения, что процесс преобразования кафедр научного коммунизма в кафедры культурологии был оправданным и по-своему плодотворным: «Что же в этом плохого? Ничто не стоит на месте. Меняется содержание образования вместе с возникновением новых реалий и тенденций в социуме. Многие специалисты оказались на месте и на новом поприще; кое-кто и на старом месте не вполне сочувствовал идеологии, которую должен был пропагандировать (я сам знал много таких людей); те, кто хотел и сумел перестроиться на "новый лад", быстро вписались в постсоветскую реальность; те же, кто был не способен к изменениям, "выпали в осадок"».

Да, ничто не стоит на месте, или, по Гераклиту, «всё течёт». Текут, однако, не только полноводная река, вбирая в себя все новые ручьи и речки, но и сточные воды в канализации. Конъюнктурно «перестроиться "на новый лад"» некоторые бывшие пропагандисты научного коммунизма, конечно, смогли, но от вульгаризированных марксистских стереотипов освободиться намного сложнее. Кафедры научного коммунизма – не то место, где в глухую пору застоя таились зерна и ростки новых мыслей и идей, по крайней мере, в области истории культуры. Если бы современная культурология – и как наука, и как образовательная дисциплина – создавалась бы только на этих кафедрах и читалась бы только их сотрудниками, боюсь, с Юттой Шеррер пришлось бы согласиться в ее самых мрачных оценках. Я отнюдь не призываю выжигать напалмом бывшие идеологические кафедры (в том числе и потому, что это бессмысленно и неосуществимо). Но их роль в современном российском образовательном процессе если не вредная, то бесплодная.

---

¹⁰ Вагнер Г.К., Владышевская Т.В. *Искусство Древней Руси*. М., 1993. С.95–170.

¹¹ См.: Кожинов В.В. *Книга о русской лирической поэзии XIX века*. М., 1978.

К счастью, в действительности в институтах часто открывались новые кафедры истории и теории культуры¹² или курс истории русской культуры включался в учебные планы старых «неидеологических» кафедр¹³. Всплеск или даже взрыв интереса к культурологии в постсоветской России был изначально связан не с поверхностной рецепцией идей русской религиозной философии «Серебряного века». Он был связан с распространением идей Тартуско-Московской семиотической школы, построения которой если и связаны с марксизмом, то лишь отчасти и отнюдь не с его варварской советской версией¹⁴. К философии представители этого направления, изначально культивировавшие точное «позитивистское» знание, по большей части обнаруживали совершенное безразличие или даже более сильное неприятие¹⁵. Глубоко укоренены в

---

¹² Так, например, была открыта по инициативе Вяч.Вс.Иванова кафедра истории и теории мировой культуры на философском факультете МГУ, сотрудниками которой стали некоторые ученые так называемой Тартуско-Московской школы и философы, прежде старательно избегавшие удушающих объятий марксистско-ленинской идеологии и занимавшиеся совсем иными темами.

¹³ Так, на отделении русского языка и литературы филфака МГУ курс истории русской культуры был в середине 1990-х разработан А.М.Песковым – замечательным специалистом по истории русской словесности и мысли XVIII–XIX веков, профессором кафедры истории русской литературы; он же обыкновенно был лектором. Дважды курс читал автор этих строк.

¹⁴ Ср.: Гаспаров М.Л. Лотман и марксизм // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С.7–12.

¹⁵ В.М.Живов, один из деятельных в прошлом участников школы, вспоминает: «В начале семидесятых годов я встретил одного из своих семиотических коллег и на его вопрос, чем я занимаюсь, сказал, что стараюсь стать немного осведомленнее в философии; в ответ я услышал, что "философия, кажется, устарела", и напрасно я трачу силы на такие не имеющие будущего занятия. <...> Историчность смысла была в структурализме утеряна безнадежно вместе со всей проблематикой сознания и времени, бытия и времени, образования предметности и трансцендирующего его» (Живов В.М. Предисловие // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С.10). Ю.И.Левин пишет о Тартуских школах: «Между прочим, характерно отсутствие философов <...> – характерно в плане специфического отношения к философии у нашей интеллектуальной элиты, – что восходит как к традиционной слабости философской культуры в России, так и к упразднению философии в 1922–23 гг. и замене ее марксизмом. В результате даже не возникал вопрос о философской базе семиотических исследований (ср. ситуацию во Франции и Италии)» (Левин Ю.И. Три заметки. 3. За здоровье Ее

философии работы В.Н.Топорова, но он в этом отношении выделяется среди ученых этой школы; кроме того, их философская составляющая до сих пор не оценена в необходимой мере.

Ю.Шеррер считает главным «злым гением» и «черным демоном» современной российской культурологии Н.А.Бердяева. Историко-культурные и отчасти теоретические построения Ю.М.Лотмана и Б.А.Успенского, действительно, обнаруживают если не родство, то, по крайней мере, типологическое сходство с бердяевскими; таковы принцип бинарных оппозиций и идея антиномизма русской культуры¹⁶. Однако в целом ни комплекс идей, ни исследовательский метаязык тартуско-московской культурологии совсем не бердяевские.

Эти работы были оппозиционными советскому режиму по духу и не вписываются и в «фундаменталистские» игры, в которых подозревает современную российскую власть Ютта Шеррер. Между тем интерес к ним сохраняется, и в последние годы труды Ю.М.Лотмана по теории и истории русской культуры¹⁷ и работы Б.А.Успенского неоднократно переиздавались¹⁸.

В последние годы было напечатано множество научных, популярных и учебных книг по истории русской культуры, никак не подпадающих под шерреровскую оценку современной культурологии. Лишены такой идеологической «язвы» книги из серии «Русский путь. Pro et contra», издаваемой на гранты РГНФ Русским Христианским гуманитарным институтом¹⁹. Очевидны либеральные интенции и нелюбовь к куль-

---

Величества // Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С.638).

¹⁶ См. об этом: Зарецкий А.Р., Песков А.М. Имя мифа: К проблеме семиотики культуры: [Рец. на кн.: Успенский Б.А. Избр. труды: В 3 т. М., 1996–1997] // Новое литературное обозрение. 1998. №32. С.367–390. – По устному свидетельству А.М.Пескова, в личной беседе с ним Б.А.Успенский сказал, что в то время, когда создавал рецензируемые работы, он еще не был знаком с сочинениями Бердяева. Конечно, это утверждение, скорее всего, ироническое, но категорически отбрасывать его все-таки не следует.

¹⁷ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994; Его же. История и типология русской культуры. СПб., 2002; Его же. Семиосфера. СПб., 2000.

¹⁸ См. прежде всего: Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002.

¹⁹ Издатели формулируют собственную позицию так: «Воззрение на культурно-исторический процесс как на творческую деятельность человека, реализующего дарованную ему Богом степень свободы, легло в основу "Русского пути"» (П.Я.Чаадаев: pro et

турологическому «мифологизаторству» в работах В.М.Живова, в книге А.Л.Зорина, посвященной культуре и идеологиям в России 1770–1830-х годов²⁰. Яркий пример либеральной, весьма ангажированной трактовки, идущей в отдельных случаях, на мой взгляд, наперекор фактам, – научно-популярная книга Я.А.Гордина о русской дуэли как историко-культурном феномене²¹. Советского и постсоветского (в шерреровской трактовке) следа нет в серии книг «Из истории русской культуры», выпущенных влиятельным гуманитарным издательством «Языки славянской культуры» в 1996–2002 годах на гранты РФФИ. Пятый том этой книги – «Из истории русской культуры XIX века», – составленный именно как учебное пособие, открывается монографией известного исследователя русской словесности и общественной мысли Б.Ф.Егорова. Ученый не только выражает симпатию «либерально-личностным принципам, которые начали внедряться в России лишь в XIX веке», но и напоминает, что «история России страшна последовательным физическим уничтожением и психологическим унижением духовных, творческих, благородных личностей <...>»²². Автор предисловия утверждает: «Выступление интеллигентов» против деспотических режимов, «даже если оно в ближайшей перспективе безрезультатное, "дон-кихотское", кончающееся жестоким наказанием, все же более органично, чем конформизм мещанина»²³.

В качестве учебного пособия по культурологии на средства Фонда Сороса это же издательство выпустило книгу А.В.Михайлова²⁴. Харак-

contra / Сост., вступ. ст., примеч., указ. А.А.Ермичева, библиогр. С.Ю.Баранова. СПб., 1998. С.5). Такая формулировка созвучна бердяевской историософии, моду на которую Ю.Шеррер оценивает как чреватую редуционизмом и идеологическими фантомами. Однако сама по себе эта позиция как раз антиавторитарная. Кроме того, в изданиях «Русского пути» неизменно представлен весь спектр, вся разногласица мнений.

²⁰ Зорин А.Л. Кормы двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.

²¹ Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты. Изд. 2-е. СПб., 2002.

²² Егоров Б.Ф. Очерки по истории русской культуры XIX века // Из истории русской культуры. М., 1996. Т.5 (XIX век). С.16–17, 28.

²³ Там же. С.27.

²⁴ Михайлов А.В. Языки культуры: Учебное пособие по культурологии. М., 1997. – По существу эта книга – сборник ранее публиковавшихся научных статей – к жанру учебного пособия, по-моему, никакого отношения не имеет, но в данном случае это неважно.

тер учебного пособия по существу присущ книге А.М.Пескова. В ней, между прочим, столь дорогие «Серебряному веку» «русская идея» и «русская душа» взяты в многозначительные кавычки, а историософские построения (в том числе концепция особенного «русского коммунизма», чье своеобразие будто бы обуславливается многовековыми русскими историческими традициями²⁵) Бердяева оцениваются критически и признаются разновидностью мифологизирующего дискурса²⁶.

Показательны и переиздания вышедших на Западе книг, посвященных русской культуре, полностью свободных от разыскиваемого Юттой Шеррер «идеологического яда»²⁷.

Современные попытки создания абстрактной, философски ориентированной теории культуры совершенно необязательно генетически производны от марксизма или от русской религиозной историософии²⁸.

Безусловно, можно усомниться в том, что подобные исследования и учебные пособия, опубликованные частными издательствами, более влиятельны, чем официально одобренные учебники, но не замечать их воздействия нельзя.

Кроме того, в современном российском гуманитарном «сообществе» широко распространены мода на постмодернизм, культ Ж.Дерриды и М.Фуко. Эта мода необязательно должна вызывать радость и восторги,

---

От политической ангажированности и обслуживания навязываемых властью идеологием она совершенно свободна.

²⁵ *Эту бердяевскую концепцию принимает И.В.Кондаков, на мой взгляд, без должных оснований. Конечно, воплощение коммунистической идеологии в России / Советском Союзе приобрело «лица необщее выраженье», обусловленное своеобразием и историческим опытом страны, однако это еще не основание для того, чтобы признавать существование некоего особенного «русского коммунизма».*

²⁶ *См.: Песков А.М. «Коммунизм – неотвратимая судьба России». Логика Н.А.Бердяева // Песков А.М. «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии. М., 2007. С.81–86.*

²⁷ *Ограничусь двумя выразительными примерами: Паперно И. Семiotика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма / Авториз. пер. с англ. М., 1996; Паперный В. Культура Два. М., 1996; исправленное и дополненное переиздание этой книги, содержащее нелицеприятные оценки тоталитарных тенденций в современной российской культуре: М., 2006.*

²⁸ *Ср., например, книгу: Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М., 1998, издание которой профинансировала отнюдь не российская «тоталитарная» власть, а Фонд Сороса.*

но она противоядие для пугающих Ютту Шеррер «фундаменталистских» и «тоталитарных» установок.

Не менее важно другое. Гуманитарные дисциплины в принципе не свободны от идеологии²⁹ – даже если тот или иной ученый всеми силами пытается избежать идеологических тенет. В той или иной мере, если не прямо, то опосредованно, воздействие идеологий испытывают и западная наука, и образование. Современные примеры – и *Cultural Studies*, и особенно гендерный подход или *Postcolonial Studies*. В той или иной форме это неизбежно всегда. Разница лишь в том, кому какая идеология более симпатична или хотя бы менее отвратительна. Но это вопрос убеждений или вкуса.

Что же касается «искушений» «Серебряного века», то его «бездумная» апроприация современной российской культурологией пугает Ютту Шеррер, по-моему, без должных оснований. Во-первых, «ученый» культ «Серебряного века» возник не в России, а на Западе в позднесоветский период, когда публикации по литературе «Серебряного века» составляли едва ли не основную часть материалов в славистических журналах. Весьма красноречив, например, и восторженный тон Дж.Биллингтона, автора посвященной русской культуре книги «Икона и топор» (1966)³⁰. Во-вторых, «Серебряный век» плохо вписывается в православ-

---

²⁹ *Ограничусь напоминанием о так называемом формальном методе в предреволюционной и пореволюционной России / Советском Союзе и о структурально-семиотических, а затем и постструктуралистских штудиях во Франции 1960-х годов. При этом одни и те же подходы и дискурсы в разном социальном и политическом контексте приобретают непохожие идеологические коннотации. Так, структурализм, тяготеющий на Западе к «левому уклону», в СССР стал скорее «правым».*

³⁰ *Автор не скупится на такие эмоции и в отношении Бердяева, хотя, конечно, отмечает и изъяны этой эпохи. Книга грешит упрощенным и идеологизированным подходом к истории России и ее культуре, а также подменой серьезных интерпретаций броскими и яркими, но, естественно, неверифицируемыми метафорами. Однако само ее русское издание при финансовой поддержке посольства США в Москве было феноменом идеологическим (и, конечно, не охранительного рода). В предисловии к русскому изданию содержится приветствие падения коммунизма и крушения «Советской империи» как нравственного освобождения и необходимых условий создания гражданского общества, в отношении чего автор питает сдержанный оптимизм (См.: Биллингтон Дж.Х. Икона и топор: Опыт истолкования русской культуры / Пер. с англ. под ред. В.Скороденко. М., 2001. С.7, 8, 9, 548, 550, 556, 562, 600).*

ные традиции, значимость которых сейчас декларируется властью. Как бы упрощенно эти традиции ни понимать, сочинения мыслителей «Серебряного века» со строго православной точки зрения полны не только теологуменов, но и откровенно еретических суждений. Для «фундаменталистского» подхода к «Серебряному веку» показательна в целом негативная идеологическая оценка этой эпохи в программе историка и телеведущего Феликса Разумовского «Кто мы?» (цикл «Вершины и бездны Серебряного века») на телеканале «Культура» (февраль 2008 г.). И, наконец, Бердяев, как «философ свободы» и антибуржуазный мыслитель, находивший оправдание человеческого существования в творчестве, не может стать кумиром в пантеоне идеологов нынешней власти.

Необоснованны и опасения Ютты Шеррер, что претензии (по-моему, сильно преувеличенные) российской культурологии на положение «метанауки, преодолевающей специализацию и фрагментацию гуманитарного знания на Западе» (С.54), продиктованы антидемократическими и антилиберальными идеологическими побуждениями. Такие притязания в российской гуманитарной традиции не являются чем-то новым: подобную роль пытались взять на себя при своем зарождении структурализм и семиотика. Из этого ничего не получилось, но частные достижения и обретения, полученные на ложном пути, оказались замечательными. Кроме того, эти претензии по-своему понятны, и понятны вне всякой связи с мифологизацией «Серебряного века». Культурология – не как учебная, а как ученая дисциплина – стремится «отстоять свое место под солнцем», доказать собственное право на существование среди других гуманитарных наук. Между тем ее права не общепризнаны. Распространено мнение (часто звучащее в «кулуарных» беседах), что «культурология» как особая наука не существует; сторонники этой позиции признают право на существование только за историей культуры. Парадоксальный статус дисциплины отражен в орфографическом словаре русского *Word*'а, который знает слово «культуролог», но отвергает лексему «культурология». Специалист есть, а вот его специальности нет! Чтобы не раствориться в истории отдельных областей культуры (философии, литературы, языка, изобразительного искусства, архитектуры, музыки, техники и прочее, прочее, прочее), культурологии нужно отыскать собственный домен. Ю.М.Лотман и А.М.Пятигорский заметили, что культура может рассматриваться как совокупность текстов или как совокупность функций, причем при первом подходе «функция будет

выступать по отношению к текстам как своего рода метатекст»³¹. Рассматривая функции в культуре, культурология тем самым неизбежно будет претендовать на роль «метанауки» по отношению к более «узким» и «частным» дисциплинам. Если предметом исследования культурологии становятся культурные модели, парадигмы, функции, коды, ментальные схемы и концепты, системы ценностей и запретов, а не сами культурные феномены, тем самым она как будто бы оправдывает собственное право на бытие. Ни «Серебряный век», ни советский, ни постсоветский идеологический контекст здесь ни при чем. Но это отдельная, большая и сложная тема. Тема, рефлексия над которой была бы намного плодотворнее, чем обсуждение идеологических фантомов и жупелов, внушающих страх и трепет.

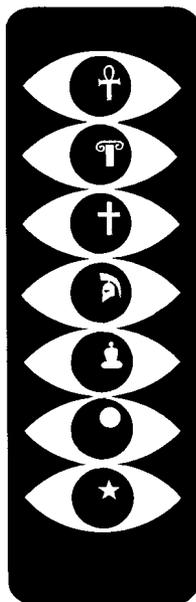
³¹ Лотман Ю.М., Пятигорский А.М. Текст и функция // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т.1. С.133.

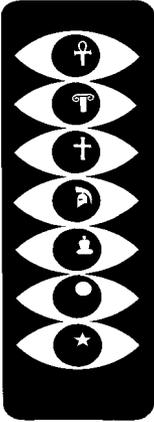
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

История – обширный
и разнообразный
опыт человечества,
встреча людей
в веках.

**История имеет дело
с существами,
по природе своей
способными ставить
перед собой цели
и сознательно к ним идти.**

Марк Блок

**Анастасия Готовцева
Оксана Киянская**

**СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
К.Ф.РЫЛЕЕВА
В ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНОМ
КОНТЕКСТЕ
КОНЦА XVIII –
НАЧАЛА XIX ВЕКА**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

**УДК
929**

The article deals with the family history of K.F.Ryleev, famous poet-Decembrist. The authors examine people who surrounded K.F.Ryleev in his childhood and adolescence, characterize the ambience within which he was born and emerged as a personality and within which his adult life ran to some extent. Connection of Ryleev's history with his collection of letters, his creative, financial and journalistic activities is analyzed.

Ключевые слова: семейная история; К.Ф.Рылеев; А.В.Суворов; Екатерина II; Павел I; Александр I; П.Ф.Малютин; гатчинские войска.

E-mail: brunhilda@yandex.ru

E-mail: kianoks@inbox.ru

Семейная история любого, даже рядового, ничем не примечательного человека достойна осмысления, и на современном этапе развития науки этот факт бесспорен. Не вызывает возражений и тезис о том, что история государств и народов складывается не только из социальных, политических и экономических элементов. Познание истории невозможно без учета личного опыта частных людей, объединенных в конкретные семьи. Эти простые истины тем более верны, когда речь заходит о людях знаменитых, чьи имена известны каждому со школьной скамьи. В данном исследовании речь пойдет о семейной истории знаменитого поэта-декабриста К.Ф.Рылеева.

В исследованиях, посвященных Рылееву, неоднократно констатировалось: документов, характеризующих его детство, а также биографии его ближайших родственников практически не сохранилось, «по сравнению с изобилием материалов, относящихся к литературной и политической деятельности Рылеева в последние годы жизни, для раннего периода его биографии характерно отсутствие доступных и достоверных источников»¹.

Между тем восстановление семейной истории Рылеева – трудная, но вполне разрешимая задача. Архивы Москвы и Санкт-Петербурга сохранили довольно много документов, проливающих на нее свет. Задача данной статьи – проанализировать эти документы, выявить влияние семьи Рылеева на формирование его личности и взглядов, проанализировать взаимосвязь семейной истории с его творчеством, финансовой, политической и журналистской деятельностью.

К.Ф.Рылеев

---

¹ О Мара П. К.Ф.Рылеев: Политическая биография поэта-декабриста. М., 1989. С.48.

И. Рылеевы

О дворянском роде Рылеевых известно мало. Историк-генеалог П.В.Долгоруков утверждал, что род Рылеевых ведет свое начало от опричников Ивана Грозного. Он считал, что Кондратий Рылеев искупил преступления предков собственной «службою на благо родины», вкладом «в дело русских свободолюбивых мучеников, имена которых всегда будут глубоко почитаться»². В известных на сегодня списках опричников фамилию Рылеевых обнаружить не удалось. Однако в составе, например, «государева двора» середины XVII века можно увидеть пятерых представителей этого рода. «Васюк, да Иванец, да Митька, да Вахно Козловы дети Рылеева», а также «Васильев сын Иванец» числились «дворовыми детьми боярскими» и происходили из подмосковного города Рузы³.

Из этого перечня ясно, что к моменту составления списка род Рылеевых был уже в достаточной степени разветвлен – следовательно, начало его следует искать во временах, предшествовавших опричнине. Согласно сведениям краеведа А.А.Григорова, та ветвь рода, к которой принадлежал Кондратий Рылеев, обосновалась в Костромской губернии и владела под Костромой большим имением Охлябнино (Ахлебнино). Дед поэта, Андрей Федорович Рылеев, служил в Преображенском полку «бомбардирской роты бомбардиром» и в 1749 году был «за болезнью от полковой и гарнизонной службы отставлен вовсе». За службу он получил «армейских полков подпорутской» чин и был отпущен в свой дом в Охлябнино с тем, чтобы «во оном доме жить ему свободно и к делам ни к каким его не определять»⁴. По-видимому, отставка была связана с рождением его сына Федора, который, согласно документам, происходил «из российских дворян Костромского наместничества Галицкой округи»⁵. Андрей Рылеев был жив в 1784 году, и за ним числилось «мужеска пола 15 душ»⁶.

² *Записки князя Петра Долгорукова*. СПб., 2007. С.186.

³ *Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVII в.* М.; Л., 1950. С.176, 390.

⁴ *Григорев А.А. Из истории костромского дворянства*. Кострома, 1993. С.233–235; 232.

⁵ *Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА)*. Ф.489. Оп.1. Д.2043. Л.1 об.

⁶ *Российский государственный исторический архив (далее – РГИА)*. Ф.1280. Оп.2. Д.19. Л.400.

Конец XVIII века, эпоха Екатерины II, – время наивысшего расцвета этого рода. Рылевы отличились, прежде всего, в военной службе, снижали благоволение и покровительство великого Суворова, Потемкина и самой императрицы. Так, например, военным историкам известен сподвижник Суворова, майор, а затем подполковник Санкт-Петербургского карабинерного полка Иван Рылеев. Он был ценим и любим Суворовым, в 1771 году много раз отличался в сражениях с польской Барской конфедерацией, в известной битве при Столовичах командовал всей русской кавалерией. Затем – опять-таки вместе с Суворовым – Иван Рылеев принял участие в разгроме пугачевского восстания. Именно подполковник Рылеев нанес поражение отряду Салавата Юлаева – «с башкирцем Салаваткою имел преждеостокое сражение»⁷. Суворов отзывался о нем как о дельном офицере и человеке «неустрасимой храбрости»⁸. Степень родства Ивана Рылеева с поэтом-декабристом установить не удалось, но, по-видимому, он был знаком с отцом поэта, тоже воевавшим против польских конфедератов.

Однако точно известно, что Кондратий Рылеев был знаком с семьей другого своего родственника, Никиты Ивановича Рылеева (1749–1808). Никита Иванович был главной среди Рылеевых знаменитостью конца XVIII века.

Суворов, хорошо его знавший, выражал в письмах опасение, чтобы его не «поровняли» с Рылевым⁹. Екатерининский вельможа, с 1780-х годов петербургский обер-полицмейстер, а с 1793 года столичный гражданский губернатор, на этих высоких должностях он снискал себе славу человека неумного и недаленовидного. О глупости Никиты Рылеева в свете ходило множество легенд. Мемуаристы сообщают, в частности, о его приказе: «Объявить всем хозяевам домов с подпискою, чтобы они заблаговременно, и именно за три дня, извещали полицию, у кого в доме имеет быть пожар»¹⁰. В воспоминаниях рассказывается и о том, как «у императрицы Екатерины околела любимая собака Томсон. Она просила графа Брюса распорядиться, чтобы с собаки содрали шку-

---

⁷ Николаенко А. *Вождь башкирского народа, пугачевский бригадир Салават Юлаев* // *Исторический журнал*. 1940. №11. С.84–85.

⁸ *Цит. по: Плестерер Л. История 62-го Суздальского генералиссимуса князя Италийского, графа Суворова-Рымникского полка. Белосток, 1902. Т.2. С.108.*

⁹ *Суворов А.В. Письма. М., 1986. С.218.*

¹⁰ *Записки Александра Михайловича Тургенева* // *Русская старина*. 1887. №1. С.92.

ру и сделали бы чучелу. Граф Брюс приказал об этом Никите Ивановичу Рылееву. Рылеев был не из умных; он отправился к богатому и известному в то время банкиру по фамилии Томпсон и передал ему волю императрицы. Тот, понятно, не согласился и требовал от Рылеева, чтобы тот разулал и объяснил ему. Тогда только эту путаницу разобрали»¹¹. Подобных рассказов о Рылееве – множество, и вполне возможно, что большая часть из них – плод позднейшей выдумки.

Но выдумка эта не могла появиться на пустом месте, очевидно, что она отражала реальную репутацию обер-полицмейстера в придворных кругах. Согласно «Памятным запискам» А.В.Храповицкого, Екатерина говорила о своем чиновнике: «Полевые офицеры... ежели малый рассудок имеют, то от практики делаются способными быть обер-полицмейстерами, но здешний *сам дурак*»¹².

Стоит отметить, что в 1790 году именно Рылеев разрешил к печати радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву», не разобравшись в содержании этой книги. Естественно, после начала следствия против автора «богомерзкого сочинения» у обер-полицмейстера были неприятности. Однако на его карьере они серьезно не отразились. Государыня любила Рылеева: несмотря на свою глупость, он никогда не имел и мысли действовать против ее воли, по первому приказу был готов искоренять крамолу всеми доступными ему средствами. Дух эпохи, воинственный и в то же время домашне-протекционистский, допускавший «дурь» и «чужачество» как норму жизни, вполне воплотился в биографии этого близкого родственника будущего декабриста.

Из сохранившихся писем Кондратия Рылеева выясняется, что он был близко знаком с «г-ном Прево» и его женой, Елизаветой Никитичной¹³.

Елизавета Рылеева, дочь Никиты Ивановича, в замужестве Прево де Люмиан, в юности была фрейлиной Марии Федоровны – тогда еще великой княгини. Точную степень ее родства с будущим декабристом установить не удалось, однако известно, что, как и отец Рылеева, происходила она из Костромской губернии¹⁴. Выпускница Смольного института, она была однокурсницей и подругой «Суворочки», любимой дочери Суворова Натальи. Елизавета Никитична упоминается в письмах

¹¹ Из старой Соймоновской записной книжки // Русский архив. 1904. №3. С.538.

¹² Храповицкий А.В. Памятные записки. М., 1862. С.232

¹³ Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1934. С.433, 434.

¹⁴ Григоров А.А. Указ. соч. С.236–239.

Суворова; в письме от 6 августа 1791 г. встречаем «клавикорды», на которых Наталья Суворова играла вместе со своей подругой¹⁵.

В письмах Суворова много раз упоминается муж Елизаветы Никитичны, Августин (в России – Иван Иванович) Прево де Люмиан (1758–1822). Прево, французский подданный, перешел на русскую службу в 1788 году, служил по инженерной части и в 1793 году стал генерал-майором. По-видимому, он был приятелем и доверенным лицом Суворова; по крайней мере, точно известно, что их связывало боевое товарищество. Недаром Павел I в сентябре 1798 года прислал Прево в Кончанское, имение опального полководца, чтобы узнать мнение последнего о правилах ведения войны с французами. Свои соображения на этот счет Суворов изложил Прево де Люмиану, а тот записал на бумагу, и в таком виде они дошли до нас¹⁶.

Прево де Люмиан был известным масоном, членом более десяти масонских «мастерских»¹⁷, в том числе ложи Астреи и Капитула Феникса – главных, «управляющих» лож в России начала XIX века. Он был одним из руководителей ложи *Amis reunis* (Соединенных друзей) – той самой, в которой началась масонская карьера будущего руководителя Южного общества П.И.Пестеля. По-видимому, Прево хорошо знал Пестеля по совместной масонской деятельности.

Впрочем, по характеру муж родственницы Кондратия Рылеева был человеком добрым и веселым. Ф.Ф.Вигель характеризовал его следующим образом: «Прево де-Люмиан, Иван Иванович <...> настоящий осел из южной Франции, ко всеобщему удивлению, в русской службе достиг до чина генерал-майора, и что удивительнее — по артиллерии, что и еще удивительнее, при Екатерине. Мужик добрый, не спесивый <...> Прево и все прочие были народ веселый, гульливый»¹⁸.

* * *

Семьи Никиты Рылеева и Прево де Люмиана входили в столичный высший свет; в кругу их знакомых были многие выдающиеся личности эпохи. И естественно, что, общаясь с родственниками, будущий декаб-

---

¹⁵ Суворов А.В. Указ. соч. С.215.

¹⁶ Там же. С.324–325.

¹⁷ Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С.665.

¹⁸ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2003. Кн.2. С.828.

рист не мог избежать знакомств и связей в этом кругу. Нельзя исключить, что именно Прево де Люмиан привил Кондратию Рылееву интерес к масонству: в начале 1820-х годов он вступил в члены ложи «Пламенеющей Звезды», в которой активно работал до 1822 г., времени закрытия масонских лож в России. Среди же знакомых Рылеева по этой ложе – воспитатель сына Суворова Аркадия, а затем инспектор классов в Пажеском корпусе К.И.Оде де Сион, генерал-лейтенант и сенатор А.Е.Кушелев, множество столичных купцов¹⁹.

По-видимому, общение с семьей Прево де Люмиана дало Рылееву возможность обзавестись и некоторыми литературными знакомствами. В мартовском номере журнала «Невский зритель» за 1821 год он анонимно опубликовал стихотворение «Переводчику Андромахи», адресованное известному графоману графу Д.И.Хвостову. По форме это стихотворение представляет собою панегирик «переводчику Андромахи»:

*Пусть современники красот не постигают,
Которыми везде твои стихи блестят;
Пусть от зависти их даже не читают
И им забвением грозят! <...>
Так, так; твои стихотворенья
В потомстве будут все читать
И слезы сожаленья
На мавзолей твой проливать.*

Однако по сути это стихотворение является завуалированной издевкой – Рылеев и не думал скрывать это. Согласно мемуарной записи адресата стихотворения, Рылеев в частном разговоре прямо сказал ему, что «пошутил»²⁰.

Хвостов был, как известно, объектом насмешек многих литераторов 1820-х годов: смеяться над его графоманскими сочинениями было достаточно традиционным занятием. Однако Рылеев в начале 1821 года еще только входил в столичные литературные круги. Хвостов же, несмотря на свою одиозную репутацию, имел устойчивые связи в журналах, был сенатором. «Шутить» по адресу Хвостова Рылееву было явно не по чину.

Но, по-видимому, связи Рылеева с Хвостовым литературой не исчерпывались. Хвостов, секретарь Суворова, женатый на племяннице

---

¹⁹ Серков А.И. Указ. соч. С.1086–1089.

²⁰ Русская старина. 1892. №8. С.412.

полководца, был хорошо знаком с семьей Никиты Рылеева – это следует из суворовских писем. Вполне возможно, что «шутка» в данном случае была приватной, семейной, поскольку следствием ее вовсе не стала публичная обида Хвостова на Рылеева. Более того, два года спустя Хвостов с удовольствием будет печататься в рылеевской «Полярной Звезде».

II. Родители

О родителях Кондратия Рылеева до настоящего времени было известно крайне мало.

Источником сведений об отце поэта была книга В.И.Маслова «Литературная деятельность К.Ф.Рылеева». Основываясь на документах, автор сообщал, что «подполковник Федор Андреевич Рылеев, за приведение в исправность 2-го Эстляндского Егерского батальона и за мужественную атаку под начальством генерал-майора Денисьева шведского корпуса, пожалован был императрицей Екатериной II кавалером ордена Св. Владимира 4-й степени. Оставив военную службу, он управлял имениями княгини Варвары Васильевны Голицыной и вел здесь дела, по видимому, не вполне удачно, так как после его смерти (1814) владелица заявила в Киевский поветовый суд претензию на его имущество в Киеве, которое и было описано в присутствии члена суда. Долгое время длилась эта тяжба и закончилась только в 1838 г. в пользу наследников Ф.А.Рылеева»²¹. Последующие биографы Рылеева пользовались в основном сведениями Маслова.

В данном случае сведения эти вполне подтверждаются документами. Но Маслов не ставил задачи подробно описать биографию Федора Рылеева и потому говорил об отце поэта схематично. Между тем, чтобы понять, в чем именно заключалась трагедия семьи Рылеевых в начале 1800-х годов, следует подробно рассмотреть его биографию.

Как и его родственники, Иван и Никита, Федор Андреевич Рылеев был человеком екатерининской эпохи. Точную дату рождения установить не удалось, но, вероятно, Федор Андреевич родился в середине 1740-х годов. К 1795 году, времени рождения сына Кондратия, крестьян у него не было. Очевидно, доставшееся в наследство имение Охлябнино было уже промотано: в 1807 году жена писала ему с укоризной, что

---

²¹ Маслов В.И. *Литературная деятельность К.Ф.Рылеева*. Киев, 1912. С.57–58.

детям своим он «не оставил ни мальчика, ни девки, а все продал спустя руки»²².

Подобно своим родственникам, Федор Рылеев хорошо знал Суворова: службу он начал в 1766 году подпрапорщиком в Суздальском пехотном полку, которым Суворов командовал. Воевал с польскими конфедератами, «в действительных с неприятелем сражениях, при осадах, блокадах и штурмовании крепостей, из коих под замком Краковским во время приступа ранен, и потом во всех тех движениях и форсированных маршах, где только Суздальский пехотный полк был под командою бывшего бригадиром и генерал-майором, что ныне генерал-аншеф и кавалер, графа Александра Васильевича Суворова-Рымнического, безотлучно находился»²³.

Однако документы свидетельствуют: несмотря на участие в боевых действиях, на рану, полученную в результате неудачного штурма Краковского замка в 1772 году, офицером в Суздальском полку он так и не стал. Очевидно, что он не входил в число любимцев ни Суворова, ни сменившего его в должности полкового командира полковника В.В.Штакельберга.

Первый офицерский чин – чин корнета – Федор Рылеев получил в 1773 году, перейдя в Нарвский пехотный полк. Затем была десятилетняя гарнизонная служба, чин поручика и должность полкового квартирмейстера. Однако и в Нарвском полку значительной карьеры он тоже не сумел сделать.

Фортуна улыбнулась Федору Рылееву лишь в начале 1880-х годов: ему удалось каким-то образом обратить на себя внимание Григория Потемкина, тогда президента Военной коллегии. По-видимому, в данном случае не обошлось без вмешательства влиятельного родственника, Никиты Рылеева, как раз в 1784 году ставшего бригадиром и назначенного санкт-петербургским обер-полицмейстером²⁴.

Потемкин передал государыне «челобитную» Федора Рылеева с просьбой освободить его от полевой службы по болезни. Следствием этой челобитной стал высочайший указ от 30 октября 1784 г.: «Полкового квартирмейстера Рылеева по прошению его за имеющейся засвидетельствованной по аттестату лекарскому болезни, из полевой службы

---

²² Цит. по: Рылеев К.Ф. Сочинения. Л., 1987. С.264.

²³ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.2043. Л.2.

²⁴ Руководители Санкт-Петербурга / Под ред. А.Л.Бауман. СПб.; М., 2003. С.186.

уволить по достоинству с награждением капитанского чина, и по собственному его желанию определить в Санкт-Петербургские гарнизонные батальоны с тем, буде в оных капитанской вакансии ныне нет, то до последующей состоять ему сверх комплекта на своем содержании, чего ради и определить его к новой команде по надлежащему, где ему на новый чин и учинить присягу»²⁵.

Однако в капитанах Рылеев долго не задержался: через 5 месяцев, 13 марта 1785 г., последовал еще один указ Екатерины: «На место произведенного сего марта 10 дня оной (Военной. – А.Г., О.К.) коллегии из экзекуторов в полевые полки подполковника Андрея Дурасова, по признанной способности, в штаб коллегии в экзекуторы произвести Санкт-Петербургских гарнизонных батальонов капитана Федора Рылеева». При этом назначении Рылеев стал премьер-майором, минуя секунд-майорский чин²⁶.

В Петербурге Федор Рылеев прослужил пять лет; по-видимому, это были счастливые для него годы. Он вошел в светские круги столицы, разделял охвативший российскую аристократию интерес к масонству. В 1880-х годах он член двух масонских лож: Конкордии и Соединенных братьев. В обеих ложах ему удалось достичь достаточно высокой степени наместного мастера; во второй из них он числился также мастером стула²⁷.

Вообще высшее военное руководство ценило Федора Рылеева, о чем красноречиво свидетельствует его назначение в 1788 году командиром 2-го батальона в Эстляндском егерском корпусе²⁸.

Введение в российской армии егерских подразделений, т.е. подразделений легкой пехоты, – одна из важнейших военных реформ Екатерины II. С конца 1760-х годов егерские команды возникли при дивизиях и полках, создание таких подразделений курировала сама императрица, и горячо поддерживали Потемкин, Румянцев и Суворов. Потом, в конце 1780-х годов, стали создаваться состоящие из батальонов отдельные егерские корпуса: Кубанский, Екатеринославский, Малороссийский, Кавказский, Таврический, Бугский, Финляндский, Лифляндский. Эст-

---

²⁵ РГИА. Ф.1280. Оп.2. Д.19. Л.400–400 об.

²⁶ Там же. Л.399–399 об.

²⁷ Серков А.И. Указ. соч. С.719, 964, 971.

²⁸ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.2043. Л.1 об.

ляндский егерский корпус был создан 24 августа 1788 года²⁹. К подбору офицеров для егерских корпусов Екатерина подходила весьма тщательно, требуя назначать в корпуса особо расторопных офицеров, отличавшихся «искусным военным примечанием»³⁰.

14 июня 1788 г. Федор Рылеев, признанный годным для службы в егерях, «за отличные труды, при коллегии понесенные, произведен подполковником»³¹. Вскоре он отправился к новому месту службы. Командование батальоном в Эстляндском егерском корпусе – самая яркая страница военной биографии отца поэта.

Фактически батальон в егерском корпусе был равен пехотному полку: он делился на 6 рот, численность солдат в нем была немногим меньше тысячи человек. Со своим батальоном Федор Рылеев прошел русско-шведскую войну 1780-х годов. Война со шведами в основном шла на море, но и на суше было несколько известных сражений. В частности, в апреле 1790 г. русские потерпели от короля Густава III поражение под Пардакоски. В этом проигранном сражении участвовал и Федор Рылеев, чей егерский батальон действовал в отряде генерал-майора Ф.П.Денисова, знаменитого графа-казака. Согласно формулярному списку Рылеева, 18 апреля он «четырьмя ротами сражался с превосходными неприятельскими силами и, наконец, составляя с егерями тыл ретирующемуся нашему войску, не допустил неприятеля себя преследовать, а 24 того же года и месяца, упредя все войски сии, с батальоном, ему порученным, поспел весьма благовременно и [у] деревни Саренде атаковал корпус войск шведских, королем предводимый, сбил оный и преследовал до деревни Матеталь»³².

За мужество в этих сражениях подполковник Рылеев был удостоен ордена. В рескрипте Екатерины II, данном в Царском Селе 29 апреля 1790 г., читаем:

«Нашему подполковнику Рылееву.

Усердная ваша служба, труды в приведение в исправность второго Эстляндского егерского батальона, добрая воля и мужество, оказанные вами при атаке войском нашим под начальством генерал-майора

---

²⁹ *Подробнее о егерских корпусах времен Екатерины II см.: Дубровин Н.Ф. А.В.Суворов среди преобразователей екатерининской армии. СПб., 1886.*

³⁰ *Цит. по: Там же. С.47.*

³¹ *РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.2043. Л.1 об.*

³² *Там же. Л.2.*

Денисова корпуса неприятельского, королем шведским предводимо-го, обращают на себя Наше внимание и милости. В изъявление оных Мы всемилостивейшее пожаловали вас кавалером ордена Нашего Святого Равноапостольного князя Владимира четвертой степени, которого знак при сем доставляя, повелеваем вам возложить на себя и носить установленным порядком. Удостоверены Мы совершенно, что вы, получа сие со стороны Нашей ободрение, потщитесь продолжением службы вашей вящее удостоиться монаршего Нашего благоволения»³³.

Федор Рылеев действительно «потщился» оправдать монаршее доверие – и следующей кампанией стала для него война с Польшей, в ходе которой он вновь оказался под началом Суворова. Очевидно, отец декабриста действительно был дельным офицером, каких, в общем, было не так уж много. Монаршую благодарность он заслужил, в частности, тем, что «был с батальоном во многих движениях и делал форсированные марши, поспевал всегда благовременно на отражение неприятеля в повеленные места». За это, а также за «оказанную им храбрость в сражении под Миром» 31 мая 1792 г. «был яко отличившийся рекомендован и получил всемилостивейшее пожалованную золотую шпагу»³⁴.

Точная дата выхода Федора Рылеева в отставку неизвестна, однако вряд ли он остался на службе после 1796 г., времени вступления на престол императора Павла I и расформирования Эстляндского егерского корпуса. Нетрудно предположить, что конец екатерининской эпохи оказался и концом его офицерской карьеры.

* * *

О жене Федора Рылеева, Анастасии Матвеевне, урожденной Эссен, сведений практически не сохранилось. Неизвестен год ее рождения – более того, он был неизвестен даже ее сыну Кондратию. Она умерла в 1823 году, была похоронена на кладбище в селе Рождествено Гатчинского уезда Санкт-Петербургской губернии, над ее могилой сын поставил памятник, который сохранился до наших дней. Однако год рождения на памятнике указан следующим образом: «175». Очевидно, что возраст матери так и остался для сына загадкой.

---

³³ Фотокопия указа: Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. Вклейка между страницами 846 и 847.

³⁴ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.2043. Л.2.

На памятнике Анастасии Рылеевой ее сын приказал выбить фразу: «Мир праху твоему, женщина добродетельная». О «добродетельности» матери декабриста, о ее несчастной семейной жизни повествует в мемуарах Дмитрий Кропотков, внук ее близкой подруги, известный историк. Кропотков пишет: «Отец Рылеева, бригадир екатерининского времени, был человек суровый, крутой и властолюбивый в высшей степени. От его непреклонной воли терпели все домашние, не исключая и членов его семейства. Кондратий Рылеев <...> терпел от отца едва ли не более всех. За неуспех в науках или за малейшую детскую шалость отец сек его лозою нещадно. Впрочем, снисхождения он не имел даже к матери его, Настасье Матвеевне, с которою обходился весьма дурно. В бытность мою с Натальей Михайловной Рылеевой (женой К.Ф.Рылеева. – А.Г., О.К.) в деревне Батовой, она мне показывала погреб, в который этот жестокосердный человек запирали мать Рылеева, женщину добродетельную и весьма умную»³⁵.

И редкий из исследователей биографии Рылеева не повторил истории про погреб, жестокого отца, несчастную мать и тяжелое детство декабриста. Так, Н.А.Котляревский, основываясь на мемуарах Кропоткова, утверждал: «Мирного, счастливого детства Рылеев не знал. Детская его жизнь в семье была омрачена отсутствием отцовской любви и постоянным страхом и грустью при виде терпеливой и пугливой заботливости о нем матери»³⁶. Ему вторил В.И.Маслов: «Первые впечатления детства не оставили светлых воспоминаний в душе ребенка (Кондратия Рылеева. – А.Г., О.К.). Отец его был человек крутой и до крайности властолюбивый: он жестоко обращался с крестьянами и дворовыми, не менее суров был и со своей семьей: жену <...> он нередко запирали в погреб, сына за малейшие шалости наказывал розгами»³⁷.

Эти сведения о семье Рылеева подтверждали и советские исследователи. Согласно А.Г.Цейтлину, отец поэта «был суров и в высшей степени расчетлив, мать – добра и мягкосердечна»³⁸. В новейшей биографии Рылеева С.А.Фомичев также утверждает, что отец Рылеева «отличался

---

³⁵ Кропотков Д.А. Несколько сведений о Рылееве // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. Т.2. С.8.

³⁶ Котляревский Н.А. Рылеев. СПб., 1908. С.10.

³⁷ Маслов В.И. Литературная деятельность К.Ф.Рылеева. С.58.

³⁸ Цейтлин А.Г. Творчество Рылеева. М., 1955. С.19.

крутым нравом, был жесток с женой»³⁹. Все биографы единодушно указывают, что родители Рылеева не жили вместе: отец уехал в Киев, где и скончался в 1814 году, мать же до самой своей смерти в 1823 году жила в собственном имении Батове под Петербургом.

Исследователи правы: детство поэта было омрачено тяжелой семейной трагедией. Но в чем причины этой трагедии, какие события ей предшествовали, до сих пор оставалось невыясненным.

Между тем документы рисуют Федора Андреевича добродушным гулякой и мотом, который «не сохранил и супружеской верности», «кимел... целый гарем», и следствием этой гульбы было рождение у него дочери Анны, которую Анастасия Матвеевна «приняла на воспитание... и любила... как свое собственное дитя»⁴⁰. Конечно, Федор Рылеев не был образцом семейных добродетелей. Но от содержания «гарема» до физических издевательств над собственной женой и сыном, конечно же, очень далеко.

Более того, в 1912 году Маслов опубликовал два письма родителей Рылеева. Письма эти написаны в 1810-х годах, когда Кондратий Рылеев уже учился в кадетском корпусе, а его родители давно не жили вместе. Федор Андреевич называет жену «милой Настенькой», спрашивает, куда ему следует переслать для нее денег. Рылеев благодарит жену за воспитание дочери Анны в следующих выражениях: «Благодаря милосердного Бога! радуюсь душевно, что ты, милая моя другиня, здорова! молю всевышнего Спасителя! да продлит дни твои и здравие... О всевидящий Боже! Тебе отверзта вся внутренность сердца и души, сколько исполнены они чувствованиями благодарности к другу и жене»⁴¹.

Тональность же послания Анастасии Рылеевой совершенно другая: она в резкой форме отказывается выслать мужу требуемые книги. Жена объясняла мужу, что желает оставить их «сыну нашему от тебя»⁴².

Конечно, на основании только двух случайно сохранившихся писем сделать вывод о том, кто был виноват в семейной трагедии, достаточно

---

³⁹ Фомичев С.А. Рылеев // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т.5. С.405–406.

⁴⁰ Анонимная записка о Рылееве // Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф.423. Оп.1. Д.43. Л.1 об.–2.

⁴¹ Маслов В.И. Литературная деятельность К.Ф.Рылеева. С.116.

⁴² Там же. С.115.

сложно. Однако некоторый свет на причины этой трагедии проливает история жизни еще одного родственника Рылеева – Петра Федоровича Малютина.

III. Благодетель: Петр Малютин

Большинство исследователей, начиная с В.И.Маслова и заканчивая П.О'Марой, утверждали, что Кондратий Рылеев появился на свет в деревне Батово Софийского уезда Санкт-Петербургской губернии⁴³. Однако, как совершенно справедливо заметил еще в 1951 году В.Нечаев, эта версия не выдерживает критики. Имени досталось матери Рылеева в январе 1800 года, через пять лет после рождения сына⁴⁴.

Стела в деревне Батово Гатчинского района Ленинградской области –
имени матери К.Ф.Рылеева

В фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга хранятся подлинники купчих на Батово: «Лета тысяча осмисотого генваря в шестой надесять день генерал-майор и кавалер Петр Федоров сын Малютин, в роде своем не последний, продал я от-

⁴³ Там же. С.58; О'Мара П. Указ. соч. С.49.

⁴⁴ См.: Нечаев В. Батово, усадьба Рылеева // Звенья. М., 1951. Т.9. С.194.

ставного подполковника Федора Андреева сына Рылеева жене Настасье Матвеевой дочери собственное свое недвижимое имение, всемилостивейше пожалованное мне в тысяча семьсот девяносто шестом годе по именному его императорского величества высочайшему указу в вечное и потомственное владение, состоящее в Санкт-петербургской губернии Софийского уезда в деревне Батове писанных по нынешней пятой ревизии крестьян мужеска пола двенадцать душ... а взял я, Малютин, у нее, Рылеевой, за то свое недвижимое имение со всем означенным денег серебрянною монетою тысячу пятьсот рублей». Такая же купчая, датированная 16 января, подписана «отставной благородных девиц инспектрисой» Марьей Дешамп; она получила от Анастасии Рылеевой «денег серебрянною монетою три тысячи четыреста рублей»⁴⁵.

Однако покупка Батова, скорее всего, была номинальной: денег на покупку имения ни у Федора Рылеева, ни у его жены не было. По-видимому, Малютин не только подарил матери поэта свою часть Батова, но и дал ей денег для покупки оставшейся части у инспектрисы Дешамп. В письмах Анастасия Матвеевна называла Малютина «благодетелем», который «дал ей кусок хлеба»⁴⁶, а Батово именovala «Петродаром» и «мызой Петро-дар» не только в письмах, но и в официальных документах⁴⁷.

Вообще Петр Малютин – личность загадочная и, по-видимому, для семьи Рылеевых роковая. Исследователи биографии и творчества поэта-декабриста не могут пройти мимо этого человека. Однако до сего момента ничего конкретного ни о нем самом, ни о его взаимоотношениях с Рылеевыми сказано не было – за исключением уклончивого замечания В.Нечаева, что именно с Малютиным могла быть связана трагедия этой семьи⁴⁸. Исследователи единодушно отмечают, что Малютин приходился Рылеевым родственником. Но даже степень этого родства до сих пор определить не удалось.

Между тем Катерина Ивановна Малютина, жена, а затем вдова генерала, письма к Кондратию Рылееву подписывала следующим образом:

---

⁴⁵ *Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф.268. Оп.2. Д.530. Л.53–56 об.*

⁴⁶ *Нечаев В. Указ. соч. С.195–196.*

⁴⁷ *Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (далее – РО РНБ). Ф.423 (Лбовский А.Н.). Д.1427. Л.1.*

⁴⁸ *Нечаев В. Указ. соч. С.195–196.*

«сестра ваша К.Малютина»⁴⁹, Анастасию Матвеевну она называла «тетушкой»⁵⁰. Конечно, Катерина Малютина никоим образом сестрой поэту и племянницей его матери не была; в момент дарения Батова она не была даже и женой генерала. Но официальные документы указывают более точную степень ее родства с декабристом: в деловых бумагах 1826 года жена Рылеева Наталья Михайловна официально именуется Катерину Малютину «невесткой» своего мужа, и в данном случае под «невесткой» следует понимать жену брата⁵¹.

Дополнительный свет на родство Малютина с Рылеевыми проливают материалы следствия по делу декабристов: в восстании 14 декабря 1825 г. оказался замешанным Михаил Петрович Малютин, сын генерала. В показаниях Следственной комиссии он утверждал: к тайному обществу он не принадлежал, но «накануне происшествия, быв у *дяди моего* (здесь и далее курсив наш. – А.Г., О.К.) Рылеева», услышал от него просьбу не присягать Николаю I и отговаривать солдат от этой присяги. В день восстания Михаил Малютин пытался действовать в соответствии с этими словами, «будучи уверен в истине слов того, которому я привык слепо повиноваться, да и мог ли я предполагать, чтобы человек, обязанный семейством, для достижения своей цели захотел пожертвовать собою или *племянником*»⁵².

Все известные на сегодняшний день документы, как официальные, так и семейные, говорят об одном: Петр Федорович Малютин и Кондратий Федорович Рылеев были братьями. При этом Анастасия Матвеевна матерью Малютина быть не могла, ибо о возможном ее первом замужестве никаких сведений нет, а в письмах она уважительно называла его «Петром Федоровичем». Именно *своим* родственником официально именовал Малютина Федор Андреевич. Скорее всего, Малютин, подобно Анне Федоровне, был побочным ребенком Рылеева-отца. Однако сына, в отличие от дочери, он не признал законным.

Согласно скудным данным формулярного списка, Малютин родился в 1773 году⁵³. Несмотря на то, что первые годы его жизни и службы про-

⁴⁹ РГАЛИ. Ф.423. Оп.1. Д.37. Л.9.

⁵⁰ Рылеев К.Ф. Сочинения. С.291.

⁵¹ РГАЛИ. Ф.423. Оп.1. Д.61. Л. 33 об.

⁵² Восстание декабристов. Документы и материалы (далее – ВД). М., 2008. Т.21. С.74–75.

⁵³ По другим данным – в 1771 году. Послужной список П.Ф.Малютина см.: РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.1281. Л.1, 86 об.; Ф.385. Оп.1. Д.1. Л.623.

шли в царствование Екатерины II, брат Рылеева человеком екатерининской эпохи не был. Более того, он принадлежал эпохе, резко противопоставлявшей себя екатерининской, – эпохе Павла I. С юных лет, буквально с детства, он служил в гатчинских войсках цесаревича Павла Петровича, воспитывался среди тех, кого после назовут «причниками» павловского царствования⁵⁴.

О гатчинских офицерах написаны сотни страниц мемуаров, статей и монографий. Характеризуя гатчинцев, екатерининский гвардеец князь А.Г.Щербатов утверждал: «Офицеры сего войска вообще были без всякого образования и воспитания, многие, выгоняемые из полков армии и не находя нигде места, являлись в Гатчину, где принимаемы были без затруднения, из сего можно судить, каков был корпус сих офицеров»⁵⁵. Ему вторил известный мемуарист Ф.Ф.Вигель: «Это были по большей части люди грубые, совсем необразованные, сор нашей армии: выгнанные из полков за дурное поведение, пьянство или трусость, эти люди находили убежище в гатчинских батальонах и там, добровольно обратясь в машины, без всякого неудовольствия переносили всякий день от наследника брань, а может быть, иногда и побои»⁵⁶.

Отзывы о гатчинцах как о людях «низкого» происхождения, плохо образованных, жестоких, можно найти во многих других документах эпохи. Скорее всего, эти отзывы преувеличены; не исключено, что подобные слухи специально распространялись Екатериной II, не любившей и боявшейся своего сына-наследника.

Однако в отзывах этих следует признать и долю правды: тяжелейшая служба, каждодневная многочасовая муштра, маленькое жалованье, а также тот факт, что войска цесаревича не были официально признаны Екатериной, – развивали в офицерах ощущение маргинальности в военном мире. Но для многих гатчинцев служба при цесаревиче Павле была единственным способом выйти в люди. И если бы Малютин не попал в Гатчину, ему пришлось бы мириться с незавидной участью незаконнорожденного, вынужденного доказывать свое дворянство и не имевшего практически никаких карьерных перспектив.

Службу побочный сын Федора Рылеева начинал, подобно отцу, с нижних чинов. В октябре 1785 года, 12-ти лет от роду, он стал капра-

---

⁵⁴ Шильдер Н.К. *Император Павел I. М.*, 1996. С.225.

⁵⁵ Щербатов А.Г. *Мои воспоминания. СПб.*, 2006. С.36.

⁵⁶ Вигель Ф.Ф. *Указ. соч. М.*, 2003. Кн.1. С.85.

лом. Мы не знаем, что делал Малютин первые два с половиной года своей службы. Возможно, он учился в одной из гарнизонных школ, основанных еще в 1721 году для солдатских детей и детей-сирот. Возможно также, что он исполнял реальные солдатские обязанности. Зато точно известно, что числился Малютин во 2-м флотском батальоне – одном из тех, которые подчинялись цесаревичу Павлу как генерал-адмиралу и входили в состав гатчинских войск. С 1 января 1788 года Малютин уже официально состоял «в службе Его высочества»⁵⁷. В мае того же года он получает первый офицерский чин – подпоручика. В 1788, 1789 и 1790 годах юный подпоручик участвовал «в компании в Балтийском море и находился против шведов в сражениях».

После окончания войны со шведами в жизни Малютина происходит крутой перелом. В 1792 году он поручик, в 1793-м становится капитаном, а затем, практически сразу же, секунд-майором. Очевидно, именно в начале 90-х годов Павел заметил и приблизил к себе талантливого офицера. По-видимому, Малютин был дельным офицером. Современник вспоминает: «В фронтовом деле он был величайший мастер; за то все ему прощалось»⁵⁸. Можно утверждать, что он умел ладить не только с наследником престола, но и с окружавшими его людьми. С конца 1793 по 1795 год он, например, служил в батальоне, которым командовал премьер-майор Федор Эртель, сделавший впоследствии незаурядную полицейскую карьеру⁵⁹. Имя Эртеля наводило страх на современников: они утверждали, что этот немец-гатчинец «был весь составлен из капральской точности и полицейских хитростей», распространял вокруг себя «ужас невидимой гибели»⁶⁰. Но Малютина Эртель любил и продвигал по службе.

Доверял Малютину и Алексей Аракчеев – впоследствии грозный «временщик» александровского царствия, игравший в Гатчине одну из ключевых ролей. Среди приказов Аракчеева – инспектора гатчинской пехоты – можно встретить, например, следующий: «Во время отсутствия моего из Гатчины иметь смотрение вместо меня за всем майору Малютину, к которому и подавать рапорт плац-адъютанту»⁶¹.

---

⁵⁷ РГВИА. Ф.385. Оп.1. Д.13. Л.49 об.

⁵⁸ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Кн.1. С.86.

⁵⁹ РГВИА. Ф.385. Оп.1. Д.11. Л.44, 46, 273.

⁶⁰ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Кн.1. С.157–158.

⁶¹ Приказ от 5 мая 1796 г. // РГВИА. Ф.385. Оп.1. Д.13. Л.1.

В итоге Малютин сделал блестящую – естественно, по «гатчинским» меркам – карьеру: стал командиром 5-го мушкетерского батальона, образованного в начале 1796 года⁶². Стоит учесть, что другими пехотными батальонами в Гатчине командовали сам цесаревич Павел, его сыновья Александр и Константин, а также полковник Аракчеев⁶³.

7 ноября 1796 г. цесаревич Павел стал императором Павлом I. На Малютину, как и на большинство других гатчинских офицеров, буквально пролился золотой дождь. Безвестный и никому не интересный секунд-майор становится одной из ключевых фигур в гвардейской иерархии. 9 ноября он получает чин подполковника и вместе со своим батальоном переводится в лейб-гвардии Измайловский полк, 10 ноября вместе со всем гатчинским войском торжественно вступает в столицу. А.Г.Щербатов вспоминал, что явление гатчинцев вызвало шок среди гвардейских полков, «наполненных офицерами из первейших фамилий российского только дворянства, хорошо образованных и составляющих по большей части лучшее общество и даже двор императрицы Екатерины». «Сии пришлецы, которые навсегда сохранили название гатчинских офицеров, никогда не смешивались с нами; но они были нашими учителями», – констатировал Щербатов⁶⁴.

4 декабря 1796 г. последовал императорский указ о награждении близких Павлу людей, в том числе и гатчинцев, землями и крепостными «душами». Согласно этому указу, подполковнику Петру Малютину «в вечное и потомственное владение» была пожалована тысяча крепостных; к отдаче были назначены «Санктпетербургской губернии Рождественского уезда Дворцовой Рождественской волости деревни: Ляды, Дамищи, Грязны, Выри, Замостье, Поддубье, Новый Сиверск и Старый Сиверск, да в Батове двенадцать [душ]»⁶⁵.

28 декабря 1796 г. Малютин произведен в полковники, через год стал генерал-майором. 3 июня 1799 г. 26-летний генерал становится командиром лейб-гвардии Измайловского полка⁶⁶, еще полгода спустя –

---

⁶² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.728. Оп.1. Д.280. Л.11.

⁶³ Столетие города Гатчины: В 2 т. / Под ред. С.Рождественского. Гатчина, 1896. Т.1. Исторические сведения. Приложения. С.65–68.

⁶⁴ Щербатов А.Г. Указ. соч. С.36.

⁶⁵ РГИА. Ф.1346. Оп.43. Д.89. Л.4.

⁶⁶ Российская гвардия 1700–1918: Справочник. М., 2005. С.47.

генерал-лейтенантом. К январю 1801 года он – кавалер двух орденов, Святой Анны 1-й степени и Святого Иоанна Иерусалимского. Иными словами, к началу нового века у Малютина было все: молодость, богатство, императорская милость, положение в свете – и, соответственно, почти неограниченные возможности.

После смерти императора Павла и воцарения Александра I карьера генерала не прервалась. При новом государе Малютин возглавлял Украинскую пехотную инспекцию, т.е. начальствовал над всеми расположенными на Украине пехотными частями. Сохраняя должность командира Измайловского полка, он командовал крупными войсковыми соединениями под Аустерлицем и Фридландом; за участие в этих сражениях получал «императорские благоволения» и боевые ордена⁶⁷. 20 мая 1808 года он был награжден орденом Святого Георгия 3-го класса – «в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении против французских войск» при Гейльсберге и Фридланде, «где поступал с отменною неустрашимостью и подавал собою пример подчиненным»⁶⁸.

Вигель вспоминал, что среди гатчинцев были и «чрезвычайно злые» люди, но тут же оговаривался, что эта характеристика не касалась Петра Малютина, с которым мемуарист был знаком. Внезапное возвышение не сделало генерала ни жестоким, ни надменным: Вигель запомнил его как «доброе малое», «с благоговением и стыдом» принимавшего рапорты по службе от увенчанных лаврами екатерининских генералов⁶⁹.

Малютин был благодарным и верным человеком, и об этом знали все окружавшие его люди. Недаром в марте 1801 года, когда гвардейские заговорщики решили убить императора Павла, одной из первоочередных их задач была нейтрализация командира измайловцев. Ибо никто из них не сомневался, что генерал своего императора не предаст, на сторону заговорщиков не встанет и будет вместе с полком серьезным препятствием их замыслам. По одной из версий, накануне цареубийства Малютин был арестован, по другой – его просто напоили⁷⁰.

---

⁶⁷ Висковатов А.В. *Историческое обозрение лейб-гвардии Измайловского полка*. СПб., 1850. С.127–128, 140, 144, 147–148, 155.

⁶⁸ Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. *Именные списки 1769–1920*. М., 2004. С.136.

⁶⁹ Вигель Ф.Ф. *Указ. соч. Кн.1*. С.86.

⁷⁰ См.: Вельяминов-Зернов А.Н. *Записки // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников*. СПб., 1908. С.121, 127; Коцебу А. *Неизданное сочинение об*

Но, поскольку интеллектуальные запросы генерала были минимальными, время, свободное от службы, он использовал единственным доступным ему способом – кутил и всячески прожигал жизнь. Причем кутежи Малютина совсем не были похожи на кутежи Федора Рылеева. Рылеев, при всей его «гульливости», сумел промотать только небольшое отцовское наследство. О кутежах же Малютина в свете ходили легенды.

Так, Вигель писал, что генерал был «гуляка, великий друг роскоши и всяких увеселений, который имел особенное искусство придавать щеголеватость даже безобразному тогдашнему военному костюму»⁷¹. Рассказывая о том, как перед царевубийством 11 марта заговорщики «напоили пьянее обыкновенного» командира Измайловского полка, А.Н.Вельяминов-Зернов отмечает, что Малютин «пропил своего благодетеля»⁷².

«Увеселения» генерала не закончились со смертью Павла – напротив, они приняли гораздо более масштабный характер. Павел, как известно, кутежей не любил, а Александр Павлович, соратник Малютина по службе в Гатчине, относился к ним лояльно. С.П.Жихарев писал: «Генерал-лейтенант Малютин и шеф лейб-гусарского полка Андрей Семенович Кологривов были известные гуляки. В тогдaшнее время о них говорили: "Кто у Малютина пообедает, а у Кологривова поужинает и к утру не умрет, тот два века проживет"»⁷³.

Жихареву вторил Ф.В.Булгарин: «Генерал Малютин, командовавший Измайловским полком, отличался в Петербурге старинным русским хлебосольством, молодечеством и удальством. В Измайловском полку были лучшие песенники и плясуны, и как тогда был обычай держать собственные катера, то малютинский катер был знаменит в Петербурге своим роскошным убранством и удалыми гребцами-песенниками. Вот образчик тогдaшней жизни. Осенью, 1806 года, в пять часов пополудни, отправился я в Измайловские казармы, чтобы навестить, по обещанию, поручика Бибикова. На половине Вознесенского проспекта услышал я звуки русской песни и музыки. У Измайловского моста я нашел такие густые толпы народа, что должен был слезть с дрожек и

императоре Павле I // Там же. С.421.

⁷¹ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Кн.1. С.86.

⁷² Вельяминов-Зернов А.Н. Указ. соч. С.127.

⁷³ Жихарев С.П. Записки современника. М., 2004. С.493.

пробираться пешком. Что же я тут увидел! Возле моста, на Фонтанке, стоял катер генерала Малютина. Он сидел в нем с дамами и несколькими мужчинами, а на мосту находились полковые песенники и музыканты и почти все офицеры измайловского полка, в шинелях и фуражках, с трубками в зубах. Хоры песенников, т.е. гребцы и полковой хор, то сменялись, то пели вместе, а музыканты играли в промежутки. Шампанское лилось рекой в пивные стаканы, и громогласное ура! раздавалось под открытым небом. В самое это время государь император подъехал, на дрожках, с набережной Фонтанки, шагов за пятьдесят от толпы народа, и спросил у полицейского офицера: "Что это значит?" – "Генерал Малютин гулять изволит!" отвечал полицейский офицер, и государь император приказал поворотить лошадь и удалился. Тогда это вовсе не казалось странным, необыкновенным или неприличным. Другие времена, другие нравы! Разумеется, меня схватили под руки и заставили вместе пировать. Часов в восемь вечера, в темноте, почти все мы отправились на катерах, украшенных разноцветными фонарями, на Крестовский остров, с песенниками и музыкой, где на даче, занимаемой генералом Малютиным только для прогулок, приготовлен был ужин. Мы возвратились домой утром"⁷⁴.

Естественно, кутежи стоили генералу больших денег. Уже к 1802 году из 1 000 подаренных Павлом «душ» у него осталось 609⁷⁵. С 1808 года кутить генералу стало еще труднее: он вышел в отставку, причины которой выяснить не удалось. И в августе 1817 г. Кондратий Рылеев с прискорбием констатировал, что «Петр Федорович» «все деревни продал»⁷⁶.

В итоге к 1820 году, моменту смерти генерала, его собственная семья оказалась в нищете.

* * *

Из дошедших до нас эпизодов жизни Малютина можно сделать вывод: он был добрым, храбрым и хлебосольным, но весьма недалеким человеком. Все эти качества генерала в полной мере проявились и в отношениях с семьей его собственного отца – Федора Рылеева. Вряд ли

---

⁷⁴ Булгарин Ф.В. Воспоминания. М., 2001. С.175–176.

⁷⁵ Поступление подушных податей в деревнях генерал-майора Петра Федоровича Малютина // Музей-усадьба «Рождествено». НСФ-54. Л.9 об.–10.

⁷⁶ Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. С.439.

он желал принести этой семье зло; напротив, в отношениях с Рылеевыми он проявлял заботливость и щедрость, но со стороны они выглядели весьма своеобразно.

Хозяйственные документы Малютина 1-й половины 1800 года дают возможность сделать вывод: Федор Рылеев служил у своего сына управляющим. Сохранились четыре письма Рылеева на имя некоего «священного иерея Петра Ивановича», содержание которых однотипно. Федор Рылеев – согласно «полномочию», данному ему его «родственником», – просит «законным браком совокупить» желающих вступить в супружество крестьян из принадлежащих Малютину деревень⁷⁷.

Федор Рылеев исполнял обязанности управляющего не только у Малютина, но и у своей жены Анастасии Матвеевны. В частности, когда в 1802–1803 годах в одном из ближайших к Батову сел реставрировали местную церковь Вознесения Господня, то «по доверенности г-на Малютина и госпожи Рылеевой от мужа ее, господина подполковника Федора Андреевича Рылеева, для ошкентурирования оной церкви» было получено «известки 37 бочек»⁷⁸.

«Женщина добродетельная» сблизилась с Малютиным настолько, что эта близость вышла далеко за рамки светских приличий. За рамками приличий было дарение Батова именно Анастасии Матвеевне, в обход ее мужа. И этот факт вряд ли был случайным: позднейшие письма к матери 1815–1816 годов Кондратий Рылеев будет пересылать в Петербург на имя генерала⁷⁹. Очевидно, что в это время его мать не жила в Батове; она открыто жила в Петербурге, в столичном доме Малютина. Анастасия Рылеева принимала от генерала денежные подарки и называла его не просто «благодетелем», но своим «другом»⁸⁰.

Скорее всего, именно связь Анастасии Матвеевны с Малютиным стала причиной семейной трагедии Рылеевых. Но, даже и учитывая это, вряд ли отставной подполковник запирали жену в погреб в Батове, ибо, согласно документам, в Батове он вообще не жил. Жил Рылеев в соседней деревне Даймище, откуда и исполнял обязанности управляющего⁸¹.

---

⁷⁷ РО РНБ. Ф.423. Д.1427. Л.1–4.

⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф.19. Оп.124. Д.575. Л.15.

⁷⁹ Маслов В.И. Архив К.Ф.Рылеева. СПб., 1910. С.924.

⁸⁰ Цит. по: Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. С.760.

⁸¹ РО РНБ. Ф.423. Д.1427. Л.1–4.

При первой же возможности Федор Рылеев уехал в Киев, где у него была собственная «недвижимость» – «дом старый, состоящий в 1-й части в 1-м квартале по улице Васильковской в смежности с правой стороны киевского мещанина еврея Менделя Сатановского, с левой лабораторной роты рядового Константина Полигсеева»⁸². В Киеве отец поэта принял должность управляющего имениями генерала С.Ф.Голицына. Но и здесь его ждали разочарования и неудачи: он, очевидно, оказался плохим управляющим. Наследники Голицына обвинили Рылеева в плохом управлении имениями, в «неотдаче будто бы им отчета с управления их имениями»⁸³, и завели судебное дело. Суд наложил арест на киевский дом подполковника. Тяжба между Рылеевыми и Голицыными тянулась до 1838 года, когда Голицыны отказались от своих претензий. Дом остался в собственности внучки Федора Рылеева, Анастасии Кондратьевны.

Уехав в Киев, Федор Рылеев никогда больше не увидел ни жену, ни детей и только иногда обменивался с Анастасией Матвеевной письмами. Умер он в 1814 году, одинокий и всеми покинутый. Личные вещи отставного подполковника были после его смерти проданы с публичного торга. При оценке вещей пропали два фрака и столовое белье, и по делу об их пропаже было заведено особое производство. За оставшиеся вещи было выручено 136 рублей 55 копеек. Покупщики вещей, дворяне Милковский и Глоговский, а также солдат Рожков, оказались несостоятельными, вещи взяли, а деньги долго не выплачивали, и по этому поводу в киевском суде тоже велось производство⁸⁴.

Петр Малютин же всегда помогал Рылееву деньгами и советами. Когда Кондратий задумал жениться, благословения он испрашивал у матери и брата. И писал матери 13 октября 1818 г.: «Прошу вас, дражайшая родительница, по долгу христианскому, прислать мне образ со своим благословением. Надеюсь также, что благодетель наш, Петр Федорович, не откажет в сем случае заступить место родителя, которого и прежде я всегда видел в нем»⁸⁵. По мнению С.А.Фомичева, именно Малютин дал ему 800 рублей на свадьбу⁸⁶. По-видимому, забота Малютина о Рылееве

---

⁸² ЦГИА СПб. Ф.268. Оп.2. Д.530. Л.147.

⁸³ Там же. Л.151 об.

⁸⁴ Там же. Л.149, 149 об.

⁸⁵ Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. С.449.

⁸⁶ См.: Рылеев К.Ф. Сочинения. С.288, 377.

была отчасти продиктована чувством вины: из-за его непростых отношений с Анастасией Матвеевной и ее мужем будущий декабрист в четыре года практически остался сиротой.

Но вряд ли Рылеев питал к брату чувства любви и благодарности: в 1820-х годах его любовницей стала Катерина Малютина, вдова генерала. Узнав в 1815 году о тяжелой болезни брата, он писал матери: «Нет, нет! Он не умрет, он будет жить – он будет жить для блага, для счастья невинных детей своих, для оживления нас бедных! О дражайшая матушка! Неужели бог не слышит те ежедневные, пламенные моления, сопровождаемые током слез, которые я ежедневно воссылаю к нему!» Но в том же письме, после сетований о тяжелой болезни Малютина, выражается желание служить «адъютантом при генерале Беннигсене»: «Я надеюсь, находясь при нем, не только составить свое счастье, но и почерпнуть много полезного для рода службы, в который себя посвятил». При этом Рылеев «осмеливается просить» умирающего брата об этом переводе и добавляет, что «надобно поспешить, ибо теперь время дорого»⁸⁷.

* * *

Вряд ли семейная история способствовала развитию в Кондратии Рылееве филантропической любви к людям. Скорее, это был первый урок житейской прагматики. Жизнь Петра Малютина доказывала: при правильном выборе покровителя, а также при счастливом стечении обстоятельств даже незаконнорожденный может сделать головокружительную карьеру, которой позавидуют многие аристократы.

В одном из ранних писем отцу, от 7 декабря 1812 года, 17-летний Рылеев признавался, что «сердце» подсказывает ему: «Иди смело, презирай все несчастья, все бедствия, и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинной твердостью, и ты будешь героем, получишь мученический венец и вознесешься превыше человеков»⁸⁸. Конечно, строки эти продиктованы традиционным для молодых людей начала XIX века наполеонизмом. Однако нельзя не признать, что живой пример «вознесения превыше человеков» будущий декабрист видел рядом с собою, в своем близком родственнике.

---

⁸⁷ Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. С.435–436.

⁸⁸ Там же. С.429.

Подобные идеи волновали Рылеева и впоследствии. Чем бы он ни занимался – служил ли в военной службе, писал ли стихи, издавал ли альманахи или участвовал в политическом заговоре – везде он стремился стать первым, подчинить себе «толпу». «Я хочу прочной славы, не даром, но за дело», «а мнением подлого мира всегда пренебрегал», – утверждал он в одном из позднейших писем к Ф.В.Булгарину⁸⁹. Служивший вместе с ним в военной службе А.А.Косовский в мемуарах замечал: Рылеев относился к своим товарищам с большой долей презрения и был убежден, что «имя» его «займет в истории несколько страниц»⁹⁰.

Впрочем, по своему характеру Рылеев сильно отличался от Малютина. Он не обладал выдержкой и терпением своего старшего брата и не способен был тратить на приобретение «славы» многие годы. Выпущенный из кадетского корпуса в 1813 году, в 1818-м он бросил службу. Причину отставки Рылеев объяснял матери следующим образом: «И так уже много прошло времени в службе, которая никакой не принесла мне пользы, да и вперед не предвидится, ибо с моим характером я вовсе для нее не способен. Для нынешней службы нужны подлецы, а я, к счастью, не могу им быть и по тому самому ничего не выиграю»⁹¹. По-видимому, «нынешняя» служба сравнивается Рылеевым с прошлой, принесшей «пользу» его старшему брату. Не последней причиной отставки были, по-видимому, и насмешки товарищей, которые не хотели признавать в нем великого человека. Товарищи не видели в нем ничего, кроме «излишней снесь, самолюбия и неправды в речах»⁹².

Рылеев, в отличие от брата, был начитан и умен и быстро понял, что александровская эпоха разительно отличается от павловской. Малютину просто повезло: его заметил и приблизил к себе наследник престола. Рылеев же, не ожидая подобного везения, всю жизнь подыскивал себе подходящих покровителей. В начале карьеры Рылееву покровительствовал Малютин, в начале 1820-х годов таким благодетелем стал князь А.Н.Голицын, впоследствии – Н.С.Мордвинов. И если раньше почти все мог решить «случай», то теперь важнейшим способом добывания «сла-

---

⁸⁹ Там же. С.488.

⁹⁰ РГАЛИ. Ф.423. Оп.1. Д.42. Л.17.

⁹¹ Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. С.446.

⁹² РГАЛИ. Ф.423. Оп.1. Д.42. Л.17.

вы» стали деньги – судя по письмам и делам Рылеева, эту истину он усвоил очень хорошо⁹³.

Так, в том же письме к отцу от 7 декабря 1812 г., вслед за возвышенными размышлениями о славе, любви к монарху, «храбрости на поле славы», Рылеев выставляет «виновнику бытия своего» достаточно крупный счет. «Вам небезызвестно, – пишет Рылеев, – что ужасная ныне дороговизна на все вообще вещи, почему нужны и деньги, сообразные нынешним обстоятельствам». Перечисляя необходимое обмундирование, Рылеев отмечает, что покупка вещей требует, «по крайней мере, тысячи полторы; да с собою взять рублей до пятисот, а то придется ехать ни с чем. Надеюсь, что виновник бытия моего не заставит долго дожидаться ответа и пришлет нужные деньги к маю месяцу; также прошу прислать мне при первом письме рублей 50, дабы нанять мне учителя биться на саблях»⁹⁴.

Очевидно, кадету казалось, что возвышенные размышления о службе монарху и военной храбрости тронут сердце екатерининского подполковника и он выделит требуемую сумму. Однако этого не произошло: отец не без оснований заподозрил сына в коварстве. И в письме от 30 апреля 1813 г. объяснял ему, что человеку следует изъясняться «собственными его, а не чужими либо выученными словами». Федор Рылеев писал, что «человек делает сам себя почти отвратительным, когда говорит о сердце и обнаруживает при том, что [оно] наполнено чужими умозаключениями, натянутыми и несвязными выражениями, и что всего гнуснее, то для того и повторяет о сердечных чувствованиях часто, что сердце его занято одними деньгами»⁹⁵.

Жене же своей Федор Рылеев советовал преподавать сыну «наставления», «дабы он, выходя на поприще света, главным поставлял себе правилом в пылких его пожеланиях иметь воздержность, а в снабжении и содержании себя умеренность – полезные как для него самого, так и для нас, родителей»⁹⁶.

Когда Рылеев понял, что от отца денег получить не удастся, он – на этот раз вполне удачно – стал просить денег у матери. По-видимому, «женщина добродетельная» чувствовала свою вину гораздо острее, чем

---

⁹³ См. об этом: О'Мара П. Указ. соч. С.57, 56.

⁹⁴ Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. С.428–429, 430, 431.

⁹⁵ Рылеев К.Ф. Сочинения. С.268.

⁹⁶ Там же. С.268–269.

генерал Малютин, и потому не жалела средств для обеспечения сына. А.А.Косовский утверждал, что Рылеев – страстный, но неудачливый картежник – именно у матери добывал денег для уплаты долгов. Кроме того, Анастасия Матвеевна «ежегодно присылала из Петербурга всю новую офицерскую обмундировку <...> а чрез год или как потребует присылала ему по полдюжины серебряных ложек, столовых и чайных. Но любимый сынок не умел ценить любви матери своей: к концу года и иногда и прежде у Рылеева не оставалось ничего, и снова обращался к матери, уверяя, что его обокрали»⁹⁷.

По-видимому, это свидетельство вполне достоверно: сохранившиеся письма Рылеева к матери вполне подтверждают его. 10 августа 1817 года он требует от матери: «Сделайте милость, пришлите из С.-Петербурга сукон: черного мне нужно на мундир, панталоны и сюртук, всего восемь аршин; из них четыре аршина купите лучшего; серого сукна нужно четыре аршина; сверх того необходимо нужно мне одна пара эполет с 11-м номером и шарф, который у меня все еще тот же, который куплен мне при моем выпуске»⁹⁸. В конце того же года требования эти существенно дополняются. «Знаю, сколь сие вас опечалит, но делать нечего: обстоятельства и судьба расположили так. Прибегните с просьбою к Петру Федоровичу, если сами не в состоянии; он сам увидит нашу необходимость и поможет, а мы, с помощью божиею, со временем отблагодарим его»⁹⁹.

18 июля 1818 г., решив не шить нового обмундирования, а выйти в отставку, сын пишет матери, что «должен товарищам» 300 рублей и что его «обокрали под Мценском». Он просит прислать ему «хотя 500 р., а равно и сукон, дабы я мог одеться по-цивильному, ибо я уже не намерен обмундироваться по-военному»¹⁰⁰. Подобные примеры можно множить.

В середине 1810-х годов финансовое положение Малютина оказалось критическим, и Анастасия Матвеевна заложила Батово: иными способами удовлетворять запросы сына она не могла. «Деревня в закладе, тебе известно, что я насилу могу проценты платить, и то с помощью друга моего, Петра Федоровича», – сообщает она Рылееву в том же 1817

---

⁹⁷ РГАЛИ. Ф.423. Оп.1. Д.42. Л.4 об.

⁹⁸ Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. С.439.

⁹⁹ Там же. С.443–444.

¹⁰⁰ Там же. С.447.

году¹⁰¹. Однако денежные претензии сына с этим письмом не закончились. Уже выйдя в отставку, женившись и переехав жить в столицу, он просит «маменьку» прислать ему «на первый случай посуды какой-нибудь, хлеба и что вы сами придумаете нужное для дома, дабы не за все платить деньги»¹⁰².

Однако Рылеев отличался от Малютина не только страстью к деньгам. Он был поэтом, и поэтическое творчество составляло неотъемлемую часть его натуры. Лирическая и прагматическая стихии в характере Рылеева составляли, по-видимому, единое целое. Первая из них приведет его несколько лет спустя в большую литературу. Вторая же сделает Рылеева организатором коммерческой журналистики, удачливым финансистом, правителем дел Российско-Американской компании, а впоследствии – лидером тайного общества и организатором восстания 14 декабря 1825 г.

IV. Любовница: Катерина Малютина

В ранних, юношеских стихотворениях Кондратия Рылеева есть такие строки:

*Ты желаешь непременно,
Написал чтобы я стих?
Как могу я, дерзновенный,
Быть певцом доброт твоих?
Мне ль представить то достойно,
Что в себе вмещаешь ты?
Мне ль изобразить пристойно
Милой образ красоты?
Кудри волнами, небрежно,
Из глаз черных быстрый взор,
Колебанье груди снежной
И всех прелестей сбор?
Сам Державин, дивный, чудный,
Вряд бы то изобразил;
Мне же слишком, слишком трудно
И – превыше моих сил!*

Стихотворение это, давно введенное в научный оборот, имеет название «В альбом ее превосходительству К.И.М-ной». Исследователи давно установили, что адресатом стихотворения была Катерина Ива-

---

¹⁰¹ Русская старина. 1875. Т.14. С.73.

¹⁰² Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. С.460.

новна Малютина (1783–1869) – жена генерала Малютина. Стихотворение, как установлено, написано между 1816 и 1818 годами¹⁰³.

При первом знакомстве с этим текстом обращает на себя внимание чересчур вольное описание юным поэтом внешности жены генерал-лейтенанта. «Добрóты» Катерины Малютиной, «колебань» ее «груди снежной» ставили исследователей в тупик. Исследователи пытались объяснить эту вольность особой формой стихотворения. «Стихотворение выдержано в стиле мадригала с условным описанием "прелестей" воспеваемой», Малютина изображена в нем «в типично мадригальной манере жгучей красавицы», – писал А.Г.Цейтлин¹⁰⁴. Но, даже учитывая мадригальную форму стихотворения, подобное обращение к жене брата и «благодетеля», который в момент написания послания был жив, выглядит странным. Для того, чтобы разъяснить эту странность, следует обратиться к подробностям биографии Катерины Малютиной.

Происхождение и биография этой женщины исследованы еще меньше, чем происхождение и биография ее мужа; в данном случае приходится довольствоваться по преимуществу предположениями. Однако предположения эти подкрепляются документами, что и дает им право на существование.

В официальных документах Катерины Ивановны будет постоянно фигурировать дом, «состоящий в С.Петербурге Васильевской части под № бывшим 619, а ныне 627». Про дом этот Малютина напишет, что он принадлежит «собственно ей» и в октябре 1823 г. был заложен в Опекунский совет¹⁰⁵. Этот же дом как ее собственность будет фигурировать во многих документах и адресных указателях – вплоть до 1846 года¹⁰⁶.

Однако, согласно «Указателю жилищ и зданий в Санкт-Петербурге» на 1823 год, изданному в 1822 году (цензурное разрешение – 27 апреля 1822 г.), дом в Васильевской части под №627, «по 15 линии и Большому проспекту», вовсе не принадлежал Малютиной; владел им некий купец Гейнрих Израель, купец 2-й гильдии, «биржевой маклер»¹⁰⁷. Следова-

¹⁰³ Там же. С.350; Рылеев К.Ф. *Полное собрание стихотворений*. Л., 1971. С.290.

¹⁰⁴ Рылеев К.Ф. *Полное собрание сочинений*. С.717.

¹⁰⁵ РГИА. Ф.1348. Оп.51. Д.401. Л.10 об., 23 об.; ЦГИА СПб. Ф.268. Оп.2. Д.530. Л.16 об.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф.109. 1 эксп. Оп.1826. Д.61. Ч.147. Л.2 об., 18, 21 об. и др. Ср.: *Книга адресов С.Петербурга на 1837 г., изданная с разрешения и одобрения С.Петербургского г. военно-го генерал-губернатора, Карлом Нистремом*. СПб., 1837. С.116.

¹⁰⁷ *Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или адресная книга, с планом и таб-*

тельно, дом перешел в собственность Малютиной уже после того, как указатель был издан, после апреля 1822 г. Дом этот не мог быть куплен у купца: после смерти в сентябре 1820 г. Петра Малютина его жена и дети остались «в совершенно скудном состоянии». Уже через месяц, в ноябре, вдова генерала просила императрицу Елизавету Алексеевну приять на свой счет содержание ее дочерей, Катерины и Любови, в частном пансионе «девицы Неймейстер» – в просьбе, однако, было отказано¹⁰⁸. И, конечно же, в подобной ситуации речь о покупке дома в столице идти просто не могла.

Вывод здесь может быть только один: дом Израеля достался Малютиной по наследству, а значит, «биржевой маклер» (скончавшийся, очевидно, как раз во 2-й половине 1822 г.) был ее родственником – скорее всего, отцом. По-видимому, Израель был человеком со связями. Согласно справочнику А.И.Серкова «Русское масонство», Иоганн Гейнрих Август Израель, уроженец Франкфурта на Одере, лютеранин, был членом масонской ложи Урании, которой руководил известный литератор XVIII века Владимир Лукин и которую посещал Николай Новиков¹⁰⁹. Наверняка купец дал своей дочери неплохое образование, постарался – через свои светские знакомства – устроить ее жизнь.

Можно предположить, что перед замужеством будущая жена генерала приняла православие, став Катериной Ивановной. И точно можно сделать вывод о знакомстве купца Израеля с Кондратием Рылеевым: в 1824 году Рылеев вел с купцом сложные денежные расчеты¹¹⁰. Естественно, о своем происхождении «генеральша Малютина» вспоминать не любила: в документах никогда о своей девичьей фамилии не упоминала и, напротив того, всегда подчеркивала «благопристойность» собственного «знатного звания»¹¹¹.

Именно происхождением жены «благодетеля», по-видимому, и были продиктованы мадригальные «вольности» юного Кондратия Рылеева: то, что недопустимо было в общении с женщинами дворянского происхождения, вполне допускалось в обращении с купчихами. По-видимому, самой Катерине Малютиной послание понравилось.

лицею пожарных сигналов. Издал Самуил Аллер на 1823 год. СПб., 1822. С.162, 260, 512.

¹⁰⁸ РГИА. Ф.535. Оп.1. Д.17. Л.452–453.

¹⁰⁹ Серков А.И. Указ. соч. С.359, 975.

¹¹⁰ Маслов В.И. Литературная деятельность К.Ф.Рылеева. С.106–108.

¹¹¹ РГАЛИ. Ф.423. Оп.1. Д.61. Л.30 об.

Стихотворение пронизано иронией. И возникает она, прежде всего, от несоответствия заглавия, подчеркнуто официального («в альбом ее превосходительству»), и подчеркнуто же неофициальному описанию «прелестей» адресата. Следует добавить, что и впоследствии Кондратий Рылеев относился к Екатерине Малютиной с большой долей иронии. Так, в письме к жене от 12 марта 1825 года он сообщал о Малютиной: «Слава Богу, что она весела теперь, а то была буря на всех, а особенно на Михаила Петровича (сын Малютиной. – А.Г., О.К.): она точно ненавидит его. Проклинала его при мне, досталось и барышням бедным (имеются в виду дочери Малютиной. – А.Г., О.К.)»¹¹².

О том, как относился к своей импульсивной жене сам генерал, прямых сведений не сохранилось. Однако если он не обиделся на Рылеева за столь вольное послание – а сведений о его «обиде» нет, – значит, он и сам относился ней иронично. Исследователь Батова сообщает: у Малютина было «пять человек детей, прижитых до брака»¹¹³. На чем основывался Нечаев в своих утверждениях, установить не удалось. Но косвенные подтверждения им найти все же можно.

Известно, что Михаилу Малютину, старшему сыну генерала, участнику событий на Сенатской площади, в 1825 году было 22 года¹¹⁴, а, следовательно, родился он в 1803 году. Но в декабре 1812 г. Кондратий Рылеев сообщал отцу, что ему «кланяются» «матушка, Петр Федорович, Катерина Ивановна, его супруга»¹¹⁵. По-видимому, Федор Рылеев, в 1803 году еще исполнявший у Малютина обязанности управителя, только девять лет спустя услышал о «супруге» своего старшего сына.

Всего же, согласно документам, у Малютиных было восемь детей. Кроме сына Михаила, известны его дочери Катерина (так и не вышедшая замуж), Любовь (в замужестве Титова), Надежда (в замужестве Волжина) и Вера (умерла в раннем детстве, простудившись во время знаменитого наводнения 7 ноября 1824 г.¹¹⁶). Самым младшим ребенком в семье был, по-видимому, сын Николай, родившийся уже после смерти отца, в 1821 году. Он учился в Пажеском корпусе, с 1836 года находился на действительной военной службе и в 1866 году вышел в отставку с

¹¹² Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. С.487.

¹¹³ Нечаев В. Указ. соч. С.196.

¹¹⁴ ВД. Т.21. С.72.

¹¹⁵ Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. С.431.

¹¹⁶ Там же. С.476.

чином майора интендантский службы¹¹⁷. Сведения еще о двоих детях генерала обнаружить не удалось.

* * *

Отношения Рылеева и Катерины Малютиной были сложными. По-видимому, Рылеев был знаком с ней еще с детских лет. Естественно, поначалу отношения Рылеева с Малютиной не могли быть дружескими: Катерина Ивановна была его старше на 12 лет. Впоследствии, когда Рылеев вырос, окончил кадетский корпус и поступил на службу, отношения эти приняли характер иронической дружбы, о чем свидетельствует процитированное выше стихотворение.

После отставки Рылеева и возвращения его в столицу между ними возникли тесные финансовые связи.

Сохранились письма Малютиной Рылееву 1820-х годов, написанные после смерти генерала; точнее определить время их написания не представляется возможным. Они хранятся в РГАЛИ; фрагменты их были опубликованы в журнале «Былое»¹¹⁸. Основная тема этих писем – финансовая. Из текстов писем следует, что Рылеев ведал большинством хозяйственных дел Малютиной. Так, в одном из писем она просит его «столяру что-нибудь заплатить. Он сделал дверь, которая стоит 18 рублей, да 4 рамы зимние 12 рублей, а кроме того, что он теперь в нужде работает, так как вы сами видели это, приходится 30 рублей. Я уверена, что вы отдадите также обещанные вами мне на салоп 300 рублей». В другом письме содержится просьба выдать 10 рублей на «расходы в доме», в третьем – «дать на дорогу денег 100 рублей» сыну Михаилу, офицеру лейб-гвардии Измайловского полка¹¹⁹.

Финансовые отношения связывали Рылеева и со старшими детьми Малютиной. Михаил Малютин просил «маменьку»: «...не можете ли у Конд[ратия] Фед[оровича] или где-нибудь достать 20-ть или 25 рублей <...> Первый батальон делает завтра обед полков[нику] Девиitte и складываются по 25 рублей. Я не знаю, где и взять денег, а сегодня надо отдать». Это письмо Малютина отправила Рылееву, снабдив собственной припиской: «Миленький К[ондратий] Ф[едорович], не можете ли

---

¹¹⁷ РГВИА. Ф.400. Оп.9. Д.155. Л.11–15 об.

¹¹⁸ Былое. 1925. №5 (33).

¹¹⁹ РГАЛИ. Ф.423. Оп.1. Д.37. Л.1, 6, 10.

мне дать 25 рублей на короткое время. Мишечке должен Семенов и скоро отдаст. Я не замедлю»¹²⁰.

С просьбой о деньгах к Рылееву обращается и старшая дочь Малютиной: «Любезный дядюшка, Кондратий Федорович! Маминька вас просит, не можете ли вы прислать 25 рублей. Она бы вас, верно, не стала беспокоить, если бы не крайность <...> Целую вас мысленно и остаюсь любящая вас племянница К.Малютина»¹²¹. По-видимому, Рылеев оплачивал большинство счетов Катерины Ивановны и ее детей, буквально содержал на свои деньги семью брата. Но, с другой стороны, в 1824 году Малютина дала ему в долг деньги на похороны матери¹²².

В архиве сохранилось и еще одно письмо Катерины Ивановны к Рылееву, свидетельствующее не только о финансовых, но и о любовных отношениях между ними. Тема письма – «страсть» Малютиной к Рылееву и ревность узнавшей об этом жены поэта, Натальи Михайловны: «Любезный друг Кондратий Федорович, верите, я так хохочу, что не могу вспомнить Наталью Михайловну, я теперь боюсь огорчить ее своим приходом. Неужели серьезно? Я не верю! Только она так была для меня удивительна в последний раз, что легко можно узнать причину ее гнева. Теперь вы сидите дома. Мосты сняты. Постарайтесь ее успокоить и уверить. Прощайте. Чем более нас будут ревновать, тем более наша страсть увеличится, и любить тебя ничто не в силах запретить. К.Малютина. Желательно – чтоб она сие прочла, тогда бы более уверилась»¹²³.

По-видимому, это письмо позднее, 1824 или 1825 года: Малютина пишет, что не может встретиться с Рылеевым, поскольку «мосты сняты». Однако известно, что до 1824 года Рылеев снимал квартиру «на Васильевском острове, в 16-й линии, между Большим и Средним проспектами, в деревянном одноэтажном доме Безбородова»¹²⁴, а затем – на 12-й линии. Сама же Малютина проживала по соседству, на 15-й линии, на углу Большого проспекта – следовательно, снятые мосты не могли быть препятствием для их встреч. В 1824 году Рылеев, ставший правителем дел Российско-Американской компании, переехал в дом Компа-

¹²⁰ Там же. Д.39. Л.1.

¹²¹ Там же. Д.38. Л.1.

¹²² Рылеев К.Ф. Собрание сочинений. М., 1907. Т.2. С.135.

¹²³ Бьлое. 1925. №3 (33). С.44.

¹²⁴ Кропотов Д.А. Указ. соч. С.17.

нии, на Мойку, и осеннее общение с жителями Васильевского острова для него действительно стало затруднительным.

Однако если бы отношения Рылеева с Катериной Малютиной ограничивались лишь мелкой финансовой взаимопомощью и любовной связью, они были бы только их частным делом. Но удивительным образом они оказались переплетены с историей русской журналистики.

* * *

Как известно, Рылеев, вместе со своим другом А.А.Бестужевым, издавал альманах «Полярная Звезда». Первые книжки альманаха – на 1823 и 1824 год – издавались по старой, уже давно принятой в русской журналистике схеме. У альманаха был издатель – купец и книготорговец Иван Сленин, который вкладывал в издание свои деньги. Естественно, именно Сленин получал от продажи прибыль, некоторую часть которой отдавал Рылееву и Бестужеву в виде вознаграждения.

В начале 1824 г., сразу после выхода второй книжки альманаха, у Рылеева и Бестужева произошла размолвка со Слениным, они решили отказаться от его услуг и стали вынашивать поистине наполеоновские планы. «Во второй половине 1824 г. родилась у Кондратия Федоровича мысль издания альманаха на 1825 год с целью обратить предприятие литературное в коммерческое. Цель... состояла в том, чтобы дать вознаграждение труду литературному более существенное, нежели то, которое получали до того времени люди, посвятившие себя занятиям умственным. Часто их единственная награда состояла в том, что они видели свое имя, напечатанное в издаваемом журнале; сами же они, приобретая славу и известность, терпели голод и холод и существовали или от получаемого жалованья, или от собственных доходов с имений или капиталов», – вспоминал друг Рылеева Е.П.Оболенский¹²⁵ «Вознаграждение за литературный труд точно было одною из основных целей издания альманаха», – подтверждает его слова М.А.Бестужев, брат издателя «Полярной Звезды»¹²⁶.

Между тем на российском литературном Олимпе резко усиливается конкуренция: в Москве в 1823 году начинает выходить альманах «Мнемосина», редактировавшийся В.К.Кюхельбекером и В.Ф.Одоевским.

---

¹²⁵ Оболенский Е.П. *Воспоминания о Кондратии Федоровиче Рылееве // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С.85.*

¹²⁶ *Воспоминания Бестужевых. М., 2005. С.241.*

Поссорившийся с издателями «Звезды», Сленин повел переговоры с А.А.Дельвигом об издании конкурирующего издания – альманаха «Северные Цветы». В письмах к Вяземскому Бестужев описывал литературную ситуацию 1824 года и действия своих конкурентов следующим образом: «Мутят нас через Льва (Л.С.Пушкина, брата поэта. – А.Г., О.К.) с Пушкиным; перепечатавают стихи, назначенные в "Звезду" им и Козловым, научили Баратынского увезти тетрадь, проданную давно нам, будто нечаянно. Одним словом, делают из литературы какой-то толкучий рынок. Вследствие этого, однако ж, мы весьма бедны стихами». При составлении «Звезды» на 1825 год Бестужев очень надеялся на помощь Вяземского: «Надеюсь, что Вы нас выручите теперь из беды: у Вас выходит четверогранный альманах («Мнемозина», которую планировалось выпускать четыре раза в год. – А.Г., О.К.), у нас Дельвиг и Сленин грозятся тоже "Северными цветами" – быть банкротству, если Вы не дадите руки»¹²⁷.

По-видимому, Рылеев и Бестужев в 1824 году действительно находились в некоторой растерянности: банкротство грозило им как финансовое, так и творческое. Растерянность эта была вполне объяснима. Во-первых, новые издания стремились отобрать у «Звезды» ее лучших авторов. А во-вторых, средства на издание альманаха требовались немалые. На бумагу для полного тиража, на печатание тиража в типографии, на изготовление оттисков виньеток и рисунков в первой трети XIX в. необходимо было около двух тысяч рублей ассигнациями¹²⁸, что превышало годовое жалованье штабс-капитана гвардии, а именно такой чин имел Бестужев, более чем в два раза¹²⁹.

У Бестужева, адъютанта герцога Александра Вюртембергского, управлявшего ведомством путей сообщения, таких денег не было; он жил только на жалование. Его большая семья, состоявшая из него самого, его матери, трех сестер и четверых братьев, остро нуждалась в деньгах¹³⁰. «Финансистом» «Звезды» стал Рылеев, и его деятельность на этом поприще оказалась весьма успешной.

¹²⁷ *Литературное наследство. М., 1956. Т.60. Кн.1. С.223–224, 213.*

¹²⁸ *Там же. М., 1934. Т.16–18. С.590–591.*

¹²⁹ *Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр.1-е. СПб., 1830. Т.43. Ч.2. С.89.*

¹³⁰ *Чернов С.Н. Имущественное положение декабристов // Красный архив. 1926. №2 (15). С.170.*

* * *

После смерти Петра Малютина Рылеев – вместе с вдовой генерала – был назначен опекуном его детей. Согласно закону, задача опекунов состояла в том, чтобы «пещись о пользе и благосостоянии» малолетних, сохранять и приумножать их имущество – до момента наступления их совершеннолетия.

Впоследствии, когда Рылеев уже сидел в тюрьме, Катерина Малютина предъявила к нему финансовые претензии. Она писала письма в различные инстанции, утверждая, что Рылеев не выполнил свои опекунские обязанности. Малютина, как следует из ее писем, полагалась на «услужливую вежливость» Рылеева, «верила во всем ему не как опекуну, а более как доброжелательному родственнику», «быв уверена в честности и благонадежности своего соопекуна, полагала, что собственность сирот соблюдается с выгодою; а о противном никогда и не вообразала, чтобы он мог каким-либо образом польститься на обиду малолетних». Рылеев же, злоупотребив ее доверием, якобы оставил ее, «бедную вдову», и детей без средств к существованию¹³¹.

Судя по письмам Малютиной, на нечистоплотность Рылеева ей открыло глаза правительство в декабре 1825 года, когда «премудрый государь, как по вдохновении свыше, поручил искоренить гнездящееся в столице сей зло и облегчить участь страждущих»¹³². Однако «зло» обнаружилось и в самом семействе генеральши: как участник заговора, был арестован ее сын. Поэтому, как пишет Малютина, «в сие ужасное для меня время, быв удручена по известным начальству причинам тяжчайшею печалию, не только не могла припомнить о делах и обязанности опекунши, но едва не пострадала из привязанности к сыну собственною жизнью, с которого времени ныне едва только начинаю приходить в себя и, побуждаясь долгом матери, обязанно нахожусь пещись о пользе и благосостоянии своих детей»¹³³. И только несколько месяцев спустя она смогла предъявить Рылееву свои претензии.

Суть дела состояла в следующем: еще в 1802 году Петр Малютин положил в Санкт-Петербургский опекунский совет 12 тысяч рублей –

---

¹³¹ РГАЛИ. Ф.423. Он.1. Д.61. Л. 30, 32.

¹³² РГИА. Ф.1348. Он.51. Д.401. Л.10.

¹³³ РГАЛИ. Ф.423. Он.1. Д.61. Л.30 об.

для обеспечения денежного иска, предъявленного к одному из его умерших приятелей. Опекунский совет представлял собою кредитное учреждение, принимавшее на хранение деньги под проценты; собственно, проценты с этих 12 тысяч и должны были идти на покрытие долга. Вложив деньги, Малютин получил два шеститысячных билета Опекунского совета – свидетельства об их приеме¹³⁴.

Согласно закону, деньги эти можно было в любое время обналичить, или, как тогда говорили, «разменять»¹³⁵, что и сделал Рылеев, став опекуном детей Малютиных. В октябре 1823 года он, с согласия Малютиной, забрал билеты из Опекунского совета. Малютиной было сказано, что вместо них в Опекунский совет заложены ее собственный дом и имение Батово. Согласно документам, Рылеев и Малютина вследствие этой операции получили – с учетом процентов – 17 140 рублей 36 копеек. Малютина утверждала, что все эти деньги Рылеев оставил у себя, а она и ее дети не получили ни копейки.

Рылеев узнал о претензиях Малютиной лишь в апреле 1826 года. До этого времени он вполне доброжелательно упоминает о генеральше в тюремной переписке с женой, просит ее «засвидетельствовать» Малютиной свое почтение¹³⁶. 13 апреля в письме к жене – в ответ на ее сообщение о малютинских претензиях – появляется фраза: «Скажи Катерине Ивановне, чтобы она не беспокоилась, ей все будет отдано с процентами»¹³⁷.

В его последующих письмах опять идет речь о Малютиной и ее деньгах, но историю с билетами Опекунского совета Рылеев старательно обходит. Не упоминает он об этой истории и при ответе на официальный запрос следствия о состоящих под запрещением имениях подсудимых¹³⁸.

У Кондратия Федоровича были веские причины молчать об этой истории: Батово не могло быть заложено, поскольку он «в 1823-м году не имел никакого недвижимого имения – а досталось таковое ему впоследствии уже времени по наследству после покойной его матери подпол-

¹³⁴ РГИА. Ф.1348. Оп.51. Л.10; Д.401. Л.22 об.–23 об., 26 об.–27.

¹³⁵ Андрюшин С.А. Банковская система России: особенности эволюции и концепция развития. М., 1998. С.82; ПСЗРИ. Собр.1-е. СПб., 1830. Т.19. С.651.

¹³⁶ Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. С.502.

¹³⁷ Там же. С.509.

¹³⁸ ГАРФ. Ф.48. Оп.1. Д.304. Л.56 а – 57.

ковницы А[настасии] М[ихайловны] Р[ылеевой], умершей 1824 года в июне месяце»¹³⁹. Если бы следствие заинтересовалось тонкостями этой операции, Рылееву вполне могли быть предъявлены – вместе с политическими – и уголовные обвинения.

По показания об этом на следствии дал Михаил Малютин. Он утверждал: «Дом моей матушки, находящийся на В[асильевском] о[строве] в 15 линии, заложен опекуном моим, отставным подпоручиком Рылеевым в 1823 году»¹⁴⁰. И 21 июня, меньше чем за месяц до казни, Рылеев был вынужден признаться в письме к жене: «Упомянутые билеты по желанию К[атерины] И[вановны] выданы, один ей, а другой мне с наложением запрещения на ее и мое имение»¹⁴¹.

Разбирательство по поводу долгов Рылеева Малютиной надолго пережило самого Рылеева и стало серьезным препятствием на пути продажи Батова вдовой поэта. Впрочем, благодаря усилиям доверенного лица вдовы, Ф.И.Миллера, в 1827 году было решено признать за бывшим опекуном малолетних детей генерала лишь половину долга. Сумма в 8 570 рублей 18 копеек была при продаже Батова вычтена в пользу Малютиной¹⁴². Дворянская опека установила, что вторую часть суммы, полученной от «размена» билетов, присвоила себе сама Катерина Малютина.

В 1823 году, пускаясь вместе с Малютиной в аферу, Рылеев вряд ли собирался обманывать «бедную вдову» и ее детей. Конечно же, он был уверен, что вскоре сумеет внести нужную сумму обратно в Опекунский совет. Тем более, что полгода спустя, 2 июня 1824 г., умерла мать Рылеева, и перед ним открылись реальные возможности по закладу в ломбард доставшегося по наследству имения. Уже через месяц после ее смерти Батова было заложено в тот же Опекунский совет на 24 года за 8 400 рублей¹⁴³.

И афера с билетами позволила Рылееву располагать большой суммой денег. Сейчас уже невозможно установить все его «статьи расходов», однако не вызывает сомнений, что и деньги для издания альманаха были взяты из этих сумм.

---

¹³⁹ РГАЛИ. Ф.423. Оп.1. Д.61. Л.33.

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф.48. Оп.1. Д.304. Л.58, 59.

¹⁴¹ Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. С.503.

¹⁴² ЦГИА СПб. Ф.268. Оп.2. Д.530. Л.98–98 об.

¹⁴³ РГИА. Ф.1348. Оп.51. Д.401. Л.16 об.

* * *

В декабре 1824 г. несколько столичных периодических изданий поместили объявление о выходе очередной книжки «Полярной Звезды». Правда, выход ее в свет откладывался: альманахи традиционно выходили в свет в январе, новый же выпуск «Звезды» ожидался весной. В объявлении Рылеев и Бестужев просили прощения у «почтенной публики» за это «невольное опоздание», замечая при этом: «Если она («Полярная звезда». – А.Г., О.К.) была благосклонно принята публикой как книга, а не как игрушка, то издатели надеются, что перемена срока выхода ее в свет не переменит о ней общего мнения»¹⁴⁴.

Третий номер «Звезды» вышел в свет в марте 1825 г. (цензурное разрешение – 20 марта 1825 г.). Рылееву удалось реализовать их с Бестужевым общую идею – сделать журналистику прибыльной для авторов. Всем участникам «Звезды» были выплачены гонорары, по 100 рублей за лист¹⁴⁵, – событие, по тем временам практически небывалое.

Как известно, в 1826 году Рылеев и Бестужев готовили к выпуску альманах «Звездочка», но выходу его помешали события 14 декабря и арест обоих издателей. По-видимому, на этот раз финансовая ситуация Рылеева не была столь острой и для получения денег на издание не нужно было заимствовать деньги у «бедной вдовы» и закладывать собственное имение.

Во-первых, альманах на 1825 год оказался коммерчески успешным проектом. По свидетельству Оболенского, «"Полярная Звезда" имела огромный успех и вознаградила издателей не только за первоначальные издержки, но и доставила им чистой прибыли от 1500 до 2000 рублей»¹⁴⁶. Во-вторых, 16 апреля 1824 г. Рылеев становится правителем дел Российско-Американской компании¹⁴⁷ – крупной коммерческой организации, занимавшейся пушным промыслом в русских колониях в Америке. Назначение это серьезно укрепило финансовое положение издателя «Звезды». Помимо немалого жалования, в ноябре 1825 г. Компания предоставила правителю дел кредит на сумму 3 000 руб. В счет будущих доходов он приобрел в долг менее чем за полцены у одного из ди-

---

¹⁴⁴ *Литературные листки. 1824. Ч.4. С.180; Сын Отечества. 1824. Ч.99. №1. С.111.*

¹⁴⁵ *Рейтблат А.И. Литературный гонорар в России XIX – начала XX в. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в. Л., 1988. Вып.3. С.132.*

¹⁴⁶ *Оболенский Е.П. Указ. соч. С.85.*

¹⁴⁷ *Российский государственный архив военно-морского флота. Ф.1375. Оп.1. Д.4. Л.100.*

ректоров Компании 10 акций для того, чтобы иметь право голоса на собраниях акционеров¹⁴⁸.

Соответственно, гонорары авторам «Звездочки» – по сравнению с «Полярной Звездой» на 1825 год – планировалось увеличить. Когда Л.С.Пушкин, занимавшийся делами своего ссыльного брата, потребовал за отрывок из «Евгения Онегина», предназначенный для «Звездочки», по пяти рублей за строчку, Александр Бестужев сразу согласился и прибавил: «Ты промахнулся... не потребовав за строчку по червонцу... я бы тебе и эту цену дал, но только с условием: пропечатать нашу сделку в "Полярной Звезде" (имеется в виду планируемая «Звездочка». – А.Г., О.К.) для того, чтоб знали все, с какою готовностью мы платим золотом за золотые стихи»¹⁴⁹. Отрывок этот – «Ночной разговор Татьяны с няней» – состоит из 56 строк. Следовательно, Лев Пушкин просил для своего брата гонорар в размере 280 рублей – деньги, по тем временам очень большие. Александр Бестужев был готов заплатить в два раза больше – 560 рублей.

В 1826 году Рылеев и Бестужев планировали начать издание собственного журнала, и вполне очевидно, что коммерческие проблемы с этим изданием у них вряд ли бы возникли.

* * *

Естественно, данная статья не может претендовать на изучение всех аспектов семейной истории Рылеева. Это исследование необходимо продолжать – таков главный вывод данной работы. Ибо без учета семейных обстоятельств наши знания о жизни и творчестве Рылеева – а значит, и о русской гражданской поэзии начала XIX в., и о движении декабристов – заведомо обречены на неполноту.

Пользуясь случаем, выражаем искреннюю благодарность заведующей читальным залом Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга М.М.Перекалиной, директору Государственного музея-усадьбы «Рождествено» (Ленинградская область) И.В.Авикийен, сотрудникам этого музея Н.В.Булатниковой и А.А.Семочкину, и заместителю директора по научной работе Государственного историко-художественного дворцово-паркового музея-заповедника «Гатчина» В.А.Семенову за добрые советы и помощь в архивном поиске.

---

¹⁴⁸ РГИА. Ф.1348. Оп.51. Д.401. Л.21 об.

¹⁴⁹ Воспоминания Бестужевых. С.241.

**Беда не в языке, а в культурном
умопомешательстве,
в обязательности производства
и восприятия обществом
каких-то культурных клише.**

А.М.Пятигорский

**Непосредственное видение...
есть последний законный
источник всех разумных
утверждений.**

Эдмунд Гуссерль

Андрей Юрганов

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ: «НЕ ОБЪЯСНЯТЬ, А ПОНИМАТЬ»¹

УДК
303.4

Prospects and problems of the historical science are in the center of attention in the interview given by Professor Yurganov. According to him, the historical science has every chance to become a fundamental science. Such science is not subject to any fluctuation of political moods. It is a tool of their study and not a substantiation of specific values. In this capacity history has no inherent prior beliefs. However it is a key to understanding of any value and cultural continuum while an applied science used for ideological purposes exists and will exist forever. It is necessary only to define limits and do that with understanding for what purposes a study is performed and for what ends it is intended.

Ключевые слова: татаро-монгольское иго; Куликовская битва; Дмитрий Донской; деспотизм; историческая феноменология; царский титул; Святая Русь.

E-mail: iurganov@yandex.ru

---

¹ Интервью. Вопросы задавала Мария Свидзинская, аспирантка ИАИ РГГУ.

– *Вы являетесь одним из основоположников исторической феноменологии. Что значит «прошлое» для Вас как для исследователя?*

– Можем ли мы считать, что «прошлое» существует? Можем. Трудно отказаться от чувства, что «прошлое» было. Но можем ли мы вернуться в это «прошлое», стать его частью? Настоящее и прошлое, безусловно, факты нашего сознания, но не тогда, когда речь идет о проверке нашего знания. Важно опираться на то, что есть в нашем непосредственном наблюдении, а в его поле оказывается не «прошлое», но исторические источники: то, что дошло до нас. В процессе их направленного изучения наступает потребность в самоограничении, при котором необходимо проверить то, как я знаю это «прошлое». Ведь не очень большой секрет, что историческая наука часто опирается на предварительно заготовленные выводы исследования (в виде гипотез) и источник выполняет лишь функцию своеобразного сырья в работе исследователя. Мы предлагаем другой путь – путь реконструкции типичного объяснения в той или иной культуре. Вот что для исторической феноменологии является «прошлым». Она пытается не объяснять, а понимать историю в границах, которые открываются в типичных объяснениях людей.

– *«Татаро-монгольское иго». Современное понимание соответствует тому, как это понимал средневековый человек, и тому, что об этом говорят источники?*

– Скорее нужно говорить не о современном понимании, а о современной установке. Чаще всего мы думаем о «стечении обстоятельств» и случайности, которая по умолчанию является для нас причиной событий. Для древнерусского книжника идея случайности сама по себе, как интерпретация, не была актуальной. Книжник древней Руси мыслил мировой порядок, мировые события как звенья одной цепи, построение которой находится в полной зависимости от Божьей воли. В том, что один народ ни с того ни с сего начал двигаться на Запад и его сила была такова, что он сокрушал царства на своем пути и дошел чуть ли не до Атлантического океана, летописец усматривал единственную причину – волеизъявление Бога. И если такое происходило в мировом масштабе, то это означало только форму наказания за людские грехи. Естественно, что наказуемый народ не должен воспринимать Божье наказание как вечное. Египетский плен – время испытания для иудеев, необходимое им для совершения Исхода, который знаменует собой движение *всего человечества* к постижению смысла Добра и Зла...

Не монголы виноваты, а мы сами – вот как понимали на Руси эту катастрофу.

Современному человеку легче обсуждать то, чем монголы хороши и чем они плохи. В средневековых источниках можно наблюдать такую особенность: с одной стороны, книжник осуждает монголов, но буквально в том же тексте с придыханием рассказывает, например, о князе Федоре Ростиславовиче, который был чашником у самого монгольского царя!

В житии князя рассказывается о том, какими замечательными были отношения между Федором и царской семьей. Книжник отнюдь не впадает в противоречие, когда пишет о монголах как о «варварах». Он правильно распознает ситуацию. Да, монголы – варвары, не христиане, язычники, и нельзя в монгольской власти видеть что-то родное, свое, но это власть, Богом установленная. И поскольку она Богом установленная, то потому и законная.

– *Против кого же тогда боролся Дмитрий Донской на Куликовом поле? Ко второй половине XIV в. это отношение как-то изменилось?*

– Нет, Вы знаете, здесь очень сложная история. Я бы сказал так, что выход Дмитрия Ивановича на Куликово поле – это выход и «против» и «за». Дмитрий Донской выступил против Мамаю (монгольского «Бориса Годунова») – узурпатора власти в Золотой Орде. Когда на Руси об этом стало известно, русские князья решили не платить дань. Почему? В Орде произошла смута, и высшей властью стал распоряжаться не хан, в жилах которого текла кровь Чингизидов, а человек, который находился в положении пусть и очень высокопоставленного, но слуги. В Золотой Орде нельзя было стать царем монгольским, им можно было только родиться. Прекращение выплаты дани русскими князьями – это ответ на беспорядок в Орде, это ответ на отсутствие «правильной» власти, которой можно и нужно подчиняться. Если бы Дмитрий Иванович подчинился Мамаю, он потерял бы свое достоинство вассала монгольского царя. Это был конфликт внутри русско-монгольской знати.

– *Сейчас Куликовская битва в СМИ преподносится как величайшая национальная победа, а Дмитрий Донской – как национальный герой. Это соответствует системе мировоззрения Средневековья?*

– Одновременно Куликовская битва и величайшая национальная битва, большая победа русских и литовских войск в борьбе с монголами. Этого тоже нельзя отрицать ни в коем случае. Для Руси не княжеской, но крестьянской, купеческой, городской в целом это было так. Для русских князей это не так, потому что они к этому времени были очень тесно связаны с монгольской знатью. Когда хан («царь») Тохтамыш пришел (после бегства Мамаю) к власти (а он был Чингизидом), то он

неспроста писал Дмитрию Ивановичу, что сделал все для того, чтобы их «общий враг» Мамай ушел из жизни (это случилось по его приказу в Кафе). В истории все перемешано, и краски очень разные, мы можем найти и национальный подъем, и вместе с тем нельзя забывать о том, что русские князья очень долго контактировали с ханской ставкой и с царской семьей: за годы совместного проживания обросли родственными связями. Поэтому не случайно некоторые князья уезжали даже отдыхать от «трудов праведных» в Золотую Орду.

– *Как относились к битве простые люди, которые воевали вместе с князьями?*

– Мы не располагаем отчетами простых людей. У нас нет сведений, о чем они думали, когда шли со своим князем против монголов. Определенно можно сказать, что у них не было того опыта отношений с монголами, который обременял русских князей... Но раз победили, значит, была сила духа, сила сопротивления. Кроме того, не забудем, что в битве с Мамаем принимали участие литовские полки, очень сильные, которые внесли огромный вклад в эту победу. А западная Русь не входила в состав Орды, и у литовских князей, к примеру, не было никакого «комплекса» перед своими восточными врагами. Да и с полководцем нам тогда повезло. Я имею в виду... Владимира Андреевича Серпуховского. Это был выдающийся человек. Увы, о нем мало пишут, и не в каждом учебнике вы найдете, что именно он руководил сражением после того, как был ранен князь Дмитрий Иванович.

– *Как складывались отношения между простыми людьми и монголами?*

– Монголов «узнавали» по карательным походам. В конце XIII века на северо-восток Руси обрушилось огромное количество карательных экспедиций. Владимир, Суздаль разрушались несколько раз. Монголы уничтожали церкви, дома, убивали людей. Все это входило в память народную. Антиордынский мотив в сознании простых людей, несомненно, был. Но при этом ни русские князья, ни русские книжники в XIV веке не высказывали идею осмысленной борьбы с Ордой, не писали о необходимости создания «своего» государства. Подобные идеи возникнут позже, в XV веке. В завещании Дмитрия Донского (1389 г.) написано: «А переменит Бог Орду». Вдумайтесь! Не люди совершают события, а Бог. Всякие перемены созревают и не совершаются «вдруг». Заснули сегодня «под Ордой», а проснулись завтра «свободными» от нее...

– На Западе, даже в исторической научной литературе, популярна точка зрения о том, что деспотизм – типично русское явление, а склонность к подчинению, даже рабскому, – в характере русского человека. Ваше отношение к этому?

– Западная наука очень разнообразна... Это скорее отголосок политологических суждений у нас, в России, в 90-х годах прошлого века, парадокс: в XIV веке было две ветви русской истории: русско-монгольская и русско-литовская. В одной создавались условия для сильной государственной власти, а в другой процветала свобода автономий, прав городов, горожан и т.д. Какие же традиции «наши», если и там и там проживали русские православные люди, отличавшиеся только диалектом одного и того же языка?

Западнорусские земли, которые вошли в состав Великого княжества Литовского, ордынской власти не знали. Что же касается московских традиций, то в Северо-Восточной Руси и до монголов были очень сильны прокняжеские настроения в обществе. Даниил Заточник воспевал князя и его власть, но в этом не было никакого раболепия. Наоборот, он с чувством большого собственного достоинства прославлял князя. С самого начала Северо-Восточная Русь, в отличие от Приднепровья, где была очень сильна дружинная власть, являлась регионом с обширными и неосвоенными просторами, с постоянно растущим населением – как тут не быть сильной княжеской власти?

– Но князья стремились и к усилению своей власти?

– Конечно, они стремились к еще большей власти. И в этом смысле монголы, конечно, «помогли» князьям Северо-Восточной Руси обрести еще большую власть, но это не значит, что они принесли с собой начала деспотизма. Кроме того, использование такого термина, как «деспотизм», – вещь двоякая. Если мы хотим рассуждать с позиций сегодняшнего дня и желаем понять, почему у нас нет гражданского общества, почему у нас слишком сильное государство (может быть, в этом виноваты монголы?), то, наверно, имеет смысл упомянуть традиции Северо-Восточной Руси, Московии. Но для исторической феноменологии существенно не то, что думаем мы сегодня о «прошлом», а то, что думали о себе современники изучаемой культуры. И тогда угол зрения меняется. Тогда возникают другие вопросы. Писали ли современники о деспотизме? Осознавали ли тягость власти и тяжелые последствия этой тягости для развития общества?..

Мы можем считать монгольское общество, созданное Чингисханом, страшно деспотическим. Но позвольте возразить! Это общество деспо-

точно для Плано Карпини, который приехал из Европы в Монголию сразу после окончания великого похода монголов «на запад», «к морю», оно деспотично для европейца, который мыслит и «власть», и «личность», и «право» несколько иначе (мягко говоря). Монгол, который жил во времена Чингисхана, не испытывал ни малейшего дискомфорта от того, что он был под этой властью. Наша актуальность и наше стремление понять себя сегодняшних может не совпадать с тем, как воспринимает себя человек в собственном историческом времени. Это несоответствие – естественного порядка. Время меняет людей.

– *Современники Ивана Грозного воспринимали его как деспота?*

– Слово «тиран» уже было известно на Руси. Можно найти высказывания в сочинениях Ивана Семеновича Пересветова, современника Ивана Грозного, о том, что нехорошо быть холопом, что это не прибавляет храбрости. Но эти высказывания относятся к человеку, который долгое время служил трем европейским королям и был выходцем из европейского мира. Там, в Польше, в Чехии, в Венгрии, он формировался как личность. На Русь приехал уже зрелым человеком. И, конечно, его взгляд на характер службы в России, в эпоху Ивана Грозного, выражает собой европейский миф. У других же, «природных» людей, подобных рефлексий не было. Люди могли переживать и действительно переживали не столько «деспотизм», сколько такие реалии власти, которые нам трудно понять, как реалии *для них* тревожные. Например, царь разделил земли. Для нас это звучит нейтрально. Ну, разделил и разделил: что с того? Появилась земщина и опричина. Но для современников XVI – начала XVII века разделение земли – событие страшное, губительное, потому что, согласно типичному объяснению того времени, любое разделение царства *всегда ведет* к падению царства (забавно: так и случилось, если иметь в виду Смуту!). Для средневекового человека проблема деспотизма не существует так, как мы ставим этот вопрос. Нет этой проблематики в общественном сознании. То, что мы думаем о деспотизме, – это модель объяснения, возникшая уже в новоевропейское время, когда мы стали четко разделять общество и государство, стали говорить о том, что деспотическое государство навязывает обществу свои правила. В XVI веке это терминологическое различие неактуально. Никто не противопоставлял общество и государство.

– *Как возникло понимание царя как «помазанника Божия»?*

– Это связано с венчанием на царство. Здесь присутствует и византийский элемент. Но никакие идеи не транслируются механически из

одной культуры в другую. Всегда происходит перевосприятие исходного смысла.

– *Это интересно с той точки зрения, что к началу XX века это понятие разрушается постепенно и в сатире, и в журналах, и в мировоззрении людей...*

– Да, конечно. Если вспомнить еще дореволюционные статьи М.Н.Покровского, то он был одним из самых ядовитых критиков Николая II и его семьи. И обряд помазания он очень критиковал как ритуальное действие, которое неясно, к чему ведет, и почему, он писал, мы обязаны ему верить? Правда, писал он не под своей фамилией, а под псевдонимом Домов...

В XVI веке никому бы в голову не пришло сомневаться в том, что царь – помазанник Божий, потому что верховная власть воспринималась как власть от Бога. Речь шла, прежде всего, о принципе власти, о том, что власть сама по себе – принцип земного устройства.

Кроме того, осознавалась особая статусная роль царя. Почему? Потому что каждый человек отвечает за свои грехи перед Богом на Страшном суде, а царь, по типичным объяснениям той эпохи, ответчик за всех. И это, кстати, понимал сам царь Иван. Он писал Курбскому: «Ты будешь отвечать за свои грехи, а я – за все ваши». Быть «помазанником» – не только привилегия, но и огромная ответственность. И выдержать эту ответственность, ее тягость и давление не под силу было даже царю Ивану.

– *У этого понятия были предпосылки возникновения?*

– Ближе всех к титулу царя – титул великого государя. Он семантически предшествует царю. «Великий князь» – это, я бы сказал, фиксация административного первенства. Великий государь на то и великий государь, что отвечает за всех. Царь же – титул, который своим наименованием дает новое прочтение всемирной истории, в которой царями назывались монгольские ханы, византийские цари. Кроме того, царем всегда назывался, и теперь называется, я полагаю, и впредь будет называться ... Иисус Христос. Когда человек принимает такой титул, он становится помазанником Божиим именно потому, что в титуле своем приближается к Божьей власти, становится *неподобным* выражением этой власти.

– *Принятие этого титула было единоличным решением Ивана Грозного? Или оно было культурно иницировано?*

– У нас имеются летописные рассказы о том, что церковь была готова к принятию Грозным царского титула, поддержала это намерение. Скорее всего, это была обоюдная инициатива: и церкви, и власти.

– В последнее время очень модно становится быть православным. Причем чуть ли не 90% считающих себя православными в церковь не ходят. А как верил средневековый человек? Что было важно?

– Понимаете, у нас нет статистических данных, таблиц посещаемости церкви в эпоху XVI века. У нас нет возможности проверить, каков был процент воцерковленных людей. Но атеистов в XVI веке, я думаю, тоже не было. Могло дойти и доходило до протеста против церковных порядков, вспомним Феодосия Косого! Но до отрицания Бога и церкви дело не доходило... Собственно, а куда еще ходить?.. В традиционном обществе церковь была естественным компонентом жизни: не только местом для молитвы, но и местом встреч, знакомств, общения, здесь узнавали новости, справляли праздники. Торг и церковь... Как правило, они даже и находились друг от друга недалеко. Никаких клубов, кино, Интернета! Общество средневековых людей любило свои привычки, традиции. Иное дело – XVII век. Тогда возникла проблема совмещения личных хозяйственных забот (особенно утренних) с посещением утренней церковной службы (она была долгой). Возросшая интенсивность хозяйственной жизни заставляла людей экономить время: его уже не хватало – так незаметно разрушался привычный и очень традиционный уклад жизни. И церковь пыталась, как могла, приспособиться к наступавшему Новому времени (к новому его переживанию в умах людей!).

– А что было важнее – обряд или мораль?

– Нет религии без обряда. Обряд – часть любой веры, в том числе христианской. В нем нельзя видеть лишь форму. Молиться Богу надо все-таки по каким-то правилам. Поэтому обряд – вещь функциональная и необходимая. Считать, что обряд – это негативный момент религии, значит, не понимать смысла религии. Пожалуй, в современной России, действительно, много таких людей, которые только в обряде и видят спасение души: им проще 20 раз на день помолиться, чем помочь одному нищему.

«Мораль» же – явление, которое возникает в позднее время, в новоевропейской культуре; она возникает как некая сумма правил, существующая отдельно от обряда, – это уже переход к современному состоянию. Строго говоря, в переживаемом христианстве эпохи Московского царства не могло быть «морали» как самоизолированной области этики. Книжники знали различия душевного и духовного человека (по апостолу Павлу), люди обыкновенные знали церковные правила, неотделимые от церковного чина, которые и составляли для них основу ценностных предпочтений.

– Для Руси было характерно понятие «Святая Русь». Откуда оно возникло? Оно менялось со временем?

– «Святая Русь» – это место, где, по мысли книжников, осуществляется *вера христианская* как истина, данная в Божьих заповедях, апостольских и священнических правилах... Афанасий Никитин несколько лет провел в Индии. Он остро ощущал «потерю» своей православной родины, оказавшись в «нечистой» земле. Любая нерусская земля тогда определялась «нечистой». Московское государство возникло в эсхатологическую эпоху, на рубеже семи тысяч лет. Если уж государство возникает, то Бог тому причина, и значит это не случайно. В век «маловременный» возникающее Московское царство – последнее, «иного не прибудет»... В этой эсхатологической перспективе и рассматривалась идея святости Русской земли. В конце XVII века, после событий Раскола, официальная церковь стремится ограничить и даже запретить эсхатологические объяснения настоящего – так постепенно отмирает и идея Святой земли, в которой, как многие думали, и обязан осуществиться провиденциальный замысел Творца.

– С одной стороны, Вы являетесь историком Средневековья, а с другой, – человеком XXI века. Если поставить рядом средневекового человека и современного, они смогут общаться и понимать друг друга?

– Нет, потому что средневековый человек, как и современный, бытует в культуре, которая никогда, я подчеркиваю, *никогда* не договаривает до конца. Это значит, что мы живем в мире общепринятых актуальностей, которые мы с вами знаем как *само собой разумеющиеся вещи*, и мы их не проговариваем снова и снова. Когда мы о чем-то говорим, мы только дополняем, уточняем смыслы, уже и так нам понятные в силу контекстуальной связи, которая существует между нами. Наша общая культура – не очень зримая вещь, но она определяет наш индивидуальный мир, потому что контекст – это то, что делает нас единым мыслительным пространством. Средневековый человек тоже имел свое мироощущение, свои актуальности, свою культуру, которая не договаривала до конца. Ее основание религиозное, а современный человек живет в мире ценностей светских... Нет, они никогда не поймут друг друга, потому что каждый будет говорить на своем «языке». Поэтому, собственно, и необходим исследователь культуры, чтобы реконструировать типичные объяснения людей, их типичные способы раскрытия смысла. Повторяю, для этого нужен исследователь.

– И историческая феноменология?

– И историческая феноменология. Ее специальная дисциплина – *источниковедение культуры* – формулирует свои правила научной реконструкции: одно из главных правил заключается во временном, пока идет исследование, *отказе от собственного объяснения* для того, чтобы раскрыть в полной мере содержание актуальностей другого жизненного мира в его привычной мыслительной практике, и необязательно средневековой.

– *На одной из пресс-конференций В.В.Путину задали такой вопрос: «Почему в течение стольких веков взаимодействия Россия не наладила дружественных контактов с Западом?» Как бы Вы ответили на этот вопрос?*

– Я не думаю, что она не наладила... Отношения были разные. Например, Пушкин до семи лет говорил только по-французски. Разве это не говорит о том, что мы прекрасно наладили отношения? Да, одно время культурная Россия была провинцией Европы и все западноевропейское перенималось с легкостью и даже азартом. Сегодня Россия выбирает универсальную формулу общения со всем миром. Но она никогда не будет только Европой. И никогда не будет только Азией.

– *Россия и Запад сейчас все больше конфликтуют...*

– Но заметьте, что этот конфликт и есть способ найти общую платформу. Свобода (в феноменологическом плане) определяется *способностью* отказаться от собственных предубеждений, объяснений, гипотез ради того, чтобы понять своего собеседника. Интерпретация в голове фанатика, имеющего силу и власть, – это начало мировой войны...

В эпоху глобализации постепенно теряет смысл традиционная дихотомия «Восток–Запад», наступает время иных реалий. Мир скоро станет очень сжатым, маленьким, опутывая себя нитями беспроводных сообщений, и большим одновременно, поскольку границы нашего обиходного знания о других народах, землях рухнут окончательно (как Берлинская стена), – и будет одна планета, и будет одна судьба (что не исключает, конечно, и «внутренних» войн, и больших катаклизмов).

– *Должна ли история быть «патриотической»?*

– Если относиться к истории как к части идеологии, то да, а если относиться к истории как к строгой науке, то нет.

– *Что изучение Средневековья дает современному человеку?*

– Абсолютно ничего. Каждый современный человек получает какую-то дозу этой информации в школе или в институте, но это не формирует его. Это вопрос скорее профессиональный.

– *То есть история ничему не учит?*

– Ну почему же? Если хочешь учиться у истории, то чему-нибудь научишься. Если хочешь сделать из нее «науку побеждать», то она и будет для тебя *такой* наукой, если хочешь заниматься ею серьезно как серьезный исследователь, то понимание истории как «палки» или «орудия» уже совсем неактуально. Историческая феноменология ограничивает науку, которая причастна к идеологическим формам жизни, и ту науку, которая занимается фундаментальными проблемами.

Фундаментальная наука удалена от всего преходящего, она не может вовлекаться в современный идеологический контекст и обязана заниматься своими проблемами исключительно *ради самой себя*. Она не причастна ни к каким колебаниям политических настроений. Прикладная же наука, которую используют в идеологических целях, тоже существует и будет существовать всегда, она не может себе позволить быть замкнутой, потому что используется в практических целях современности.

– Конечно, но, видимо, не все это понимают, и очень часто лженаучные теории становятся очень популярными. Как, например, Фоменко с его «новой хронологией»... Должна ли фундаментальная наука как-то на это реагировать?

– Во-первых, она уже отреагировала и выпустила сборники по этому поводу. Я попробую высказать не вполне ординарную мысль о трудах Фоменко: в том, что Фоменко появился, *отчасти* виновата сама историческая наука.

В XX веке она очень вовлекалась в идеологические игры, не обременяя себя доказательствами. Фоменко почувствовал, что эмпирическая наука ничего не может объяснить до конца и что она слишком часто меняет свои выводы в зависимости от изменений в идеологии. Он почувствовал, что наука гипотез, в конечном счете, сама себя лишает статуса науки. Это не делает чести Фоменко, но это не делает чести и исторической науке. Гипотезы становятся основным орудием историка. Однако всякая гипотеза обладает одним свойством: она ничего не доказывает и, по сути, является знанием недостоверным. Потому что если бы гипотеза имела доказательства, то никто бы не назвал ее гипотезой.

Почувствовав эту шаткость, Фоменко стал объяснять историю, *как ему хочется, не обременяя себя доказательствами*: Чингисхан – это Александр Невский, Александр Невский – Мария Федоровна, Романовы – Петровы, Петровы – Сидоровы, и стал он все путать и мешать, чтобы высмеять нас, историков.

Следует быть критичным к Фоменко, но вместе с тем надо сделать и какие-то выводы для себя. Фундаментальная наука ставит вопрос о проверке знаний и придает ключевое значение историческому источнику. Именно поэтому ее значение сейчас, как никогда, велико.

– *Часто приходится слышать мнение о том, что научные тексты очень сложно читать. Может, науке стоит стать более демократичной в смысле подачи материала? Ведь часто проще прочитать лженаучную книжку, она более увлекательна...*

– Наука науке рознь. Многие ученые занимаются популяризацией. Но серьезные вещи пишут серьезно. Они не направлены на массовую аудиторию. Как нельзя изучить высшую математику по популярной книжке, так нельзя изучить высшее гуманитарное знание по краткому самоучителю. О «трудных вещах», которые все же поддаются пересказу, можно написать и популярно. М.Л.Гаспаров, например, написал не одну популярную книгу по истории Античности, но если взять его труды по стихосложению, я не думаю, что Вы что-нибудь сразу поймете. Эти работы невозможно (или, по крайней мере, сверхтрудно!) пересказать популярно.

– *Что бы вы хотели пожелать или посоветовать молодым историкам, которые уже закончили или еще учатся в РГГУ?*

– Активности. Интеллектуальной дерзости. Наука живет не потому, что кто-то приказал ей жить, а благодаря энергии исследователей. Наука – это люди. Очень важно, чтобы в ней была положительная энергетика, чтобы молодежь понимала, что далеко не все еще открыто и очень много увлекательных открытий впереди. Тот, кто занимается наукой, может найти некую формулу счастья. Когда ты имеешь возможность что-то изучать и получать от этого удовлетворение, ты чувствуешь, что это – *твое, и только твое*. И какие бы кризисы ни наступали, финансовые или другие, они могут пройти мимо тебя, но не потому, что ты отрешен от настоящего, а потому, что личный глубокий интерес поможет тебе удержаться «на плаву» в этом сложном и непредсказуемом мире.

– *Вы считаете себя счастливым человеком?*

– Трудно сказать. Иногда – да. Иногда, может быть, нет. Это зависит от настроения и совпадения событий. Но и жаловаться грех, нельзя роптать, надо быть человеком, надеющимся на лучшее. Человек устроен так, что надежда помогает всегда и везде. Ведь мы не с ощущением счастья живем, оно мгновение, а с ощущением надежды.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Четверикова Ольга Николаевна

кандидат исторических наук,
старший преподаватель МГИМО (университет) МИД РФ

Симонова Татьяна Михайловна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института военной истории МО РФ,
доцент

Кондаков Игорь Вадимович

профессор РГГУ, доктор философских наук,
кандидат филологических наук, академик РАЕН,
заместитель председателя Научного совета РАН
«История мировой культуры»

Булдаков Владимир Прохорович

доктор исторических наук,
старший научный сотрудник Института российской истории РАН,
главный редактор журнала «Soviet and Post-Soviet Review»
(Лейден, Голландия)

Ранчин Андрей Михайлович

доктор филологических наук,
профессор кафедры истории русской литературы
филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

Готовцева Анастасия Геннадьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературной критики
Российского государственного гуманитарного университета

Киянская Оксана Ивановна

доктор исторических наук,
профессор кафедры литературной критики факультета журналистики
Российского государственного гуманитарного университета

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center»,
editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Chetverikova Ol'ga Nikolaevna

Pd.D., historian, Senior Teacher
of Moscow State Institute for International Relations (University)

Simonova Tat'ana Mikhailovna

Ph. D., historian, the senior lecturer,
the senior scientific employee of Institute of Military History

Kondakov Igor' Vadimovich

D. Sci., philosopher, Ph.D., philologist,
academician of Russian Academy of Natural Sciences,
the vice-president of Scientific Council RAS «History of World Culture

Buldaikov Vladimir Prokhorovich

D. Sci., historian, the senior scientific employee
of Institute of the Russian History, RAS,
editor-in-chief of the journal «Soviet and Post-Soviet Review»
(Netherlands, Leyden)

Ranchin Andrey Mikhailovich

D.Sci., philologist,
Professor of Chair History of Russian Literature,
philological faculty of Moscow State University

Gotovtseva Anastasiya Gennad'evna

Ph.D, philologist,
the senior lecturer, Chair of literary criticism,
Russian State University for the Humanities

Kiyanskaya Oksana Ivanovna

D.Sci., philologist, Professor,
Chair of literary criticism, Russian State University for the Humanities

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian,
Professor, Chair of Early and Early Modern Russian History,
Russian State University for Humanities

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ
123001, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская , д. 22/21, стр. 1-2
ИНН 7703053866 КПП 770301001
ОГРН 1027700337928

Отчет об использовании имущества Фонда за 2009 год

Источником образования средств и имущественных прав Фонда являются:

- денежные средства, поступающие от реализации научно-технических договоров,
- денежные средства, поступающие от реализации издательской продукции.

Общая сумма выручки составила 6614 тыс. рублей. Добровольных, вступительных и иных взносов не поступало. Фонд осуществляет свою деятельность на полном хозрасчете. Расходы за истекший год составили 6556 тыс. рублей, прибыль – 58 тыс. рублей.

По результатам финансово-хозяйственной деятельности в бюджет перечислен налог на прибыль в размере 18 тыс. рублей. В 2009 году сотрудникам Фонда регулярно начислялась и выплачивалась заработная плата.

В истекшем году Фонд не имел субвенций, субсидий, бюджетных и коммерческих кредитов, не обращался в налоговые органы с ходатайством об отсрочке или рассрочке по уплате налогов и сборов.

Финансово-хозяйственная деятельность Фонда велась в соответствии с Уставом Фонда, финансовая дисциплина соблюдалась, средства использовались по назначению, финансовое состояние признается как стабильное и устойчивое.

Ревизионная комиссия МОФ-ЭТЦ

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в Москве

«Гелея», Нахимовский просп., д.51/21;

«Наталис», Б.Левшинский пер., д.8/1, стр.2;

«Фаланстер», М.Гнездниковский пер., д.12/27, стр.3;

магазины издательства «РОССПЭН»:

Нахимовский пр-т, д.51/21; ул. Дм. Ульянова, д.19;

магазин ОГИ: Потаповский пер., д.8/12;

киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;

киоск РУДН ул. Миклухо-Маклая, д.6;

киоски I и II гуманитарных корпусов МГУ Воробьевы горы;

киоск Института востоковедения РАН, ул. Рождественка, д.12;

киоск Института Африки РАН, ул. Спиридоновка, д.30/1;

киоск в РГБ ул. Воздвиженка, д.3/5, 1-ый читательский подъезд;

в интернет-магазине «Политкнига.ru»

www.politkniga.ru

в интернет-магазине «Агентство научных изданий»

www.ani-books.ru

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:

**39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
82118 – по каталогу Агентства «Роспечать»**

Альтернативная подписка:

**ООО «Интерпочта» тел. (495)500-00-60,
(495)580-95-80,
(495)795-23-00**

ООО «АльтПресса» тел. (495)974-30-79

**ООО Агентство «Артос–Гал» тел. (495)603-27-33,
(495)603-27-34**

**ООО «Вся пресса» –
справки о вашем региональном агентстве
по тел. (495)906-07-26, (495)906-07-35**

**В редакции подписка и продажа льготные.
Тел. (495)691-74-79**

**Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 681-91-37, (495)681-57-15
e-mail: export@periodicals.ru**

**Открыта подписка на электронную версию журнала,
начиная с 1 номера 2008 года. Подписка оформляется
через Научную электронную библиотеку: www.elibrary.ru**

Редакционный совет журнала :

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, профессор, директор Центра кавказских исследований МГИМО (Университет) МИД РФ, президент Академии наук, культуры, образования и бизнеса Кавказа;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета;

Либих Андре, профессор истории, школы международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Мильков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Учредитель
Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Главный редактор
С.Е.Кургинян
Редколлегия:
Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),
Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),
Каравашкин А.В.,
Куриленкова А.А.,
Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года
Регистрационное свидетельство 011074

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
телефон (495)691-74-79
факс (495)694-17-54
E-mail russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2010

Цена свободная

ISSN 0869—8503

Подписано в печать 18.02.2010. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная 1. Объем 12.25 печ. л.
Тираж 1500 экз. Заказ
Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».
140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.
Тел. 554-21-86

1.2010 january-february

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Destiny of Development
in the Present-day Russia (the end) _____ **4**

Geopolitics and International Policy Issues

Ol'ga Chetverikova

Catholicism on the Offensive: Ideology and Politics
of Vatican in Conditions of Transition
to the Globalized World Order _____ **34**

Tat'ana Simonova

The Russian Military Emigration and Fascism:
Politics and Geopolitics _____ **60**

Labels and Myths

Discussion: Problems of Russian culturology

From the Edition _____ **88**

Igor' Kondakov

The 'Silver Age' as a Proverb and a Byword _____ **89**

Vladimir Buldakov

Myth at the Higher Education Institution's Chair:
the Fate of the 'Silver Age' in the Historical
Materialism _____ **106**

Andrey Ranchin

On Culturology, the 'Silver Age' and Jutta Scherrer's
Article _____ **118**

Pages of History

*Anastasiya Gotovtseva,
Oksana Kiyanskaya*

K.F.Ryleev's Family History
in the Historical and Literary
Context of the Late 18th –
early 19th Century _____ **132**

Readers' Letters

Andrey Yurganov

The Historical Phenomenology: it is
Necessary "Not to Explain
but to Understand" _____ **176**

РОССИЯ XXI